

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА**

АББАС ИСЛАМОВ

**ФАЛЬШИВАЯ
«ИСТОРИЯ ХАЙЕВ»
МОИСЕЯ ХОРЕНСКОГО**

БАКУ 2015

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ:

Айтен МУСТАФАЕВА,

*директор Института по правам человека НАНА,
доктор юридических наук, профессор,
депутат Милли Меджлиса*

РЕДАКТОР:

Сабина САДЫХГЫЗЫ

ВЕРСТКА И ДИЗАЙН:

Мубариз ГАДЖИЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

I. «Армянская традиция» в исторической науке	6
II. Образ автора «Истории хайев»	24
III. Неразрешимые противоречия «Истории хайев»	41
IV Абсурдная хронология «Патмутюн хайотц»	62
V. Плагиат и искажение литературных источников	79
V-1. Плагиат и искажение трудов Иосифа Флавия	87
V-2. Плагиат и искажение трудов Евсевия Кесарийского	106
V-3. Плагиат и искажение трудов Иоанна Малалы и Геродота	128
VI. Образ царя Абгара по Хоренскому: подлог и обман	153
VII. Ключевые образы сочинения	186

VII-1. Сахак Багратуни (Исаак Багаратони)	186
VII-2. Арсак «Великий», Валарсак и архивы Ниневии	216
VII-3. Мар Абас Катина	234
VIII. Анахронизмы «Истории хайев» Моисея Хоренского	242
IX. Экспериментальная глава	268
X. Заключение	275
XI. Библиография	285

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(Анекдот, отражающий противоречия национальной историографии хайев, построенной на фольклорном сочинительстве)

Старый армянин рассказывает внуку о своем героизме во время войны и о том, как однажды он со своими товарищами был захвачен фашистами в плен: «Пленных построили в ряд и предложили одному из нас выйти из строя и расстрелять остальных. Того, кто делает это, обещали оставить в живых. В противном случае будут расстреляны все». Увлеченный своим рассказом дед с печалью и гордостью говорит внуку: «И никто не вышел из строя, никто не сделал этот шаг...»

Внук задумался на секунду и спросил: «Дедушка, а как же ты выжил?» Пойманный врасплох простым вопросом старик в растерянности ответил:

«А я... не выжил, ...меня расстреляли».

I. «АРМЯНСКАЯ ТРАДИЦИЯ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Мы потому клеймим ложь наибольшим позором, что из всех дурных проступков этот легче всего скрыть и проще всего совершить.

Вольтер

Для настоящего исследования «Истории хайев» Моисея Хоренского был проведен сравнительный анализ наиболее полных и доработанных изданий XIX–XXI веков:

- Н.О. Эмин. **История Армении Моисея Хоренского. Издания 1858 и 1893 гг. Москва. (Перевод на русский).**

- Г.Х. Саркисян. **Мовсес Хоренаци. История Армении. Ереван. 1990 г. (Перевод на русский).**

- R.W. Thomson. *Moses Khorenats' i. History of the Armenians.* Harvard. 2006. (Пересмотренное издание. Перевод на английский с комментариями).

(Время и место различных изданий «Истории хайев»: Амстердам, 1695; Лондон, 1736; Венеция, 1752; Венеция, 1827; Венеция, 1841; Венеция, 1843; Париж, 1845; Венеция, 1864; Тифлис, 1881; первое русское издание: Санкт-Петербург, 1809; второе русское издание: Санкт-Петербург, 1893; современные издания: Гарвард, 1978; Ереван, 1986; Ереван, 1990; Гарвард, 2006.)

Существует мнение, что изучение сочинения Моисея Хоренского «История хайев» («Патмутюн хайотц») необходимо начинать с его самого первого типографского издания, отпечатанного в Амстердаме в 1695 году. При этом считается, что также должны быть охвачены и многочисленные повторные издания, выпуск которых продолжался на протяжении столетий вплоть до конца XX века.

Возможно, это мнение справедливо в отношении исследования, которое было бы посвящено раскрытию изменений, вносимых в это сочинение и его эволюции от издания к изданию. Но, на наш взгляд, это не совсем правильный подход к вопросу критического исследования «Истории хайев» Хоренского как важнейшего документа, заложенного в основание национальной историографии хайев. Дело в том, что в 1695 году состоялось самое первое печатное издание этого сочинения, которое никогда прежде не существовало в виде цельного произведения. Неизвестно как составленное (учитывая полное отсутствие оригинальных рукописей предполагаемого автора на протяжении 1200 лет и каких-либо копий, содержащих хотя бы несколько глав исходной рукописи), это издание возникло, как самая первая попытка создателей «армянской традиции» в исторической науке предъявить миру основную концепцию хайской национальной истории, представленную в едином книжном формате.

Это произведение должно было также выступить в роли главного литературного источника, на базе которого предстояло выработать долгосрочную идеологическую программу с целью формирования мощной разрушительной силы, действующей внутри величайшей в истории человечества мусульманской державы – Османской империи.

Но первая книга была своего рода пилотным изданием, над которым еще предстояло поработать, учитывая выявленные недостатки, критику ученых и доводя его до необходимого «совершенства». Для этого в Европе и России были созданы все необходимые материально-технические и финансовые условия, в результате чего одно за другим стали печататься новые издания «Истории хайев» как на хайском языке, так и в различных переводах, вплоть до XXI века.

По этой причине, на наш взгляд, критический анализ «Патмутюн хайотц» должен производиться на материале наиболее современных, дополненных и доработанных изданий, чтобы не оставить повода для суждений о том, что те или иные критические замечания были сделаны в отношении текстов, взятых из ранних переводов, в которых были не вполне адекватно интерпретированы сведения, изложенные в средневековой версии хайского языка.

Именно работа с материалом более поздних, исправленных и усовершенствованных изданий «Истории хайев» Моисея Хоренского позволит раскрыть во всей полноте картину этой

беспрецедентной фальсификации, ставшей краеугольным камнем в фундаменте «армянской традиции», становление которой происходило при всесторонней поддержке и содействии политических и академических кругов Европы и России.

Понятие «армянская традиция» стало распространяться в литературе относительно недавно, с середины XVIII столетия, как призванное обозначить феномен проникновения в историческую науку многочисленных хайских сочинений фольклорно-сказительного характера, не имеющих, однако, под собой строго научной доказательной основы. Но, несмотря на откровенные противоречия, в которые «армянская традиция» зачастую вступала (и продолжает вступать) с исторической наукой, ей были предоставлены эксклюзивные права на присутствие в академическом и популярном пространстве Европы и России. Это было обусловлено, прежде всего, причинами геополитического характера, поскольку начиная с XVII века хайским общинам, обитавшим в пределах восточной Анатолии и Иранского плато, стала отводиться роль форпоста христианского мира в пределах Османской империи, на базе которого, в интересах европейской и российской геополитики предстояло вырастить значительную дестабилизирующую силу, действующую внутри турецкой державы, методами вооруженного террора.

Важное значение имело также и то, что отличительной особенностью «армянской тради-

ции» является ее насыщенность сведениями религиозного характера, имеющими приоритетное значение для всего христианского мира. Подавляющее большинство хайских источников, относимых «армянской традицией» к раннехристианскому и средневековому периоду, посвящены религиозной тематике. В них содержатся обильные ссылки на имена раннехристианских миссионеров и на деяния, совершенные во имя христианских ценностей. И хотя упоминаемые события и обстоятельства далеко не всегда согласуются с историческими данными, значимость преподносимого в них религиозного содержания для христианского мира не позволяет отвергать их полностью. Но в то же время ученые не могут рассматривать подобные сочинения наравне с другими историческими источниками, предоставляющими достоверные, научно доказанные сведения.

Очевидная противоречивость ситуации требовала введения определенных корректировок в научную лексику, в результате чего и появилось определение «армянская традиция», в которой, несомненно, присутствует оттенок неловкости, испытываемый и по сей день академической наукой, вынужденной мириться с соседством национально-традиционных взглядов на историю.

Отсутствие ясной и непрерывной хронологической последовательности событий национальной истории, в особенности ее древнего периода, является существенной особенностью хайс-

кой историографии, основанной на «традиции» фольклорного характера. Она все еще не в состоянии выстроить отчетливую линию развития этноса на протяжении тех тысячелетий, когда, по убеждению «традиции», хайский этнос, якобы, доминировал в течение десятков веков на всем пространстве восточной Анатолии и высокогорий Малой Азии.

Однако следует отметить, что в исторической науке, уживающейся с необходимостью соприкасаться с «армянской традицией», сведения из хайских источников не рассматриваются в качестве достоверной исторической информации. Неточность, ошибочность, тенденциозность и противоречивость материалов, преподносимых узко-национальной «традицией» всегда критически оценивалась официальной наукой, на протяжении последних 200 лет множество раз выявлявшей факты предвзятого манипулирования сведениями исторического характера.

Сочинение, о котором пойдет речь ниже, несмотря на искусственно созданную вокруг него ауру уникального древнего документа, относится исторической наукой к категории произведений, находящихся в сфере национально-традиционных взглядов на историю. Это вызвано, прежде всего, тем, что помимо фольклорно-сказительного стиля, оно содержит неисчислимое количество неточностей и ссылок на имена и события, историчность которых не подтверждается другими источниками, находящимися за пределами «армянской традиции». Но в нем содер-

жится так же и большое количество **анахронизмов** – сведений о событиях, которые в действительности имели место намного позднее середины V века, когда, по настойчивому утверждению сторонников «традиции», и было, якобы, написано данное произведение.

Как ни парадоксально, но именно в этой особенности сочинения, носящего название «Патмутюн хайотц» (История хайев), относимого к середине V века и долгое время преподносившегося цивилизованному миру как «История Армении», заключается ее непревзойденная феноменальность. Несмотря на обилие анахронизмов, относящихся к гораздо более поздним временам (даже апологеты «армянской традиции» признают, что в соответствии с анахронизмами «История хайев» могла быть составлена позже IX века) – «Патмутюн хайотц», тем не менее, продолжает лежать в основе всех построений хайской историографии, как «самый ценный» источник сведений V века о «древней» истории хайев и цитироваться в прочих научных и популярных ссылках, как источник «армянской традиции».

Необходимо также отметить, что многочисленные исследователи истории хайского народа, его мифологии и письменных источников, традиционно датируемых V веком (*на самом деле не существует подлинников V века, написанных хайским алфавитом*), обходили стороной тот очевидный факт, что хайи никогда, на протяжении веков, ни в письменных источниках, ни в

устных фольклорных и бытовых традициях не называли себя «армянами», а места своего проживания «Арменией».

Использование терминов «армяне» и «Армения» в европейских и русских переводах хайских источников, так же как и в переводах греческих, латинских и других источников на хайский язык, скрывает не только от простых обывателей, но даже от специалистов тот факт, что абсолютно все хайские источники, независимо от их древности, в оригинальных текстах *никогда не использовали и не используют этих слов*. В национальных хайских текстах встречаются только лишь слова, основанные на специфичных и неизменных национальных определениях, записанных национальным алфавитом, как: Հայ – «хай» (национальное самоназвание в ед. числе), Հայկ – «хайк» (национальное самоназвание во множ. числе), Հայոց – «хайотц» (хайский, имеющий отношение к хайам), Հայաստան – «Хайастан» (в отношении местообитания, *буквально означающем – «земля хайев»*). Здесь же необходимо отметить, что ни в одном из десятков тысяч известных исторических источников, написанных на различных языках и находящихся вне «армянской традиции», с древнейших времен до позднего средневековья новой эры, ни данный регион, ни даже отдельный его участок **никогда** не назывался «землей хайев».

Далеко не все исследователи Европы и России, несмотря на научные карьеры, сделанные в области изучения истории Малой Азии, понима-

ли и понимают во всей полноте то обстоятельство, что значение терминов, используемых в рамках и интересах «армянской традиции», существенно отличается от того исходного смыслового содержания, которое несут в себе все те оригинальные персидские, арамейские (сирийские), греческие и латинские источники, на которые опираются работы европейских исследователей. Так, например, любые земли, в отношении которых в древнегреческих описаниях употреблялось территориальное определение «Армения», в хайских переводах неизменно объявлялись и объявляются «Хайастаном». При этом, все события, происходившие в пределах упоминаемых территорий и государственных образований преподносятся как история хайского народа и объявляются собственностью национальной истории Хайастана.

То есть если в оригинале под определением «Армения» подразумевался многонациональный регион, то в хайских переводах определение трансформируется в узко-национальное понятие, деформируя исходное понятие в выраженное этническое определение – «земля хайев». Точно такая же трансформация происходит в хайских переводах с перевоплощением слова «армяне»/«арменийцы» из древнегреческих источников, использовавшегося в качестве общего термина в отношении многонационального населения высокогорного региона, в узко этническое название «хай»/«хайк».

Полностью игнорируя тот факт, что этническое самоназвание «хайк» не упоминается ни в одном из разноязыких древних источников региона на протяжении тысяч лет – любое упоминание «армян/арменов/арменийцев» в древнегреческих текстах неизменно превращается в хайских переводах в слова, несущие этническое самоназвание, например, «хайк/хайер/хайерен». **Однако, это столь же далеко от истины, как если бы общее определение «европеец» переводилось бы исключительно, как «хорват».**

Но подобная практика произвольно, хотя и естественно, привела к неожиданным для «армянской традиции» последствиям. Объявляя в хайских переводах древнееврейских, древнегреческих и древнеперсидских источников все исторические личности и все население огромного географического региона этническими хайами, а сам регион «землей хайев» – «Хайастаном», она вошла в откровенное и неразрешимое противоречие с исторической наукой, категорически отвергающей столь бесцеремонные искажения.

Ведь в соответствии с постулатам «армянской традиции» этноним «хай» не только должен был неизменно присутствовать на пространстве Малой Азии на протяжении более чем трех тысячелетий, но должен был быть широко представлен в многовековой культуре, в письменном наследии некогда существовавших здесь государств и в истории всех обитавших здесь народов. Это заключение естественным образом вытекает из

утверждений «традиции», основанной на сочинении Моисея Хоренского о том, что отцом-основателем не только хайского этноса, но и всего цивилизационного процесса региона является прародитель хайев по имени Хайк, сын Торгома (правнука Ноя). Перечисление родов, племен, династий, царств и событий в «Патмутюн хайотц», основателями и совершителями которых являлись бесчисленные потомки Хайка (неизменно носившие самоназвание «хай» в честь мифического прародителя), означает только одно – бесспорное доминирование хайского этноса, заселявшего весь регион. Естественно, это указывает также и на то, что согласно «армянской традиции» национальное самоназвание обязано было не только непрерывно присутствовать на протяжении десятков веков, но даже изобиловать в многочисленных письменных источниках, оставшихся от этих государств, в переписках и хрониках, титулах и наименованиях династий и т.д. Не имеет значения, какой письменностью пользовались в различных государствах на протяжении этого времени на огромном пространстве восточной Анатолии и Иранского плато – все письмена, согласно убеждениям «традиции», должны были бы отражать родную речь хайев-царей и царевичей, хайев-наместников и князей, правивших доминировавшими здесь племенами хайев в хайских государственных образованиях на протяжении тысяч лет и по приказу которых составлялись описания их деяний и подвигов.

Но в действительности ничего подобного в истории не наблюдается. Ни один из десятков тысяч древних письменных источников не содержит даже намек на присутствие этнонима «хай»/«хайк». В этом и заключается наиболее яркое и очевидное противоречие «армянской традиции». В гигантском разрыве в тысячи лет между временами библейской античности, куда сочинение Хоренского забросило этническое самоназвание хайев, поместив в сумраке легенд вымышленного прародителя Хайка и его потомков – и поздним средневековьем новой эры, когда в источниках «армянской традиции» (только в них) начинает появляться самоназвание народа «хайк», записанное буквенными знаками новоизобретенного национального алфавита.

Полное отсутствие этнонима «хай»/«хайк» на протяжении тысячелетий при настойчивых утверждениях, основанных на мифе о Хайке и его потомках, вошедших в хайскую историографию в качестве исторической данности, а также доминировании хайского этноса в регионе на протяжении столь продолжительного периода времени – являет миру феноменальное противоречие, преодолеть которое «армянская традиция» не в силах. Несмотря на непрерывные поправки и дополнения, вносимые поколениями представителей национальной школы историографии в архивы «армянской традиции», все попытки заполнить эту колоссальную пропасть остаются безрезультатными.

Еще одним неопровержимым фактом, наносящим сокрушительный удар по амбициям «армянской традиции», преследующей цель хайезировать многонациональную историю Малой Азии является то, что в отличие от славянских, тюркских или германских народов нет и не может быть понятия «хайк», объединяющего под собой группу народов и национальностей, говорящих на родственных языках и имеющих общие корни происхождения. Народ «хайк» состоит из народа хайк. В отличие от понятий «славяноязычные», «тюркоязычные», «германоязычные» народы – не существует такого понятия, как «хайеязычные (армяноязычные) народы», потому что на хайском не говорит никто кроме самих хайев.

Возможно ли, чтобы подобное вычленение и обособление произошло с народом, историки которого упрямо настаивают на том, что он на протяжении тысяч лет бесчисленными ответвлениями несметных потомков покрывал почти все Малоазийское пространство и формировал историю и культуру всех его обитателей? Науке неизвестны подобные примеры.

Очевидно, что наблюдаемая в реальности этническая изолированность народа «хайк» объясняется только тем, что история «Армении» и «армянцев», перевоплотившихся в сфере «армянской традиции» в «Хайастан» и «хайев», в действительности не является историей хайского народа.

Попытки объяснить этническую изолирован-

ность, отчетливо наблюдаемую на протяжении обозримого прошлого народа хайк, религиозными причинами, когда общины носителей христианского монофизитства, якобы, оказались в окружении народов с другой культурой, не выдерживает никакой критики. Это предположение никак не объясняет отсутствие этноса и его следов в **дохристианский** период. Более того, истории известны многочисленные примеры, подтверждающие, что конфессиональные различия, возникающие в пределах этносов, не влекут за собой существенных изменений в национальных языках и древних народных традициях. Так, например, несмотря на более чем тысячелетнее религиозное разграничение арабы мусульмане и арабы христиане могут свободно общаться на родном языке со своими соплеменниками на всем афро-азиатском пространстве и разделяют общую культуру предков. Столь же продолжительный период нахождения гагаузов в сфере православного христианства несколько не повредил национальному языку, что позволяет гагаузам общаться с представителями других тюркских народов на гигантском просторе евразийского континента.

Следует еще раз подчеркнуть, что противоречия «армянской традиции» безмерно усугубляются тем, что, в соответствии с ее же утверждениями, все население малоазиатского пространства должно было бы быть представлено народами, родственными хайам и несущими это родство, прежде всего, в языковой основе. Т.е.

несмотря ни на какие религиозные различия хайи должны были бы свободно общаться на родном языке с такими автохтонами региона, как, например, курды или арамейцы, что на самом деле, не происходит и никогда не происходило.

Невозможно не отметить и следующее неоспоримое и хорошо известное обстоятельство: хайский язык переполнен словами из персидского, тюркского, курдского, арамейского и греческого языков. Однако ни один из этих народов не перенял ничего из языка хайев, которые, *по настойчивым утверждениям «армянской традиции»*, с древнейших времен неизменно являли собою политическую, демографическую и культурную доминанту региона.

Очевидно, что «армянской традиции» никогда не удастся навести мосты через эту бездонную пропасть времени и противоречий, потому что в качестве строительных материалов используются мифологические и фольклорные сочинения, исходная аргументация которых представлена характерной фразой, широко используемой в «Истории хайев» – «говорят, что...».

Ниже будут приведены объяснения, насколько важно для исторической науки раскрытие несостоятельности произведения «Патмутюн хайотц», как исторического документа, которое, якобы, было написано в V веке новой эры. Но для того, чтобы читатель мог лучше понять природу фальсификации, представленной в данном сочинении, которое все еще занимает позицию краеу-

гольного камня в фундаменте хайской историографии и «армянской традиции», предлагаем провести следующий опыт.

Вообразите, что вам приносят некие рукописи и уверяют, что это редчайшие и ценнейшие документы, принадлежащие перу самого «отца истории» Геродота, который, как известно, жил в V веке **до** Рождества Христова. О том, что произведение принадлежит Геродоту, говорится в первых же строках, в которых «автор» (т.е. сам Геродот) рассказывает о себе и о том, как он трудился над составлением данной рукописи. Но, вчитываясь в текст, вы обнаруживаете, что «отец истории» сообщает о том, что он был свидетелем покорения Индии Александром Македонским, рассказывает, как Юлий Цезарь завоевывал Галлию, как Парфия сражалась с Римом и, наконец, повествует о возникновении Арабского Халифата. Но Геродот не мог быть свидетелем этих происшествий и не мог обладать информацией о событиях, которые происходили спустя века после его смерти!

Как бы вы отнеслись к подобной «исторической» работе? Стали бы восторгаться «научной ценностью» заключенных в ней сведений, «важностью» произведения для исторической науки, «великолепным слогом» сочинителя или... восстали бы против очевидной фальсификации и подтасовки? Разумеется, подобная работа была бы с негодованием отвергнута учеными всех стран и национальностей, как грубая подделка, недостойная академического

внимания и оскорбляющая имя автора – невзирая ни на какие национальные традиции тех, кто преподнес вам эту фальшивку.

Однако большинство исследователей, признавая факт компиляции сочинения «Патмутюн хайотц» во времена намного более поздние, нежели V век, как правило, не рискуют выдвигать суждения по поводу вытекающих из этого факта очевидных выводов. Но дело в том, что беспристрастный анализ статуса данного произведения никак не может ограничиваться только признанием факта его позднего сочинения. Это невозможно просто потому, что факт позднего возникновения естественным образом уничтожает самые главные, стержневые элементы сочинения, составленного под именем Хоренского, равно как и связанных с ним прочих литературных построений.

Сочинение, старательно выстроенное неизвестным компилятором в виде повествования, в котором автор, носящий имя Мовсес Хоренатци (Моисей Хоренский), выдает себя за очевидца и современника многих описываемых событий, содержит в своей собственной материи мощный фактор саморазрушения, уничтожающий его, как исторический документ. Этот фактор представлен, прежде всего, обилием анахронизмов – т.е. описанием событий, которые на самом деле происходили намного позднее середины V века и о которых автор Моисей, естественно, не мог иметь никакой информации. Анахронизмы дополняются грубейшими искажениями истори-

ческой информации и абсурдной трактовкой событий, не поддающимся подсчету ввиду их многочисленности. Картину фальсификаций завершает изобилие выдуманных имен и происшествий, существующих только в сочинении Хоренского и не подтверждающихся иными источниками вне пределов «армянской традиции».

Необходимо выделить и подчеркнуть – вопрос не только в том, что по причине анахронизмов время создания сочинения и время жизни его предполагаемого автора смещается на несколько веков в сторону современности от заявленного «армянской традицией» V века новой эры. *Вопрос в катастрофических последствиях, вытекающих из бесспорного факта фальсификации, как для значимости самого произведения, неприемлемого в качестве исторического труда, так и положения, занимаемого всей «армянской традицией» в мировой исторической науке.*

II. ОБРАЗ АВТОРА «ИСТОРИИ ХАЙЕВ»

Исследования вокруг «Истории хайев» в обязательном порядке должны учитывать присутствие своеобразной ауры далеко неоднозначного образа ее предполагаемого создателя, которого «армянская традиция» преподносит как Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренатци).

Несмотря на то, что хайская историография называет его «крупнейшим» историком Средневековья и наделяет прочими не менее звучными титулами, выдвигая на один уровень с «отцом истории» Геродотом, мировое научное сообщество не только не считает его таковым, но даже ставит под сомнение сам факт его существования. И этому есть серьезные причины.

Информация о нем, *отсутствующая за пределами национальной «традиции» хайев*, скудна до такой степени, что все сведения о Моисее, занесенные сегодня в различные справочники, носят исключительно предположительный характер, включая дату рождения (начало V века) и смерти (конец V века), период творчества и даже авторство в отношении «Истории». Ссылки на имя Хоренского и его труды встречаются только в сочинениях хайских авторов, причем составленных позднее X века. Но поскольку помимо хайских источников они не подтверждаются никакими другими историческими свидетельствами, достоверность подобной информа-

ции, вполне справедливо, подвергается серьезным сомнениям.

Наиболее заметным фактом, на общем фоне противоречивой информации, является то, что, по мнению многих исследователей, историк по имени Мовсес из Хорена не мог существовать в V веке. Анахронизмы, о которых более подробно будет рассказано ниже, относящиеся к событиям намного более поздних времен, излагаются Хоренским в общем контексте единого произведения, написанного рукою одного автора. И естественно, что это не может не вызвать критику со стороны исследователей в отношении сочинения, которое буквально начинается строками о том, что автор является современником Маштоца, Исаака Парфянина и Исаака Багаратони. Но очевидно также и то, что данная ситуация не вызывает серьезного беспокойства в лагере «армянской традиции», сказания и мифы которой получили некогда мандат на присутствие в сфере исторической науки.

Отношение «армянской традиции» к образу Хоренского и приписываемым ему сочинениям, прекрасно характеризуется высказыванием известного исследователя хайской истории и литературы XIX века Григория Халатьянца: «Доказательством особенной популярности Моисея Хоренского, между прочим, может служить *огромная масса рукописей* его *Истории*, сохранившихся до наших дней; однако, *древнейшая из них не восходит далее XIV века*».

Эта короткая строка несет в себе все своеобра-

зие атмосферы, царящей в пределах «армянской традиции». А именно то, что представителям традиционно-национальных взглядов на историю прекрасно известно, что упомянутая «огромная масса сохранившихся рукописей» в действительности не содержит даже фрагмента подлинного первичного текста, написанного в V веке хайским алфавитом и, что древнейшая из этих рукописей не старше XIV века! Но при этом, не считаясь с логикой и неопровержимыми фактами, историография, стоящая на «традиционных» национальных позициях, настаивает на том, что за тысячу лет до самой ранней известной рукописи, в середине V века существовал и сам автор по имени Моисей Хоренский и его рукописное сочинение «История хайев», написанное буквенными знаками национального алфавита.

Ключевым аргументом датирования времени жизни предполагаемого автора и времени написания «Истории» являются строки из *этого же* сочинения. В них автор представляет себя современником Маштоца, патриарха Исаака Парфянина (в «армянской традиции» Сахак Партев) и некоего влиятельного военачальника, ключевого персонажа «Патмутюн хайотц», Исаака Багаратони (Сахака Багратуни), также помещенного «армянской традицией» (т.е. *самим автором* «Истории хайев») в середину V века.

Однако это утверждение сочинителя «Истории» является ложью. Более детально об этом будет рассказано в последующих главах, но сейчас отметим, что все исследователи произведе-

ния независимо от национальности и вероисповедания согласны с тем, что это ложь. Но никто еще не решился использовать этот факт в качестве одного из наиболее весомых аргументов о том, что «Патмутюн хайотц» от Мовсеса Хоренатци является фальсификацией.

А ложь – явная и откровенная – заключается именно в том, что автор сочинения, называющий себя Моисеем из Хорена, представляется учеником и современником Месропа Маштоца и Исаака Парфянина, живших в V веке, в то время как строки об этом он пишет, находясь, *по меньшей мере*, в IX веке. На этой лжи основано мнение (если можно считать ложь основанием), что сочинение Хоренского было написано в V веке. На стержне этой лжи построено все произведение, с нее начинается и ею же заканчивается «История хайев».

Тот факт, что сочинитель «Истории хайев» не был современником Маштоца и Сахака, означает, что произведение пронизано еще более фундаментальной ложью – Хоренский, упоминающий о событиях IX-X-XI веков *никак не мог быть современником Исаака Багаратони*, по заказу которого он, якобы, и приступил к написанию своего «труда» в середине V века. *Но ведь на основе этой предпосылки и построено все произведение!*

Печать фальсификации ставится на произведении в самом начале «самой значительной» работы хайской историографии, поскольку именно с обращения к *еврею* Исааку, с благо-

дарностью и восхвалениями к нему за его мудрое решение описать историю хайев и начинается 1-я вступительная глава сочинения.

Но где еще упоминается имя историка Моисея, помимо ссылки на себя самого в сочинении «История хайев»?

Прежде всего, следует отметить то обстоятельство, что в информационном поле региона на протяжении 5-ти столетий полностью отсутствуют сведения о «хайском Геродоте» и его «самом значительном труде» по истории хайского народа. Это следует из утверждений самой «армянской традиции», настаивающей на том, что сочинение было создано в середине V века, а также из того факта, что первые письменные упоминания об «историке» Моисее и его «Истории» появляются с началом X века (в национально-традиционных источниках). Далее будут приведены доказательства, что ни подобный автор, ни приписываемое ему произведение не могли существовать в V веке. Но, даже допуская к сведению положения «традиционной» историографии, невозможно не отметить, что отсутствие каких-либо сведений о столь «значительном» произведении и его авторе – явление странное и необъяснимое.

Этот информационный вакуум выглядит еще более странным, если учесть, что «История» была написана **не** по собственной прихоти священника, для хранения в церковном архиве. Согласно «традиции», ее создавали по воле одной из самых выдающихся личностей в западной Пер-

сии того времени – полководца Исаака, возглавлявшего дворянское семейство древнего еврейского рода Багарат. То есть произведение находилось во влиятельной среде влиятельных людей, и было написано не для него одного, а для всего династического древа, включая его грядущие ответвления. Об этом прямо говорится от имени автора и в самом сочинении: «Поэтому я охотно соглашаюсь на твою просьбу (заказ Исаака о составлении родословия - **А.И.**) и приложу все старания, чтобы осуществить ее и оставить этот труд как бессмертный памятник тебе и грядущим после тебя потомкам» (М.Х. Кн.1, гл. 1).

Династия Багарат не исчезла со смертью Исаака Багаратони (Сахака Багратуни) убитого, согласно «традиции», в сражении с регулярными войсками персидской империи в конце V века. Процветающее княжеское древо перманентно присутствовало в регионе, и было активно вовлечено в исторические события, вплоть до современного периода. Следовательно, сведения о бесценном произведении, столь вожделенном для всего *хайского* народа и написанном по заказу лидера влиятельнейшего *еврейского* клана, равно как и о создавшем его «величайшем историке», не могли испариться бесследно сразу же после завершения этого исключительно важного труда.

Но факт остается фактом – первые ссылки на историка Моисея и его сочинение появляются только в X веке. *И это только ссылки* – не существует даже фрагмента подлинных рукописей

Хоренского. Факт остается фактом – именно с X века, в условиях полного отсутствия оригинала «Истории», берет начало череда ссылок, намекающих на возможное существование подобного сочинения, и неизвестно откуда берущихся первых отрывочных сведений о жизни автора.

Единственное, относимое «армянской традицией» к временам V века упоминание о некоем Моисее, на самом деле не имеет к Хоренскому никакого отношения. Прежде всего, отметим, что имя Моисей было широко распространено в пределах всей Малой Азии и было популярным не только среди иудеев и автохтонных народов семитского происхождения (в частности, евреев и арамейцев), но и всех, кто на заре новой эры уже оказался вовлеченным в сферу христианства. На этом фоне «традиция» ссылается на строку из письма, предположительно написанного в конце V века еще одним историком «армянской традиции» священнослужителем Лазарем из Фарпи (Газар Парпеци), в которой упоминается «умерший к этому времени» некий «философ» Мовсес, слова которого «сеяли невежество». Нижеперечисленные причины свидетельствуют о том, что в этом письме и речи идти не может о Моисее Хоренском.

Во-первых, Хоренский, согласно всем поздним источникам «традиции», появляющимся после X века и впервые ссылающимся на его имя, известен как историк, поэт, декламатор (риторик) и автор «Истории хайев». Мог ли Лазарь, упоминая своего современника, извест-

ного именно этими достоинствами, называть его не историком и не летописцем, а «философом», который «сеял невежество», навлекая на себя неприязнь и враждебное отношение со стороны монахов? Лазарь ни единым словом не отмечает в своем письме, что «философ» Моисей сочинил какой-либо труд по истории (прежде чем умер). В то время как именно сочинительством «истории» прославился Хоренский, выполнив серьезнейший заказ по написанию родословной истории знатной семьи персидских евреев. Это обстоятельство уже дает основания утверждать, что упомянутый Лазарем из Фарпи «философ» не имеет никакого отношения к «историку» Моисею.

Во-вторых, еще более убедительные аргументы были представлены известным исследователем «армянской традиции» Робертом Томсоном. Он обнаружил, что Хоренский, составивший свою «Историю» из многочисленных заимствований, извлеченных из различных произведений, относящихся к различным временам, позаимствовал также много отрывков из «Истории», написанной Лазарем из Фарпи.

(Кстати, именно в связи с изобилием заимствований в «Патмутюн хайотц» исследователи считают, что Хоренский не историк, а лишь компилятор, составляющий содержание своего сочинения из отрывков, извлеченных из большого числа различных источников).

Следовательно, «философ» Моисей, уже умерший к тому времени, когда Лазарь писал свое

письмо, никак не мог быть тем Моисеем, который использовал труды Лазаря при составлении своего сочинения относительно позднее. (Как и в случае с «Патмутюн хайотц» от Хоренского, «армянская традиция» настаивает на том, что сочинение Лазаря по истории хайев возникло в начале V века). В частности, «История хайев», написанная Лазарем, была использована Мовсесом в качестве основного источника при описании осложнений, возникших в отношениях между последними правителями из рода Арсакидов и их иранскими повелителями. Наличие этих и многих других заимствований в сочинении Хоренского были признаны также и специалистами от «армянской традиции».

Но примечательно, что подобные обстоятельства несколько не смущают традиционную школу, которая по-прежнему, как в научной, так и в популярной литературе продолжает преподносить ссылку Лазаря на «философа» Моисея, как свидетельство о существовании Хоренского в середине V столетия. *Ввиду изобилия аналогичных примеров в пределах «армянской традиции», нельзя не отметить, что этот тяжелый груз противоречий является неотъемлемой и характерной особенностью национальной историографии хайев.*

Серьезные основания для сомнений о существовании Моисея Хоренского в V веке представлены в работе еще одного классика «армянской традиции» Корюна, известной под названием «Житие Маштоца». Помимо подробного жизнео-

писания создателя хайского алфавита, Корюн, будучи сам учеником Маштоца, упоминает в своем произведении имена многих других учеников, вовлеченных вместе со своим учителем в активную деятельность по распространению христианской веры и новой письменности. Однако Корюн, неизменно присутствовавший среди учеников и сподвижников Маштоца и прекрасно осведомленный обо всех событиях, в которых они принимали участие, ни разу не упоминает среди них имени Мовсеса из Хорена. А ведь Мовсес был, по его собственному утверждению, лучшим из учеников патриарха Исаака Парфянина (Сахака Партева) и Месропа Маштоца, преуспевшим в изучении языков и искусстве риторики.

«Традиция», созданная от имени самого Моисея, настаивает, что именно по этой причине, для улучшения переводов Священного Писания, учителя отправили его (вместе с другими учениками) в Александрию «для приобретения совершенного знания языка и тщательного пополнения образования в академии». Очевидно, что учителя рассчитывали на скорое возвращение самого способного (по утверждению «традиции») ученика, поскольку они предполагали использовать обретенные им в командировке знания, прежде всего для более совершенных переводов и трактовок Священного Писания.

Однако происходит нечто, чему автор (или авторы) «Патмутюн» не дают ясного объяснения – Моисей проводит в поездке долгие годы, успев пожить не только в Александрии, но и в Греции

и Италии. Он провел в этой поездке по меньшей мере более двадцати лет, поскольку по возвращении на родину обнаружил, что его учителя *давно* умерли. О судьбе прочих учеников, отбывших вместе с ним в эту командировку, автор не сообщает.

Следуя логике текстов «Истории», Хоренский был уже не молод, когда по возвращении домой он застал своих покровителей давным-давно умершими. Но он еще не приступил к написанию «Истории хайев» – это произошло намного позже, когда Мовсес был уже совсем стар. В соответствии с хронологией событий, предлагаемой «традицией», в это время происходит другое событие: после возвращения Мовсеса из многолетней Александрийской командировки один из учеников Маштоца, Корюн, завершает работу над произведением «Житие Маштоца». Важнейшим обстоятельством, отраженным в сочинении Корюна, является то, что учителя (Исаак Парфянин и Месроп) были активно вовлечены в обширную работу по распространению новой грамоты, христианского учения и усовершенствованию переводов святых писаний на хайский язык, существенную часть которой, по словам самого Хоренского, выполнял именно он – Моисей.

Как же мог Корюн, перечислявший своих «одноклассников» поименно, не отметить столь выдающегося ученика и сподвижника своих великих учителей, который к тому же должен был бы находиться среди его ближайших друзей? Как можно было не упомянуть ученика, командиро-

ванного в Александрию по личному распоряжению великих наставников с серьезнейшим заданием и вернувшегося на родину для продолжения важнейшей миссии по созданию церковной литературы на хайском языке? Известно также, что работа Корюна была в значительной степени использована в той части сочинения Моисея Хоренского, где повествуется о жизни и деятельности Маштоца. Вот на этом моменте необходимо остановиться поподробнее.

Дело в том, что «Житие» Корюна было рукописью и, как все рукописи, было произведено в одном экземпляре. Следует также помнить о том, что Корюн и Мовсес должны были быть современниками, ровесниками и партнерами по общему делу. Следовательно, исходя из положений «традиции», Мовсес должен был бы дожидаться завершения рукописного труда своего друга и соратника Корюна, а затем получить эту рукопись для внимательного изучения, прежде чем использовать ее при составлении своей «Истории», которую он, естественно, начал писать позднее Корюна.

Но рукописи такого масштаба писались не за один день – на это уходили месяцы, если не годы. Все это время, вернувшийся к родным пенатам и товарищам по школе Исаака и Маштоца, продолжавший свою миссию в небольшом, но тесном кругу единомышленников, вовлеченный в общее дело, одинаково скорбящий со всеми учениками о потере отцов и наставников – мог ли Мовсес оказаться за пределами внима-

ния Корюна, соратника и друга юности? Как ни парадоксально, но к ответу на этот вопрос подводит непримиримость противоречий «армянской традиции». Да, мог, но только в том случае, если Моисей Хоренский **не** существовал в V веке.

Однако в полном соответствии с вышеуказанной характерной особенностью национальной историографии хайев, отягощенной тяжелым бременем противоречий, «традиция» не видит ничего странного в том, что в сочинении Хоренского, ни разу не упомянутого в «Житие Маштоца», оказалась значительная часть информации, извлеченной из произведения Корюна.

Как было отмечено выше, историк Моисей, именно как «историк», начинает упоминаться только с X века, спустя 5 веков необъяснимого отсутствия каких-либо сведений о нем (если исходить из того, что он жил в V веке). Это самое первое упоминание «традиция» связывает с именем католикоса Иоанна, родом из Дорост-ханекерт, в западной провинции Персии (известный в хайской церковной традиции, как Ованес Драсханакертци). Он написал свою «историю хайев» (900-е годы), в которой один-единственный раз ссылается на «историю» Моисея из Хорена. В этой ссылке Драсханакертци приводит строки, совпадающие с текстом «Истории» Моисея, не указывая при этом название источника.

После X века в пределах «армянской традиции» наблюдается постепенное нарастание количества ссылок на имя Моисея Хоренского, хо-

тя и без указания источников, откуда именно берется эта информация. Причем со временем, от автора к автору, происходит процесс обрас- тания ссылок все новыми деталями и сведения- ми, возникающими, как статусы и утверждения того или иного автора. Естественно, проверка достоверности подобных ссылок невозможна, ввиду отсутствия подтверждающей их инфор- мации из исторических источников вне «ар- мянской традиции».

Так, например, в условиях полного отсутствия более ранних свидетельств о датах его рождения, смерти или даты написания «истории» – в XII ве- ке Самуил (Самвел) Анийский в своих хрониках заявляет, что Моисей умер в 492 году, а «исто- рию» написал в 466 году. *Источники информа- ции для подобных заявлений, спустя почти 800 лет после заявленного V века, неизвестны.*

Еще больше деталей появляется у Киракоса Гандзакеци (XIII век), который отмечает, что Мовсес жил во времена Византийского импера- тора Леонида Великого (454-474) и персидского шахиншаха Фируза Сасанида (459-484). Помимо «истории» он приписывает Моисею еще не- сколько трудов: «Петк» – книга риторики/декла- мации; «Хвала Рипсиме»; «Вардавар» – история святой Божьей Матери; а также ряд проповедей и философских рассуждений. Помимо этого Гандзакеци помещает имя Моисея и, его ранее смутно упоминавшегося брата Мамбра, в список учеников Месропа Маштоца. **Это еще раз ука- зывает на то, что основное сочинительство**

вокруг собирательного образа Моисея действительно начало происходить в промежуток времени между X – XIII веками.

Добавление деталей к жизнеописанию Моисея обретает черты традиции: некий историк Вардан (XIII век – спустя 800 лет отсутствия следов подобной информации) сочиняет недоказуемое никакими иными историческими источниками описание участия Моисея в Халкедонском соборе, где он якобы «защищал слово истины». Мхитар Айриванеци, сочинявший в начале XIV века, помещает время жизни Моисея до Лазаря из Парпа и после Товмы Арцруни (спустя 900 лет отсутствия следов подобной информации). Стефан Орбелян, сочинивший в этот же период «Историю Сюника», добавляет ссылку о том, что у Моисея были ученики, которые стали со временем епископами провинции Сюник.

В произведениях сочинителей «историй» поздних времен перечисленные выше детали уже используются, как стандартный набор информации о Моисее, достоверность которой, как было отмечено выше, не подтверждается никакими историческими источниками за пределами «армянской традиции».

Ретроспективный обзор постепенного увеличения количества ссылок, возникающих *исключительно в «традиционной» среде* и обрастающих со временем подробностями из жизни и деятельности Моисея, раскрывает также и методику традиционного сочинительства. Образование ссылочной базы, используемой в пределах «тра-

диции» для последующих построений, происходило следующим образом: Стефан добавляет свою ссылку к ссылке Товмы, который уже добавил свою ссылку к ссылке Мхитара, который добавил свою ссылку к ссылке Вардана, который добавил свою ссылку к ссылке Киракоса, который добавил свою ссылку к ссылке Самвела, и т.д.

Так, по всей видимости, и создавалась «биография» предполагаемого автора «Патмутюн хайотц» Мовсеса из Хорена (Моисея Хоренского). Очевидно, что эта же характерная для «армянской традиции» методика, когда накопление недостоверной информации происходит за счет ссылок, ссылающихся на ссылки, играла ведущую роль и в формировании конечного текста самого сочинения. Как было отмечено выше, спустя 900 лет отсутствия следов оригинальных рукописей, из зыбкой материи этого хитросплетения ссылок начинают складываться отдельные тексточки с неизвестно откуда возникающими «цитатами», якобы, берущимися из «Патмутюн хайотц» Хоренского.

Существенным моментом во всей истории возникновения «Истории хайев» под авторством Хоренского является то, что на протяжении 12 веков отсутствовали не только подлинные рукописи предполагаемого автора, но и копии данного произведения, которые могли бы быть сделаны переписчиками, начавшими практиковать хайскую письменность. Существование подобных копий, при отсутствии оригиналов, могло бы послужить оправданием появлению в XVII веке

полного трех-книжного произведения, в котором на сотнях страниц повествуется об истории хайев от сотворения Адама до V века новой христианской эры. (Хотя, согласно заявлению самого предполагаемого сочинителя, эта работа была посвящена родословной хронике еврейского семейства Исаака Багаратони).

Долгий процесс сочинительства завершился в 1695 году в Амстердаме, когда *впервые в истории*, спустя 1200 лет отсутствия каких-либо авторских рукописей, на свет появляется печатное издание сочинения «История хайев» под именем Моисея Хоренского.

Как ни парадоксально, но материализация книги не сделала материальнее образ самого автора. Произошло обратное. В связи с тем, что «армянская традиция» стала преподносить это издание как исторический документ, книга сразу же привлекла к себе пристальное внимание исследователей различных стран, приступивших к серьезному изучению как содержания произведения, так и биографии автора. В результате этого было выявлено, что сочинение переполнено неточностями, искажениями, анахронизмами и откровенными выдумками. Одновременно с этим, как было отмечено выше, оно стало подвергаться серьезной критике не только в отношении достоверности содержащейся в ней информации, но и в отношении утверждений «традиции» о том, что автор жил и творил в середине V века.

III. НЕРАЗРЕШИМЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ «ИСТОРИИ ХАЙЕВ»

Общеизвестно, что в сочинении «История хайев» активно использовалась информация, заимствованная из Библии, причем в отношении большинства подобных сведений Библия является единственным источником. Именно поэтому она служила основным ресурсом при сочинении Хоренским событий «Истории хайев», прежде не существовавшей. Однако обращение Моисея к Священному Писанию отличается некоторыми характерными особенностями, не поддающимися объяснению, учитывая, что Хоренский, согласно «традиции», был священнослужителем.

Дело в том, что составитель «Патмутюн хайотц», использовавший сведения из различных источников, преобразуя и дополняя их в интересах собственного изложения, проделал то же самое и с Библией. Иными словами, преобразуя информацию, извлекаемую из священных текстов Библии, в некие события из истории хайев, Хоренский обращался с нею так же, как и с любыми другими литературными источниками. Библейские тексты не обладали священной неприкосновенностью для манипуляций священнослужителя Моисея и использовались в сочинительстве наряду с прочей мирской литературой.

Так, например, в Библии описывается убийство ассирийского правителя Сенакерима его сыновьями во время совершения молитвы: «И когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего, то Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую» (Ветхий Завет. Книга Царств 2. 19:37). Повествуя о происхождении хайских родов, Хоренский преобразует данную информацию из Священного Писания следующим образом: «Мы забыли было про Сенекерима, ибо приблизительно восемьдесятю годами раньше царствования Навуходоносора царем Ассирии был Сенекерим, который осадил Иерусалим в дни иудейского вождя Иезекии. Он был убит своими сыновьями Адрамелеком и Санасаром, которые спаслись бегством у нас» (М.Х. Кн. 1, гл. 23).

Не упоминая Библию, как первоисточник, автор, таким образом, позиционирует себя как носителя знаний о древней истории и, поскольку в оригинальном фрагменте из Библии упоминается «земля Араратская», под фразой «у нас» автор подразумевает «Хайастан», преобразуя, таким образом, библейскую информацию в новоявленные сведения из «Истории хайев».

Здесь было бы уместно отметить, что территория, получившая название в ранних греческих переводах Библии «горы Араратские», в ветхозаветных древнееврейских первоисточниках обозначалась согласными звуками «р-р-т» (эти согласные звуки были раскрыты в отношении

этой же территории и в ассиро-вавилонских клинописных текстах) в оригинале читалась, как «Ур-ур-ту» и никогда, на протяжении многотысячелетней истории Малой Азии не носила названия «Хайастан».

Аналогичное изобретательство на основе ветхозаветной информации происходит с использованием сведений из Маккавейских Книг. Вот как выглядит в Библии описание того, как Иуда, великий полководец Израиля, водворивший мир в стране после тяжелых сражений, узнает о могуществе римлян: «...рассказали ему о войнах их, о мужественных подвигах их, которые они показали над Галатами, как они покорили их и сделали данниками; также о том, что сделали они в стране Испанской, чтобы овладеть находящимися там серебряными и золотыми рудниками» (Ветхий Завет. Мак. 1. 8:2,3.).

В переработке автора «Патмутюн хайотц» ветхозаветный текст изменяется Хоренским для очередных страниц создаваемой истории. Подобно полководцу Израиля, основатель Парфянского царства Арсак I (в хайезированной версии от Моисея – «Аршак Храбрый»), утвердив после тяжелых боев свое правление, узнает «...о том, что римляне обрели владычество над всеми странами Запада и над морями, что они отобрали у испанцев рудники, откуда добывают золото и серебро, и что, победив галатов, наложили на них, как и на царство азийцев, дань» (М.Х. Кн. 2, гл. 2).

Моисея Хоренского можно назвать основоположником подобной практики преобразования

текстов Священного Писания, в которых повествуется о событиях и судьбах из прошлого евреев, ассирийцев, персов, греков и других народов – в национальную историю хайев. Но именно из этой практики берут начало первоисточки противоречий искусственного новообразования, названного позднее «армянской традицией», создававшегося подобно сборнику произвольных вариаций на ветхозаветные темы.

Естественно, что подобная база данных не могла найти подтверждений за пределами национальной историографии хайев, основанной на «традиции», в фундамент которой было заложено сочинение «Патмутюн хайотц» Хоренского и которая, со времени своего возникновения, вступила в противоречие с мировой исторической наукой.

Примеров, аналогичных приведенным выше, в «Истории хайев» существует множество. Однако такое заимствование сведений из Священного Писания (пусть даже без ссылок на первоисточник), перерабатывавшихся в сочинение не существовавшей прежде истории народа хайк, в целом не вносило изменения в содержание исходного библейского текста. Но совершенно иначе обстоит дело в случае, когда автор «Истории хайев», священнослужитель Моисей, приступает к преднамеренному изменению содержания текстов *в самой Библии*.

Подобное отношение к священной книге христианства дает серьезные основания для утверждений о том, что «История хайев» является продуктом махинатора (или махинаторов), абсо-

лютно беспринципного на поприще сочинительства в узконациональных интересах и для которого в буквальном смысле слова, не существует ничего святого. Священник Хоренский является единственным в своем роде «специалистом», изобретшим методику сочинения новой истории, опирающуюся на искажения, вносимые в содержание Библии.

Внесение поправок в Библию в сочинении Хоренского выглядит настолько бесцеремонным и грубым, что подобное отношение со стороны священнослужителя можно объяснить только одной причиной – острой необходимостью любыми средствами выполнить поставленную сверхзадачу по внедрению в библейский контекст имени мифического прародителя хайев Хайка (неизвестного доселе ни по каким иным источникам).

Трудно объяснить какими-либо другими причинами то жесткое противоречие, в которое решается вступить составитель «Истории хайев» с общим для всего христианского мира Священным Писанием. Но факт остается фактом – **именно отсюда, с грубейших искажений, вносимых в Библию священником Мовсесом из Хорена, берет начало так называемая «армянская традиция» в истории.**

Для того, чтобы понять своеобразную логику, следуя которой Хоренский в интересах «Истории хайев» изменил содержание Библии, необходимо, прежде всего, обратиться непосредственно к тексту Священного Писания, в той его

части, где повествуется о родословиях потомков Ноя и перечисляются имена его сыновей, внуков и правнуков.

Цитируем Библию:

Бытие. 10 – «Вот родословие сынов Ноевых: Сима, Хама и Иафета. После потопа родились у них дети»

Бытие. 10, 2 – «**Сыны Иафета:** Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Тувал, Мешех и Тирас»;

Б. 10, 3 – «Сыны Гомера: Аскеназ, Рифат и То-гарма»;

Б. 10, 4 – «Сыны Иавана: Елиса, Тарсис, Киттим и Доданим».

Бытие. 10, 6 – «**Сыны Хама:** Хуш, Мицраим, Пут и Ханаан»;

Б. 10, 7 – «Сыны Хуша: Себа, Хавила, Савта, Раама и Сабтеха»;

Б. 10, 7 – «Сыны Раамы: Шева и Дедан»;

Б. 10, 8 – «Хуш родил так же Нимрода; сей начал быть силен на земле»;

Б. 10, 13 – «От Мицраима произошли Лудим, Анамим, Легавим, Нафтухим»;

Б. 10, 14 – Патрусим, Каслухим, откуда вышли Филистимляне, и Кафторим»;

Б. 10, 15 – «От Ханаана родились: Сидон, первенец его, Хет»;

Б. 10, 16 – Иевусей, Аморрей, Гергесей»;

Б. 10, 17 – Евей, Аркей, Синей»;

Б. 10, 18 – Арвадей, Цемарей и Хифамей».

Бытие. 10, 22 – «**Сыны Сима:** Елам, Ассур, Артаксат, Луд, Арам»;

Б. 10, 23 – «Сыны Арама: Уц, Хул, Гефер и

Маш»;

Б. 10, 24 – «Артаксат родил [Каинана, Каинан родил] Салу, Сала родил Евера»;

Б. 10, 25 – «У Евера родились два сына; имя одному: Фалек, потому что во дни его земля разделена; имя брату его: Иоктан»;

Б. 10, 26 – «Иоктан родил Алмодада, Шалефа, Хацармавефа, Иераха»;

Б. 10, 27 – Гадорама, Узала, Диклу;

Б. 10, 28 – Овала, Авимаила, Шеву;

Б. 10, 29 – Офира, Хавилу и Иовава. Все эти сыновья Иоктана».

Однако существенной особенностью подхода Хоренского к данному вопросу является то, что *в качестве отправной точки* в рассуждениях, выстраиваемых для оправдания вносимых в Библию поправок, избирается список родословия от одного из сыновей Сима – Арпаксата, представленный в 11-й главе книги Бытие. Вот как он выглядит:

Бытие. 11, 10 – «**Вот родословие Сима:**

Сим был ста лет и родил Артаксата, чрез два года после потопа»;

Б. 11, 12 – «Артаксат жил тридцать пять [135] лет и родил Каинана.

Каинан жил сто тридцать лет, и родил Салу»;

Б. 11, 14 – «Сала жил тридцать [130] лет и родил Евера»;

Б. 11, 16 – «Евер жил тридцать четыре [134] года и родил Фалека»;

Б. 11, 18 – «Фалек жил тридцать [130] лет и родил Рагава»;

Б. 11, 20 – «Рагав жил тридцать два [132] года и родил Серуха»;

Б. 11, 22 – «Серух жил тридцать [130] лет и родил Нахора»;

Б. 11, 24 – «Нахор жил двадцать девять [79] лет и родил Фару»;

Б. 11, 26 – «Фарра жил семьдесят лет и родил Авраама, Нахора и Арана».

В Ветхом Завете библейский список родословия от Сима до Авраама включительно содержит *одиннадцать поколений*. Далее в Новом Завете (Евангелии) приводится продолжение родословия от Авраама до Иисуса Христа, но поскольку составитель «Патмутюн хайотц» обращается именно к ветхозаветному периоду с целью привить к нему зачатки «древней» истории хайев – то данный список как нельзя лучше удовлетворяет замыслам Хоренского. Именно это число в *одиннадцать поколений* берет за основу сочинитель «Истории хайев» для осуществления хитроумного плана по внедрению в древние генеалогии Ветхого Завета никогда не существовавшего прежде списка прародителей хайского народа.

Возможно, что исходная идея из области нумерологии посетила составителя «Истории хайев» при чтении Нового Завета и ознакомлении с генеалогией Иисуса Христа. Так в Евангелии от Матфея, в строке 17 говорится: «всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четыр-

надцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов».

Если Священное Писание отмечает равномерное количество родов *после* Авраама, почему бы не применить идею о «равномерности» к поколениям *до* Авраама? И поскольку в ветхозаветной части Библии наиболее полный перечень приводится по линии от Сима до Авраама, то в качестве общего мерила следует использовать именно это число поколений, которое равно одиннадцати. Надо отдать должное изобретательности Хоренского – до него никто не догадался проводить подобные опыты с Библией.

Существенным моментом является то, что для занесения в ветхозаветные времена семени хайской «истории» Хоренскому недостаточно было внедрить в текст Библии имя одного лишь сказочного персонажа Хайка. Для большей убедительности мифический образ должен был сопровождаться характерным для библейских генеалогических текстов перечнем его потомков. Поэтому сочинитель «Истории хайев», создавая видимость соответствия с духом и словом Ветхого Завета, подготавливает еще шесть имен и располагает их в качестве потомков Хайка под его именем.

По всей вероятности это одна из основных причин, почему именно на имени Яфета, младшего сына Ноя, был остановлен выбор сочинителя для осуществления замысла по имплантации в Библию искусственно созданной генеалогии Хайка. *Родословие от Яфета в Ветхом Завете*

выглядело наиболее коротким и оставляло место для дополнений и поправок, которые не сложно было сделать, если корректор не стеснен этическими нормами догматов о неизыблемости Священного Писания. Подправив именно этот короткий родословный список от Яфета и приведя его в соответствие с идеей об одиннадцати поколениях, в него можно было вставить наибольшее число новых имен. Так и поступил автор новых технологий по сочинению истории, основанных на искажении Священного Писания, священнослужитель Моисей Хоренский.

Но важнейшая причина использования родословия от Яфета заключалась в том, что Малая Азия с ее высокогорьями и огромные просторы к востоку от нее, согласно бытовавшему мнению, были заселены его потомками, от которых происходили многочисленные царские и княжеские семейства. Именно в приобщении к этому богатейшему историческому наследию и заключалась конечная цель задачи, стоявшей перед создателем (или создателями) «Патмутюн хайотц».

Итак, лучший ученик патриарха Исаака Парфянина и Месропа Маштоца, правоверный христианин и священник, причисленный к лику святых хайской церковью, Мовсес из Хорена начинает свое повествование с *навязывания* идеи о том, что не следует доверять всему тому, что написано в Библии. По мнению Хоренского, как бы ни свята и неприкосновенна была Библия в вопросах древней истории человечества, но в

интересах сочинения национальной «истории» непременно следует обратить внимание на то, «...что другие историки не согласны относительно Адама и прочих патриархов» (М.Х. Кн. 1, гл. 4). При этом автор ссылается на греческих историков, оригиналы трудов которых не сохранились (Бероса, Александра Полигистора, Абиденуса) и, судя по тону изложения, видит определенный позитив в том, что они «...помышляя вопреки Духу (т.е. Священному Писанию – **А.И.**), отклонились во мнениях относительно корня человечества» (М.Х. Кн. 1, гл. 5).

Далее, по мнению Хоренского, из этого следует, что в данном вопросе надо доверять скорее этим «другим историкам», нежели Библии, «потому, что Божественное Писание, выделив свой собственный народ (т.е. евреев – **А.И.**), отвергло прочие как презренные и недостойные упоминания на его страницах». (Как известно читателю, родословие потомков от Сима – это и есть родословие семитов, т.е. евреев и арамейцев). Вот, оказывается, как воспринимает Библию «святой Мовсес», с националистической точки зрения, видя в ней симпатии к евреям и презрение к прочим народам. Оттенок антисемитизма, который присутствует в подобной оценке Божественного Писания, намекающей на то, что Библия (в действительности объявившая равенство людей – о чем священнослужитель должен был бы знать) считает все народы, за исключением евреев, «презренными», выглядит странным и неуместным. Ведь Мовсес знал, что работает по

заказу еврея Исаака Багаратони и по тексту сочинения сам неоднократно убеждает Исаака в том, что он *еврей*.

Развивая свои рассуждения, автор «Истории хайев» подводит Исаака Багаратони к мысли о том, что упомянутые выше *одиннадцать поколений* должны прослеживаться по линиям всех трех сыновей Ноя. Но поскольку в Библии отсутствует столь же подробное описание поколений в отношении всех сыновей Ноя, то, следовательно, Библию необходимо подправить, чтобы обеспечилась «равномерность трех родов». Так в прокрустово ложе сочинителя укладывается само Священное Писание и Хоренский приступает к хирургическому вмешательству в содержание Библии, не удовлетворяющей замыслам «армянского Геродота».

Однако, если строго следовать слову Писания, т.е. рассматривать сыновей Яфета, как одно поколение (см. выше) – то набрать необходимую цифру, искомую Хоренским, никак не удастся. Но вставший на путь препарирования Библейских текстов, изобретательный автор «Истории хайев» придумывает еще один прием для подгонки существующего в Ветхом Завете генеалогического списка от Яфета под искомое число в одиннадцать поколений. Он объявляет, что Хуш с Мицраимом (по линии Хама) и Гомер с Тирасом (по линии Яфета) не являются братьями. **Вступая в противоречие с Библией и отвергая слово Писания в столь важной ее части, Хоренский заявляет, что Хуш – это отец Мицраима,**

а Гомер – отец Тираса.

Таким образом, Хоренский выстраивает имена библейских патриархов в той последовательности, которая нужна ему для своего сочинения, нисколько не беспокоясь святостью и неприкосновенностью священных текстов. Для оправдания своих действий у него есть свой аргумент, дающий права священнику препарировать Библию по собственному усмотрению. Основания для вносимых искажений он находит не в суждениях своих великих учителей, как следовало бы ожидать и не в высших учебных заведениях Византиума, Александрии и Рима, которые он посетил именно с целью углубленного изучения Священного Писания. По словам самого Хоренского он находит их ...у «некоего умнейшего и любознательного сирийца», и уверяет Исаака, что этому сирийцу можно полностью доверять, поскольку «...сказанное им *показалось нам заслуживающим доверия*» (М.Х. Кн. 1, гл. 5).

Под «умнейшим и любознательным сирийцем» подразумевается некий арамеец Мар Абас Катина, живший, согласно тексту самого Хоренского во II веке до Рождества Христова и о котором более подробно будет рассказано ниже. Мар Абас такой же мифический персонаж, как и Хайк, о котором Хоренский, якобы, почерпнул сведения из таинственной книги, добытой этим «любознательным» арамейцем/сирийцем из-под руин Ниневии. О Ниневии так же подробнее будет рассказано ниже.

Но этих сведений, как только они «показались

заслуживающими доверия» (и не более), оказалось достаточно для того, чтобы священник Моисей усомнился в Библии и приступил к переделке строк Священного Писания. Оправдывая свои действия, он ссылается также и на упомянутых выше греческих историков, убеждая своего покровителя Исаака: «Пусть никто не сомневается: родословие соответствует истине, ибо повествует об этом нам достоверный во многом Абиден» (М.Х. Кн. 1, гл. 5).

В начале той же 5-й главы, названной «О равномерном нисхождении родословий трех сыновей Ноя до Авраама, Нина и Арама» и целиком посвященной ключевой для всех построений Хоренского теме про *одиннадцать поколений* до Авраама, он торжественно объявляет: «Ты же, разумный читатель, взгляни теперь на равномерность рядов трех родов вплоть до Авраама, Нина и Арама и подивись!».

А подивиться действительно есть чему... В родословиях, никогда не существовавших в Священном Писании в *подобном* виде, по воле автора «Истории хайев», подгоняющего библейские списки под идею об *одиннадцати поколениях*, генеалогия от Хама и Яфета претерпевает существенные изменения:

Сим

Сим ста лет родит Арпаксата;
Арпаксат ста тридцати пяти лет родит Каинана;
Каинан ста двадцати лет родит Салу;
Сала ста тридцати лет родит Ебера;
Ебер ста тридцати четырех лет родит Фалека;

Фалек ста тридцати трех лет родит Рагава;
Рагав ста тридцати лет родит Серуха;
Серух ста тридцати лет родит Нахора;
Нахор ста семидесяти девяти лет родит Тару;
Тара семидесяти лет родит Авраама.

Хам

Хам родит Хуша;
Хуш родит Местраима;
Местраим родит Неброта;
Неброт родит Баба;
Баб родит Анебиса;
Анебис родит Арбела;
Арбел родит Хайала;
Хайал родит другого Арбела;
Арбел родит Нина;
Нин родит Ниния.

Иафет

Иафет родит Гамера;
Гамер родит Тираса;
Тирас родит Торгома;
Торгом родит Хайка;
Хайк родит Араманеака;
Араманеак родит Арамаиса;
Арамаис родит Амасию;
Амасия родит Гелама;
Гелам родит Харма;
Харма родит Арама;
Арам родит Ара Прекрасного.

Как было отмечено выше, по воле священника Моисея в родословии от Хама – Хуш более не является братом Местраима (Мицраима), а «родит» его, становясь, таким образом, его отцом. Точно так же в родословии от Яфета – Гамер перестает быть братом Тираса и так же «родит» его, превращаясь в его отца.

Моисей продолжает громоздить противоречия одно на другое и далее в его версии Мицраим «родит» Неброта, а Тирас «родит» Торгома (Тогарму), в то время как в Ветхом Завете отцом Неброта является Хуш (Мицраим дядя Неброта), а отцом Торгома является Гамер (Тирас дядя Торгома). Таким образом, правоверный христианин, священник, приобщенный хайской церковью к лику святых, творит параллельную Библию, которая впоследствии получит название «армянской Библии».

Превратив братьев в отцов и сыновей, а дядей сделав отцами, автор «Истории хайев» завершает выполнение своей задачи, нацеленной на родословие от Яфета, заставив Гомера «родить» не существовавшего прежде Хайка и расположив под ним список его новоявленных родственников.

Но даже здесь, создав условия для собственного вольного изложения легенды про Хайка, сочинитель «Истории» не сумел избежать противоречий, разрывающих его повествование на части.

В главе **10** первой книги, начав выстраивать легенду о Хайке и его потомках, сочинитель рассказывает о том, как Хайк, отказавшись подчи-

ниться тирану Белу, *после рождения своего сына Араманеака в Вавилоне* и задолго до сражения с Белом, уходит со своим семейством на север. Но уже в главе **12**-й той же первой книги автор переворачивает сочиненную им легенду вверх дном. Восстав против Бела и ловко убив его стрелой, Хайк организует похороны своего врага и затем вновь возвращается в Вавилон. И только затем, после того, как он прожил в Вавилоне еще несколько лет, у него, наконец, *рождается сын Араманеак*. При этом сочинитель добавляет: «...как было сказано выше»!

Это грубое противоречие типично для «армянской традиции» не только тем, что оно приводит к самоликвидации байки о рождении Араманеака, но и тем, что «традиция» воспринимает его, как норму сочинительского стиля автора и ожидает от читателей только восторгов по поводу так называемой «точности» Хоренского.

Заверяя Исаака в том, что идея с числом «одиннадцать» оправдывает подобные операции с Библией, Хоренский еще раз убеждает читателя словами: «...приведенное родословие надежно, поскольку все три племени включают по одиннадцати поколений до Авраама, Нина и нашего Арама» (М.Х. Кн. 1, гл. 5). Многие из имен, перечисленных Хоренским в подправленном варианте родословий, вообще не существуют в Библии. А используя имя Арама и называя его «нашим», то есть хаем, Моисей произвольно искажает смысл и содержание библейского текста, поскольку **под Арамом и его потомками в Священ-**

ном Писании подразумеваются арамейцы (сирийцы). Библии неизвестен народ по имени «хай».

Он находит объяснение и тому, что Ара Прекрасный (известный в таковой ипостаси **только** в «армянской традиции» от Хоренского) выпадает из общего трафарета в одиннадцать поколений и оказывается в этом списке двенадцатым. Ссылаясь на грека Абидена, автор «Истории хайев» сообщает, что именно так представлена в греческом источнике родословная предков хайского народа – от Хайка до Ары Прекрасного и в этом списке (тут, мол, ничего не поделаешь) Ара оказывается двенадцатым. Ара умирает в юности и его двенадцатое место в списке не нарушает в целом версию Моисея про одиннадцать поколений. Хоренский завершает свой комментарий по данному вопросу классической для «армянской традиции» фразой: «Абиден говорит нам об этом в своем первом разделе мелких родословий, которые кто-то потом изъял» (М.Х. Кн. 1, гл. 5). То есть в характерном для «традиции» стиле автор ссылается на некий туманный источник, в отношении которого тут же сообщает о его исчезновении.

Необходимо также отметить, что если родословие от Яфета в Библии было относительно коротким и позволяло сочинителю вносить совершенно новые имена, мотивируя совершаемый подлог тем, что он якобы обнаружил их в утерянных греческих источниках, то список, представленный в «Истории хайев» в качестве

родословия от Хама, целиком и полностью отличается от подробной генеалогии, существующей в Библии.

Более того, ссылка на то, что это «Абиден говорит» о родословии от Хайка – **грубая ложь**, потому что подобная информация от этого греческого автора просто **не** существует.

Прежде всего, оригиналы трудов Абидена, предположительно жившего во конце III – начале II столетия до Р.Х., не сохранились. Отдельные фрагменты его работ приводятся в трудах других авторов, в частности, Евсевия Кесарийского – историка, писателя и епископа Кесарии (Палестины), жившего в III-IV веках. Составитель «Истории хайев» значительную часть сведений позаимствовал именно из его трудов, не называя при этом первоисточник, и ссылка на Абидена подразумевает информацию из работы Евсевия Кесарийского под названием «Хроники». Однако в «Хрониках» Кесарийского нет никаких сведений ни о Хайке, ни о его родословии. Просто Хоренский, стремясь убедить читателя в правоте своих выдумок, применяет активно используемый «метод» ссылки на авторитетные имена, в данном случае на греческого историка Абидена. Называя вещи своими именами, сочинитель просто лжет.

Завершая в первых главах «Истории хайев» вступительную часть «Родословия Великого Хайастана» (именно Хайастана, «страны хайев», а не Армении), Хоренский делает примечательное заявление, отражающее мнение автора о

своим опытом по искажению Библии и раскрывающее его отношение к Священному Писанию:

«Мы представили родословие трех сыновей Ноя до Авраама, Нина и Арама, отобразив, по мере возможности, достоверное из многих повествований. *Полагаю, что никто из людей мыслящих не станет возражать против этого, разве лишь тот, кто, вознамерившись нарушить истинный порядок* (т.е. порядок, придуманный фальсификатором, перекроившим Библию – **А.И.**), *отдал бы предпочтение легендам* (т.е. самой Библии – **А.И.**) *перед правдивым словом»* (М.Х. Кн.1, гл. 6).

«История хайев» Моисея Хоренского полна многими другими противоречиями, не связанными с Библией. Однако неопровержимый факт, что *за исходную и основополагающую идею всей фабулы сочинения было взято **искажение Священного Писания***, превращает это обстоятельство в наиболее тяжелое и непоправимое противоречие, дискредитирующее все произведение. Помимо этого, разрушительный эффект противоречий между «Патмутюн хайотц» и Библией, неотвратимый ввиду туманности и недостоверности аргументации, приводимой Хоренским в попытке оправдать их изобретение, превращает искусственный образ прародителя хайев Хайка, произвольно втиснутого в родословие Яфета, в откровенную фальсификацию.

Становится очевидным, что «самый значительный труд» по истории хайев оказывается лишенным главного элемента – основания,

поскольку все сочинение построено на неприемлемых искажениях Библии и на нереальном, даже с мифологической точки зрения, выдуманном образе...

Но такова «армянская традиция», которой по политическим причинам были некогда выданы эксклюзивные права на внедрение в историческую науку содержания сочинений, созданных и создаваемых в ее пределах. Если сегодня возникнет необходимость предъявления претензий хайев на приватизацию определенного региона Америки, где обитают их общины, то в качестве «традиционного» источника вполне может возникнуть соответствующее предание от XIII или XIV века.

В характерном сказительном стиле в нем может быть поведано о некоем Мкртче, открывателе земель за океаном, которым он, за сотню лет до Колумба, уже дал название «Хайастаник» (малый Хайастан). Далее, используя эксклюзивное право на историчность, во всех источниках «армянской традиции» появятся дополнения о том, что речь в предании идет о полуострове Флорида. Эта «методология» в равной мере может быть применена и к современным регионам России, например, таким, как Краснодарский край, Ставрополье или Ростовская область.

IV. АБСУРДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ «ПАТМУТЮН ХАЙОТЦ» (НА ПРИМЕРЕ 45 ГЛАВ ИЗ КНИГИ 2-Й)

Ложь – это воплощение зла
Виктор Гюго

Приводимый ниже пример лишь один из многих аналогичных явлений в сочинении Хоренского. Рассматриваемая здесь информация охватывает большой фрагмент Книги 2-й «Истории хайев», с главы 14-й по 60-ю включительно.

В главе 14-й сочинитель начинает повествование о правлении Тиграна II (Среднего), из династии Артахи (в *греч. версии* Артаксиад, в *хайезированной* – Арташесиды), который находился у власти с 95 по 56 год **до** н.э., сообщая в первой строке о том, что Тигран занял трон после смерти своего отца – Арташеса I (правившего **с 190 по 160 год до** н.э.). По данной строке можно было бы предположить, что речь идет о Тигране I – действительно сыне Арташеса I. Однако по дальнейшему повествованию становится ясно, что с первой же строки сочинитель допустил грубую ошибку и речь может идти не о сыне, а о внуке Арташеса – Тигране II, по прозвищу Средний, которого также называли Великим.

Рассказывая о деяниях Тиграна II в главах 14, 15 и 16, Хоренский повествует о подвигах царя в войнах с персами и римлянами, о захватах одних городов и осадах других, о богатых трофеях и прочих событиях, щедро сдабривая текст хайскими именами и топонимами. При этом он в который раз позволяет себе вносить в сочинение чудовищные домыслы, например, о том, как известный римский полководец Помпей «...убивает Михрдата (парфянского правителя Митридата VI (120-63 гг. до н.э.) – **А.И.**) ядовитым зельем при посредстве отца Понтийца Пилата. Сказанное подтверждает также Иосиф в главе, где повествует о бальзаме, говоря: «Близ Иерихона до Помпея дошла радостная весть о смерти Михрдата» (Кн. 2, гл. 15).

Верный своему стилю и методике беспардонного сочинительства, Хоренский жонглирует известными именами, чтобы дезинформация вызвала доверие у читателя. Дело в том, что Понтиец Пилат – это не кто иной, как римский наместник Иудеи Понтий Пилат, приговоривший Иисуса Христа к распятию. В своих фантазиях сочинитель превращает отца Пилата в помощника Помпея, вместе с которым они отравляют парфянского царя Митридата, ссылаясь на то, что эту выдумку подтверждает известный римско-еврейский историк Иосиф Флавий.

На самом деле ничего подобного Иосиф Флавий не подтверждает, и в его трудах нет даже намек на то, что Помпей, при содействии отца Понтия Пилата, применял против кого-то

отравляющие вещества. В действительности в отношении гибели парфянского царя Флавий сообщает следующее: «Этот же (Помпей - **А.И.**) поспешил вслед за ним (Аристобулом II, царем Иудеи, правившим в 67-63 гг. до н.э. - **А.И.**) не давая ему времени на военные приготовления. Известие о смерти Митридата, полученное им в Иерихоне, придало ему еще больше энергии к борьбе» (И.Флавий. «Иудейская война». Кн.1, гл. 6 - 6).

Далее, всего несколькими строками ниже, в главе 17-й сочинитель совершает очередное (из бесчисленных) шокирующее искажение истории, рассказывая о том, как против Тиграна римляне направляют знаменитого полководца Марка Лициния Красса, который «...со своим войском погибает в сражении с Тиграном. Тигран же, захватив его сокровища, возвращается в Армению» (М.Х. Кн. 2, гл. 17).

Это воображаемое «армянским Геродотом» событие не имеет ничего общего с реальной историей, поскольку Красс, вместе со своим сыном, командовавшим кавалерией, погиб при Каррах в 53 году до н.э. в сражении с парфянами, которыми командовал парфянский полководец Ростам Сорен Парфянин. Более того, правление Тиграна уже завершилось с его смертью в 55 году **до** н.э., за три года до этого драматического события.

Продолжая развивать свои построения (и нисколько не беспокоясь тем, что Тигран II умер в 55 году **до** н.э.), Хоренский, после мнимого пора-

жения Красса, направляет против уже умершего Тиграна римского полководца Гая Кассия (в действительности воевавшего с парфянами в 52-51 годах до н.э.), который не позволяет покойному «...перейти Евфрат и опустошить Сирию» (М.Х. Кн. 2, гл. 18).

Далее сочинитель рассказывает о целом ряде событий, включая измышления о том, как уже умерший Тигран заболевает, но продолжает участвовать в политических событиях региона, встраивая в текст новые имена и названия, не встречающиеся более нигде. Заменяя парфян на «хайев», используя информацию из трудов И.Флавия, он повествует о новых войнах парфян, римлян и иудеев и, наконец, объявив о смерти Тиграна II, переходит к недолгому рассказу о его сыне Артавазде II, правившему с **54 по 34** гг. до н.э.

Короткую повесть об Артавазде Хоренский завершает строкой о том, как римский полководец Марк Антоний, взяв Артавазда в плен, преподносит его в дар египетской царице Клеопатре. Но сразу же вслед за этим, в путаной строке, над толкованием которой все еще продолжаются дебаты среди исследователей «Патмутюн хайотц», сочинитель преподносит выдумку, нелепость которой неопровержимо свидетельствует о том, что автор «Истории» не был историком, а скорее сказителем, создававшим преднамеренную фальсификацию.

Так, эпизод за эпизодом, автор «Патмутюн» доказывает бесполезность своего сочинения

для исторической науки. Оно может представлять ценность только для «армянской традиции», заложившей его в основание своей национальной историографии.

В Книге 2-й, главе 24 Хоренский сообщает, что сразу же после пленения Артавазда II происходит следующее событие: «В двадцатом году Аршеза, когда истекали дни его царствования, собралось армянское воинство и по его указанию провозгласило царем над собой Арджама, то есть Аршама, сына Арташеса, брата Тиграна, отца Абгара». Поскольку всех потомков Арташеса I (включая его самого) и парфян Хоренский преподносит как *хайев*, то внезапно возникший Аршам (в двадцатом году Аршеза – некоего персидского/парфянского царя, современника Тиграна II), представленный в этой строке, как племянник Тиграна, также становится *хайем*, вследствие чего в *хайа* превращается и его сын, будущий царь Сирии (царства Осроены) арамеец Абгар. Здесь необходимо отметить, что если годы правления Аршама точно неизвестны, то период правления Абгара, которого Хоренский объявил сыном Аршама, приходится примерно на период с **4 года до н.э.** по **50 год н.э.**

Информация в лишенном хронологического порядка сочинении Хоренского выглядит еще более запутанной вследствие того, что в истории Малой Азии десятки правителей в различное время носили одни и те же имена. Поскольку в этой строке в рассказ сочинителя вводится имя еще одного Арташеса, якобы, брата Тиграна, то

можно предположить, что упоминаемый далее Арташес должен был жить в **50-е** годы **до** н.э., поскольку, согласно приведенной выше строке, он приходился дедушкой сирийскому царю Абгару, современнику Иисуса Христа.

Внимательно проследим за тем, какие трансформации произойдут с именем Арташеса в последующих главах, и к каким абсурдным последствиям подведет себя автор «Истории хайев» своим необузданным сочинительством.

Итак, согласно Хоренскому, после пленения Аратавазда II и его отправки в Египет в качестве подарка царице Клеопатре, в Хайастане на царствование выбирают Аршама, племянника Тиграна II. По описанию Хоренского в период правления Аршама события в основном строились вокруг непростых отношений с Римом и Иудеей, в ходе которых Аршам превратился в данника римлян и таковой статус после своей смерти передал своему сыну Абгару. Именно в этой части своего рассказа, в главе 26-й, Книги 2-й арамеец Абгар, (превратившийся по воле сочинителя в *хайа*), в действительности бывший правителем сирийско-арамейского царства Осроены в начале новой эры (с 13 по 50 год), становится царем *Хайастана*. При этом нельзя не отметить, что едва ли не каждая последующая глава в рассказе Хоренского содержит новые выдумки, большинство из которых являются **грубейшими искажениями истории**.

Так, в главе 27-й он преподносит совершенно **неисторическую** и неприемлемую версию строи-

тельства города Эдессы, который, по мнению сочинителя, решает воздвигнуть Абгар (т.е. в начале новой эры, примерно в 15-20 гг.), якобы готовясь к восстанию против римлян и рассердившись на них за оскорбление своих послов. В действительности, выдумка сказочника не имеет ничего общего с реальной историей города, прошлое которого прослеживается на многие века до Рождества Христова. Древнее арамейское название города – «Адме/Адмум» – известно еще по ассирийским клинописным текстам VII века **до** н.э., а название Эдесса было присвоено городу в 304 году **до** н.э. основателем династии Селевкидов – Селевком I Никатором, бывшим соратником Александра Македонского. В том году Селевк I Никатор устроил в пределах города поселение греков, а городу было присвоено новое название – Эдесса, в честь древней столицы Македонии. Сегодня это город Шанлы Урфа, на юге современной Турции.

Сведения, выдаваемые Хоренским, откровенно **антиисторичны**, поскольку под прикрытием известных имен и названий они несут в себе **дезинформацию**, подтверждая самим фактом своего существования, что их ценность для исторической науки равна нулю. Несколько последующих глав также переполнены дезинформацией и связаны с именем вышеуказанного царя Абгара, но ***фальсификация, «сотворенная» Хоренским вокруг имени Абгара, будет рассмотрена ниже в отдельной главе.***

Далее, в главах 27 и 28 сочинитель рассказывает выдуманную историю о том, как Абгар устраи-

вает дела в Парфии, примиряет враждующих царевичей и помогает тому самому Арташесу, упомянутому выше, утвердиться на царском престоле, заключив мирный договор со своими братьями. Следовательно, этот Арташес является современником Абгара, который правил до **50**-го года новой эры и описываемые события должны были бы происходить примерно в **40**-е годы.

В последующих главах, используя сведения из апокрифического источника «Учение Аддая апостола» (Апостола Фаддея), сочинитель «Истории хайев» приводит переписку царя Абгара с Иисусом Христом (т.е. до 33/34 года), совершая при этом подлоги настолько грубые, что их вполне можно назвать преступлением против христианской истории.

Здесь же, в конце 33-й главы, Хоренский приводит содержание письма, отправленного Абгаром к упомянутому выше Арташесу, уже после распятия Христа. (Этот момент отмечается нами для того, чтобы показать читателю непрерывную последовательность событий, происходящих в новую христианскую эру так, как излагает их сочинитель). Далее имя Арташеса упоминается в конце главы 36, в строке о том, как Санатрук, племянник Абгара, занимавший престол *Хайастана* (примерно с **91** по **110** год новой эры) после смерти своего дяди, погибает на охоте от случайной стрелы. После этого события, по версии Хоренского, «на престол вступает некий Ерванд, сын женщины из рода Аршакуни (Арсакидов – **А.И.**)» (Кн. 2, Гл. 37).

«Некий» Ерванд, подозревая сыновей Санатрука в измене, решает истребить их всех вместе с их семьями. **И вот здесь, после всей приведенной выше последовательности событий, эпизодов и персонажей, совершенно очевидно происходящих в начале новой христианской эры, Хоренский приступает к уничтожению собственного сочинения.**

Когда Ерванд начинает безжалостную ликвидацию семейства Санатрука, от этого всеобщего избиения удастся спастись только одному мальчику, которого также зовут **Арташес** и которого спасает его воспитатель по имени Смбат. (Т.е. учитывая годы правления Санатрука **это событие происходит на рубеже I и II веков новой эры**). Так, в главе 37 сочинитель выводит на сцену новую пару действующих лиц – **Арташеса** и **Смбата** – вокруг которых разворачивает новые воображаемые эпизоды своей «истории», общей чертой которых является то, что они существуют только в «Патмутюн хайотц» Хоренского.

(Сюжет с избиением династических семейств и спасением одного младенца, благодаря преданному фамилии человеку, по-видимому, является излюбленной сочинительской темой Хоренского, поскольку он почти в точности повторяется в Книге 2-й, главе 73, описанием спасения младенца во время избиения парфянского рода персидским правителем Ардеширом).

Последующие главы, вплоть до главы 43, сочинитель посвятил описанию деяний этого «некоего» Ерванда, заполнив текст целым рядом новых

хайских наименований. Но с главы 43 он вновь возвращается к образам Арташеса и Смбата, и до главы 47 развивает рассказ о том, как Арташес, при поддержке парфянского шахиншаха и своего преданного воспитателя Смбата, готовится отобрать у Ерванда власть и, наконец, отбирает ее после сражений, в которых Ерванд погибает, «процарствовав двадцать лет» (Кн.2, гл. 46). Таким образом, слова о том, что Ерванд царствовал, на протяжении «двадцати лет» после Санатрука означают, что хронологически речь идет примерно о **начале II века новой эры**.

Далее, в главах 47, 48 и 49 сочинитель повествует о том, как Арташес укрепляет *свою* власть, при неизменном содействии своего воспитателя Смбата, одаривает друзей и союзников, обустроивает внутреннюю и внешнюю политику *Хайастана*, и приступает к строительству города, который называет своим именем – Артаксата (*в хайез. версии* – Арташат). Это и есть тот самый момент, в котором сочинитель превращает все свое повествование в одно из самых абсурдных противоречий «Истории хайев».

Дело в том, что упоминаемый греками город Артаксиада (Арташат) был построен Артаксием I (в хайезированной записи «Арташес») в середине II века до новой эры.

Поскольку Хоренскому свойственно перескакивать от одного сюжета или персонажа к другому, разрывая хронологию и линию повествования, то можно было бы предположить, что автор просто внезапно решил перейти на описа-

ние событий, связанных с Арташесом I. Но нет! **Это все тот же Арташес, спасенный своим воспитателем Смбатом во время массового избияения своих родичей «неким» Ервандом, пришедшим к власти в начале II века новой эры. Сочинитель рассказывает именно о нем.**

Хоренский рассеивает последние сомнения здесь же, с первых строк главы 50, рассказом о нашествии аланов, с которыми **этот же Арташес** вступает в борьбу, при участии все того же воспитателя Смбата. Но глава 50-я знаменательна скорее тем, что в ней сочинитель рассказывает о том, как Арташес влюбляется в аланскую принцессу по имени Сатиник и желает жениться на ней. «И призвав к себе своего воспитателя Смбата, он открывает ему желание своего сердца — взять в жены аланскую царевну, заключить договор и союз с храбрым народом». Преданный Смбат «посылает к царю аланов предложение выдать царственную деву аланов Сатиник замуж за Арташеса» (Кн. 2, гл. 50).

Это и есть бесспорное свидетельство, что под именем Арташеса подразумевался не кто иной, как **Артаксий I** (*хайез.* Арташес I), современник Селевкида Антиоха III Великого, взошедший на царствование после поражения греков в знаменитом сражении с римлянами при Магнезии **в 190 году до новой эры**. Это он, Артаксий I воевал с аланами и женился на аланской принцессе Сатиник во II веке до новой эры. От этого брака были рождены шестеро сыновей, старшим из которых был Артавазд, впоследствии заменивший отца на престоле. В 50-главе Хоренский

подтверждает **и это** обстоятельство: «Первая среди жен Арташеса, Сатиник родила ему Артавазда и еще других сыновей, коих имена мы сочли более уместным привести не теперь, а тогда, когда дойдем до их деяний».

В целом абсурд, уничтожающий фальшивку выглядит так. По тексту Хоренского длинная череда взаимосвязанных событий, сменяющих друг друга, проходя от начала **новой эры**, через времена Абгара, Санатрука, Ерванда и доходя до **начала II века после Рождества Христова**, продолжается временем царствования парфянина Арташеса, которого сочинитель парадоксальным образом превращает в Артаксия I, современника Селевкидов, правившего **с 190 по 160 год до Рождества Христова!**

Более того, в начале книги 2-й этот же Арташес I фигурирует в главах 11, 12 и 13, в которых сочинитель рассказывает о совершенно невозможных сражениях с правителем Лидийского царства Крезом, жившим в **VI веке до н.э.!**

Но и на этом сочинитель не прекращает свои выдумки. Он продолжает развивать абсурды и парадоксы и далее, **уничтожая свое «произведение»** рассказом о том, как Арташес I вместе со своими сыновьями Артаваздом, Тираном и Мажаном (т.е. еще раз подтверждая, что речь идет об Арташесе I и его сыновьях, рожденных в браке с царевной Сатиник, и живших во II веке до н.э.) вступает в войну с римским императором Домицианом, правившим **с 81 по 96 год новой эры!** (Кн. 2, гл. 54).

Доведя Артаксия I до времен римского императора Ульпия Траяна (срок правления: с **98** по **117** г. новой эры) сочинитель еще глубже погружает «Историю хайев» в пучину абсурда, лишая ее последних шансов на реанимацию. В его повествовании Артаксий I, умерший почти за 300 лет до времени правления Траяна, выходит ему навстречу с богатыми дарами. А вслед за этим с Траяном встречается сын Артаксия по имени Мажан с жалобой на своих братьев: «Знай, государь, говорит он, пока ты не изгонишь Артавазда и Тирана и не поручишь армянское (в оригинале хайское – **А.И.**) войско Зареху, дань без затруднений к тебе поступать не будет» (Кн.2, гл. 55). В этой строке в который раз подтверждается, что речь идет именно об Арташесе I, поскольку Артавазд, Тиран, Мажан и Зарех – это имена его сыновей. Но ведь и Артаксий I и все его сыновья **умерли до Рождества Христова, во II и I веках до н.э.**

Продолжая рассказ, в главе 60-й, посвященной смерти Артаксия I (умершего в 159/60 году **до** н.э.), сочинитель помещает это событие во времена правления императора Адриана (117 – 138 гг. **новой эры**), усугубляя этот совершенно безумный подлог информацией о том, что в это время «иудеи отпали от римского царя Адриана и под водительством некоего разбойника по имени Баркоба, то есть «Сын звезды», стали сражаться с епархом Руфом» (Кн.2, гл. 60). Т.е. сочинитель делает Артаксия I спустя **300 лет после его смерти** еще и современником знаменитого

восстания евреев под предводительством Бар-Кохбы против римлян в 132 году новой эры.

Таким образом, все повествование Хоренского, со всеми его действующими лицами и событиями, вступившими уже во второй век новой христианской эры (согласно текстам самого сочинителя от главы 14-й до 60-й), оказывается внезапно отброшенными почти на 400 лет назад, в середину II века до Рождества Христова! Невообразимый хронологический хаос, сотворенный Хоренским превращает в руины все построения искусственно создаваемой «истории хайев».

Противоречия и абсурд продолжаются и далее, в главе 64, в которой Хоренский рассказывает о Тигране Последнем. В представлении сочинителя, страдающего дисхронизмом (отсутствием восприятия времени), Тигран Последний царствовал во времена, «...когда скончался римский царь Тит Второй, который был назван Антонином Августом, а Пероз, персидский царь, вторгся в Римское государство, почему и получил прозвище Пероза, то есть Победителя. Прежде же он именовался по гречески Валегесосом». В следующей строке автор сообщает так же, что Тигран: «...вторгся в Средиземье и был взят в плен некоей девушкой, правившей в тех краях. Кесарь Лукиан в это время строил храм в Афинах. После смерти Пероза он с большой армией двинулся в Средиземье, занял Армению и освободил Тиграна» (Кн.2, гл. 64).

Тиграном Последним является шахиншах Тигран IV, парфянин, который действительно был последним представителем династии Артахи, известной под греческим названием Артаксиад, а в хайезированной версии, как Арташесиды. Время правления Тиграна IV (вместе с его женой Эрато) занимает период с **10** года до н.э. по **1(2)**-й год новой эры. Считается, что после смерти Тиграна IV в бою и отказа его жены от престола во **2**-м году новой эры прекращается правление династии Арташесидов.

Поэтому Тигран Последний не мог править во времена, когда скончался римский император Тит Второй (носивший то же имя, что и его отец – Тит Флавий Веспасиан), поскольку император умер в 81 году.

Далее, так как в своих повествованиях сочинитель неизменно называет парфян персами, то под именем персидского правителя Пероза (о котором тут же сообщается, что «он именовался по-гречески Валегесосом»), вторгшегося в Римское государство, может подразумеваться только парфянский правитель Вологес III, действительно предпринявший подобный поход против римлян в начале II столетия новой эры. Однако Вологес III находился у власти с **110/11** по **146/47** год. **Следовательно, Тигран IV никак не мог быть современником парфянского царя Вологеса III (Пероза).**

Но и это еще не все. Фантазия сочинителя выводит на сцену Кесаря Лукиана, который «строил храм в Афинах» именно в то время, когда Тигран

«вторгся в Средиземье», где он, словно в детской сказке, «был взят в плен *некоей девушкой*». В представлениях автора Кесарь Лукиан, после смерти Пероза, вторгается в Средиземье (под ним автор подразумевает всю Малую Азию) и освобождает **давно умершего** Тиграна. Этот бредовый сценарий не мог быть написан историком – это сочинение сказочника. Ведь Лукиан (Цезарь Луций Вер) **находился у власти с 161 по 169 год**. Это типичный пример «творчества» Хоренского, когда всего в нескольких строках он ухитряется нагромоздить груды абсурдной информации, которая не имеет абсолютно никакой исторической ценности, доказывая тем самым, что он может считаться «великим историком» лишь только в пределах хайской «традиционной» историографии, но никак не за ее пределами.

Хронологический хаос, абсурд и противоречия, из которых соткано сочинение Хоренского производят шокирующее впечатление, но корневая причина этого трагикомического явления национальной историографии хайев в том, что «Патмутюн хайотц» преподносится, как исторический труд. «Армянская традиция» ожидает, что читатель просто обязан воспринимать это сочинение, как историческую хронику *Хайастана* и *хайского* народа.

Поэтому вполне естественно, что при такой подаче «История хайев» сразу же превратилась в объект жесткой и справедливой критики, даже со стороны западных и российских исследователей, неизменно занимавших и занимающих

проармянскую позицию. Историческая наука, несмотря ни на какие привилегии и симпатии, не может согласиться с подобной постановкой вопроса.

Однако, сочинение могло бы избежать строгой и уничтожающей критики, если бы оно, *в полном соответствии со своим содержанием*, преподносилось бы как сказание, миф или легенда об «Истории хайев», с обязательным дополнением в скобках, что оно написано *«по мотивам исторических событий Малой Азии»*. Ведь никто не критикует сказки А.С. Пушкина «Конек-Горбунок», «Руслан и Людмила» или «Сказка о царе Солтане» из-за того, что сведения в них не соответствуют или противоречат историческим хроникам...

V. ПЛАГИАТ И ИСКАЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Ложь, откровенная или уклончивая, высказанная или нет, всегда остается ложью.

Ч. Диккенс

Исследователи Европы и России, изучавшие «Патмутюн» Хоренского, стараясь не нарушать принятого по умолчанию правила потворствовать «армянской традиции», выявляя в его сочинении десятки случаев копирования различных литературных источников прошлого, все еще предпочитают употреблять в отношении подобной практики обтекаемые слова, такие как «заимствования», «ссылки», «мотивы» и т.п. Однако, отбросив предвзятость и называя вещи своими именами, следовало бы использовать более адекватное определение, точно передающее сущность этого явления – **плагиат**.

Отличительной особенностью сочинения Хоренского, выводящей его на беспрецедентный уровень плагиаторства, является то, что *в одном единственном сочинении этот автор умудрился совершить плагиат в отношении десятка различных источников.*

Прежде всего, необходимо отметить, что плагиат совершался в отношении, якобы, уже существовавших в V веке рукописей, написанных на хайском языке. Речь идет о плагиате из *хайских* переводов многотомных трудов Иосифа Флавия, Псевдо-Калистена («Жизнь Александра Македонского»), «Церковной истории» Сократа Схоластика, «Хроники» и «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (все еще не установлено, кем именно и когда были переведены эти произведения и есть большая вероятность того, что переводы составлялись в более поздние времена).

«Традиция» настаивает на этом в основном потому, что исследователями было замечено использование Хоренским текстов именно *хайских* переводов этих первоисточников, точная дата возникновения и авторство которых не установлены по настоящее время. Но традиционная историография видит Хоренского живущим и сочиняющим «Историю хайев» в середине V столетия (в 450-460 гг.). Одновременно с этим «традиция» утверждает, что Маштоц в 430-е годы едва только сумел добиться основания первых школ, в которых было начато преподавание нового *хайского* алфавита. Но это был алфавит, который:

- **не** изучался и не использовался парфянами,
- **не** изучался и не использовался персами,
- **не** изучался и не использовался курдами,
- **не** изучался и не использовался евреями,
- **не** изучался и не использовался арамейцами,

- **не** изучался и не использовался греками,
- **не** изучался и не использовался римлянами.

Это был алфавит, использовавшийся в Малой Азии **исключительно** в пределах небольшой, замкнутой и очень ограниченной этнической и религиозной среды.

Согласно самой «традиции» необходимость его создания была продиктована желанием (довольно парадоксальным) правительства западных провинций персидской империи Сасанидов и первых христианских церковников перевести Святые Писания новой религии – христианства – на язык *«небольшого, весьма малочисленного и слабосильного»* народа (по свидетельству самого Хоренского). В IV-V веках новой эры первые христианские священнослужители приступили к распространению новой идеологии на территории, где сталкивались интересы Восточно-Римской и Персидской империй, а также где процветали не только верования языческого прошлого, но и древнейшая монотеистическая религия – Зороастризм, как государственная религия империи Сасанидов и Парфии (уже пришедшей в упадок).

В этой многонациональной и поликультурной среде, в условиях непримиримого противостояния Римской и Персидской империй, христианские миссионеры вполне эффективно использовали для достижения своих целей возможности греческого и арамейского языков, применяющихся не только, как языки межнационального общения, но и языки, на которых были написаны рукописные экземпляры, привозимых в регион

первых образцов церковной литературы.

И вот, в этот самый период владычества шахиншахов – наследников парфянской империи, шахиншахов Сасанидской Персии и Восточно-Римских императоров, в условиях доминирования среди местных народов греческого, парфянского, арамейского и персидского языков, небольшая группа христиан-монофизитов (*большая часть которых была представлена местными греками, арамейцами и парфянами*) возжелала непременно перевести Священное Писание на язык какой-то другой, не упоминавшийся ни в одном источнике на протяжении тысяч лет – малочисленной этнической группы «хай».

Именно этот народ вызывал, по утверждениям «армянской традиции», крайнюю обеспокоенность и озабоченность местных ставленников парфянского происхождения и их персидских покровителей тем, что не имел своего алфавита. По этой причине правительство Сасанидов не жалело сил для того, чтобы хайи обязательно получили свое, никогда не употреблявшееся прежде и никому не понятное письмо, и могли бы постигать *чуждую для государственной зороастрийской религии, веру*, игнорируя одновременно и государственную письменность и государственную идеологию! «Армянская традиция» настаивает на том, что этот абсурд является единственным объяснением происшедшего...

Иными словами, государственная власть, по мнению «традиции», прилагала максимальные усилия для того, чтобы создать в пределах

подвластных земель и народов все условия для возникновения некоего *тайного* сообщества, проповедующего в среде ограниченного этнического меньшинства *новую идеологию*, деятельность которого будет, к тому же, находиться вне контроля правительства, ввиду использования в этом сообществе *непонятной* для окружающих письменности, передающей *непонятную* речь, которая никогда не имела статуса государственного языка. Вряд ли эта парадоксальная версия заслуживает доверия...

Однако это далеко не единственный парадокс национальной историографии хайев. «Армянская традиция», отсылающая время создания хайского алфавита к началу V века новой эры, заявляет, что к концу 430-х годов Месропу Маштоцу удалось, наконец, при помощи своих учеников, во главе которых, якобы, стоял Моисей Хоренский, завершить перевод Библии на язык хайев, используя буквенные знаки новой письменности.

«Традиция» утверждает, что по завершении (или же в период завершения) этой весьма трудоемкой и долгосрочной работы (в пределах «армянской традиции», в характерной национальной манере, названной «королевой всех переводов»), Маштоц поручает своим ученикам приступить к переводу других источников имеющих немаловажное значение для церковной деятельности. Этим можно объяснить перевод лишь некоторых произведений, но не трудов, которые никак нельзя отнести к данной катего-

рии и которые могли бы быть выделены Маштоцем в качестве таковых для тяжелого переводческого труда христианских священников в 430-е годы. Речь идет в первую очередь о работах Иосифа Флавия («Иудейская война», «Иудейские древности»), Псевдо-Калистена («Жизнь Александра Македонского») и Евсевия Кесарийского («Хроника»).

Но, согласно «традиции», Моисей Хоренский, вернувшийся на родину после длительной александрийской командировки, куда он был отправлен Маштоцем (по утверждению самого Хоренского, хотя в других источниках его имя не упоминается среди учеников Маштоца), для углубленного изучения Священного Писания именно с целью улучшения качества переводов, обнаружил, что его учитель давно умер. То есть, следуя логике событий, предлагаемой самой «традицией», получается, что Хоренский не мог принимать участия вместе со своим учителем в тех последних переводах Библии, которые Маштоц завершил к 435 году. Это типичный пример внутренних противоречий «армянской традиции», которые, очевидно, так и останутся неразрешенными.

Исходя из того, что согласно хронологии, предлагаемой «традицией», Маштоц умер в 440 году, можно предположить, что Хоренский возвращается на родину несколько лет спустя после этой даты, т.е. примерно в 450 году. Спустя еще несколько лет, будучи уже «престарелым и немощным» человеком (по утверждению самого

Хоренского), он привлекает к себе внимание Исаака Багаратони, персидско-подданного главы знатного еврейского семейства.

Впечатленный просвещенностью христианского священника, Исаак просит его составить родословие своего семейства, начиная со времени первочеловека Адама. Согласно «традиции» это событие произошло примерно в 455-460 годах. Поэтому, следуя «традиционной» логике, к этому времени, всего 10-15 лет спустя после введения в *церковную среду* новых буквенных знаков, уже должны были существовать переводы указанных выше греческих первоисточников на хайский язык, равно как и полный перевод Ветхого Завета и всех Евангелий.

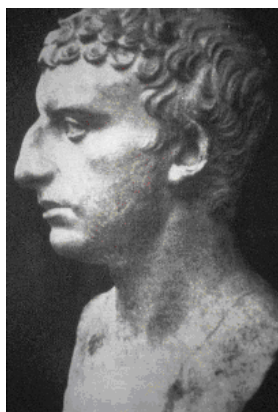
Но по настоящее время нет никаких доказательств, подтверждающих достоверность датировок, предлагаемых «традицией» в отношении рукописей Хоренского и переводов греческих источников, относимых к IV – V векам. **Их самые ранние копии датируются XIII- XIV веками.**

Было бы уместно провести тщательное целевое расследование – могли ли на самом деле существовать столь обширные и многотомные переводы в 430-440-х годах, *т.е. до того, как Исаак Багаратони встретил Хоренского?* Ведь новый алфавит, согласно утверждениям «традиции», был едва только введен в употребление для рукописных переводов **Библии** на язык хайев (в соответствии с утверждениями «традиции» и ее основоположника Хоренского). И в это же самое время тысячи страниц греческих первоисточни-

ков *по истории* оказались переведенными на хайский язык с использованием нового алфавита? В это невозможно поверить. Но такова «армянская традиция», неустанно противоречащая здравому смыслу.

Активный плагиат был также совершен сочинителем и в отношении «Хроник» Иоанна Малалы, средневекового летописца, жившего в VI веке (что опять же указывает на то, что Хоренский не мог работать над своим сочинением в V веке). Автор ни разу не упоминает Малалу (так же как и многих других авторов, трудами которых он пользовался), хотя в «Патмутюн хайотц» использованы многочисленные сюжеты и прямые копирования из его произведения.

V-1. ПЛАГИАТ И ИСКАЖЕНИЕ ТРУДОВ ИОСИФА ФЛАВИЯ

Иосиф Флавий.
Древнеримский бюст.

Источником, активно использованным сочинителем для формирования страниц «Истории хайев», являются труды известного римско-еврейского историка Иосифа Флавия, в частности – «Иудейская война» и «Иудейские древности».

Методика, которую применял сочинитель, «работая» с трудами Флавия, ничем не отличалась от того, как были использованы и все остальные источники. Метод плагиата в исполнении Хоренского заключался в описании каких-либо событий (с упоминанием исторических имен), изъятых из исторических первоисточни-

ков, искаженных в соответствии с подложной картиной, создаваемой в воображении автора (или авторов) «Истории хайев», с неизменным добавлением хайских имен и наименований.

В качестве примера этого своеобразного приема можно привести «обработку» сочинителем фрагмента из 1-й книги «Иудейская война» Флавия, где говорится о том, как Тигран II со своими войсками осадил Птолемаиду - город на берегу Средиземного моря, в котором находилась царица Клеопатра. По тексту Флавия, правительница Иудеи Александра «...царя, Тиграна, осаждавшего Клеопатру в Птоломаиде, она старалась склонить к отступлению путем мирных переговоров и подарков; но встревоженный вдруг беспорядками, возникшими в его собственной стране, вследствие вторжения в Армению Лукулла, Тигран сам вынужден был удалиться» (И.Ф. Кн. 1, гл. 5-3).

Хоренский почти в точности копирует эту информацию, подправляя ее в интересах своей «Истории»: «Но владычица Александра,.. которая в те времена управляла Иудейским царством, доставив ему множество даров, убедила его уйти оттуда. К тому же разнеслась молва, что какой-то разбойник по имени Вайкун, укрепившись на неприступной горе, тревожит Армянскую страну. Эта гора и поныне по имени разбойника называется Вайкуник» (М.Х. Кн.2, гл. 14).

Как всегда, называя Армению в хайском тексте Хайастаном, сочинитель подменяет имя знаменитого римского полководца Лукулла вымыш-

ленным именем разбойника Вайкуна, для того, чтобы продолжив изобретательство, добавить к тексту еще один хайезированный ярлык некоего топонима – горы Вайкуник.

Необходимо также отметить, что одним из грубейших искажений, совершаемых сочинителем «истории хайев», является произвольная замена одних субъектов истории другими, превращая тем самым реальные исторические события в вымышленные. Подобное вредительство, наносимое истории региона – неотъемлемая особенность «Патмутюн хайотц».

В качестве примера можно привести текст из последующей 16-й главы, той же книги 2-й, в которой Хоренский, увлеченный сочинением новых деяний Тиграна II, отправляет его в Сирию, на войну с римлянами, где ему навстречу выступает со своим войском римский полководец Габиний. В действительности Габиний в 60-е годы до н.э. возглавлял военную кампанию *против парфян*, и не сходил на поле брани с Тиграном, которого сочинитель неизменно представляет хаем и царем хайев, идущего на войну с римлянами во главе хайского войска. Так сочинитель перекраивал и деформировал историю парфян и всего региона, что по настоящее время рассматривается «армянской традицией», как великое достижение национальной историографии хайев.

В своем сочинении Хоренский преследует собственные цели по *хайезированию* прошлого региона и нисколько не беспокоится тем, что

«благодаря» его выдумкам «Патмутюн» переполняется грубыми искажениями. В этом отношении особенно неприглядно выделяется следующая, 17-я глава книги 2-й. В ней сочинитель преподносит **феноменальную дезинформацию**, повествуя о том, как Тигран II разбивает армию известного полководца и политического деятеля Рима, Марка Лициния Красса (сподвижника Гая Юлия Цезаря), убивая заодно и самого Красса: «Римляне, охваченные подозрениями, сменяют Габиния и посылают вместо него Красса. Прибыв, тот забирает все сокровища из храма Божьего в Иерусалиме и направляется против Тиграна. Но, перейдя реку, он со своим войском погибает в сражении с Тиграном. Тигран же, захватив его сокровища, возвращается в Армению» (Кн.2, гл.17).

Разумеется, Марк Красс никогда не встречался с Тиграном на поле боя. Как было отмечено выше, он погиб в известном сражении с парфянами при Каррах в **53** году до н.э., а Тигран II уже умер в **55** году до н.э., т.е за два года до фатального сражения Красса с парфянами (но не с *хайами*).

Подобные примеры неоднократно подтверждают: автор вовсе не преследовал цель составить точную историческую хронологию событий прошлого – он творил некое предвзятое и пристрастное сказание, из которого складывал не существовавшую прежде «историю хайев».

Словно паразитируя на сведениях из истории парфян, которые сочинитель находил в «Иудейской войне» Флавия, он одно за дру-

гим превращает их в деяния хайев, вводя в текст искусственно создаваемой истории все новые имена и выдуманные события:

1) И.Флавий. Иудейская война. Кн. 1, гл. 8-9:

«После смерти Красса парфяне пытались напасть на Сирию; но Кассий, бежавший в эту провинцию, отбил их назад».

Плагнат и искажения от Хоренского. Кн.2, гл. 18: «Разгневанные римляне посылают Кассия с бесчисленным войском. Тот прибывает и, воспротивившись армянским войскам (*в оригинале «хайским» – А.И.*), не дает им перейти Евфрат и опустошить Сирию».

2) И.Флавий. Иудейская война. Кн. 1, гл. 13:

«По стечении двух лет, когда Варцафарн, сатрап парфян, и Пакор, сын парфянского царя, владели Сирией, Лизаний, унаследовавший власть своего отца Птоломея, сына Менная, уговорил сатрапа обещанием 1000 талантов и 500 жен низложить Гиркана и возвратить правление Антигону. Подкупленный таким образом Пакор (парфянин - **А.И.**) отправился сам по морскому берегу и приказал Варцафарну двинуться во внутрь страны. Из жителей побережья только тиряне не приняли Пакора в то время, когда Птоломаида и Сидон открыли перед ним ворота. Царскому виночерпию, носившему его же имя, он передал часть своей конницы с поручением вторгнуться в Иудею и там на месте собирать сведения о неприятеле и оказывать Антигону в случае надобности всяческое содействие».

Плагиат и искажения от Хоренского. Кн. 2.
гл. 19:

«В это время он (Тигран II – **А.И.**) назначает Барзапрана, родовладыку Рштунийского нахарарства, военачальником над армянским (*в оригинале* «хайским» – **А.И.**) и персидским войсками и посылает против римских войск, поручив ему добиться мира и согласия с населением Сирии и Палестины. Навстречу ему выходит некто Пакарос, чей отец был царем Сирии, а сам он находился в свойстве с Антигоной из рода Аристобула. Придя к Барзапрану, Рштунийскому родовладыке и армянскому (*в оригинале* «хайскому» – **А.И.**) и персидскому военачальнику, он обещает ему пятьсот красивых женщин и тысячу талантов золота, если тот поможет им свергнуть с иудейского престола Гиркана и поставить царем Антигона. Когда Гиркан, иудейский первосвященник и царь, и Фасаил, брат Ирода, увидели, что, разогнав римское войско частью по морю, частью по городам, Барзапран спокойно продвигается по стране, то и сами вступили с Барзапраном в мирные переговоры. Последний направил в Иерусалим некоего Гнела, кравчего армянского (*в оригинале* «хайского» – **А.И.**), царя, из рода Гнуни, с конницей, якобы с мирными целями, а на деле — для оказания помощи Антигону».

Сочинитель превращает парфянина Барзапрана (Варцафарна) в хайского «родовладыку Рштунийского нахарарства», а парфянина Пако-
ра, кравчего царского семейства, превращает в

хайа по имени Гнел из рода Гнуни, сдабривая при этом текст произвольными дополнениями.

3) И.Флавий. Иудейская война. Кн. 1. гл. 16:

«В это время Антоний находился в Афинах. Вентидий же призвал Силона и Ирода к войне против парфян (108 до раз. хр.) с тем, однако, условием, чтобы раньше восстановить порядок в Иудее. Ирод охотно предоставил Силону уйти к Вентидию, а сам выступил против разбойников в пещерах».

Плагиат и искажения от Хоренского. Кн. 2. гл. 20:

«Ирод... берет себе в помощь и подспорье полководца Вентидия с римским войском, чтобы сразиться с армянской (в оригинале «хайской» – **А.И.**) ратью и покончить с Антигоном. Вентидий, достигнув Сирии, обращает в бегство армянские (в оригинале «хайские» – **А.И.**) войска, оставляет Силона близ Евфрата для удержания армян (в оригинале «хайев» – **А.И.**). Но армяне (в оригинале «хайи» – **А.И.**), получив вновь помощь у персов, наступают на Силона и после страшного кровопролития прогоняют его к Вентидию».

Таким образом, если у Флавия Ирод просто отзывает Силона от обязанности идти к Вентидию для участия в войне с парфянами, то сочинитель, использует этот короткий эпизод «Иудейской войны» для того, чтобы, заменив парфян на хайев, четырежды упомянуть «хайскую рать», изобретая сразу несколько батальных зарисовок в интересах фиктивной «истории хайев».

4) И.Флавий. Иудейская война. В книге 1-й, гл. 18-5 говорится об успешной войне Марка Антония с парфянами. «Недолго спустя (104 до раз. хр.) появился Антоний из парфянского похода и вез с собою пленным сына Тиграна, Артабаза, как подарок Клеопатре, так что вместе со всеми сокровищами и всей добычей ей предоставлен был также парфянин».

Плагиат и искажения от Хоренского. Кн.2, гл. 23:

«С большим войском он (Антоний - **А.И.**) идет на Артавазда и, пройдя через Месопотамию, предает мечу невероятное множество армянских (в оригинале «хайских» - **А.И.**) воинов и забирает их царя. Вернувшись в Египет, он преподносит в дар Клеопатре Артавазда, сына Тиграна, вместе с богатой добычей».

5) И.Флавий. Иудейская война. В книге 1-й, гл. 22 сообщается о том, как Ирод, царь Иудеи, принимает решение убить первосвященника «Гиркана, прибывшего к нему из Парфии и навлекшего на себя его подозрение в заговоре. Барцафарн, при своем вторжении в Сирию, взял Гиркана в плен, но соплеменники его по ту сторону Евфрата, тронутые его печальной судьбой, выпросили ему свободу. Если б он слушался их предостережений и не ехал к Ироду, то он бы не потерял жизни; но брак его внучки был для него приманкой, принесшей ему смерть».

Плагиат и искажения от Хоренского. В книге 2-й, гл. 24 сочинитель перерабатывает текст Флавия, вводя в повествование некоего

хайа по имени Енанос, который вызвал на себя гнев сирийского царя Аршама, тем, что удерживал в плену первосвященника иудейского Гиркана: «Он предоставляет свободу иудейскому первосвященнику Гиркану, взятому в плен Барзапраном Рштуни еще в царствование Тиграна. Енанос пытается оправдаться перед царем, говоря, что Гиркан обещал ему выкуп в сто талантов. Надеясь получить их от него, он обязуется передать их царю. Аршам назначает Енаносу срок, а тот посылает одного из своих братьев по имени Сенекиа в Иудею, к Гиркану, получить выкуп за освобождение. Посланец же Енаноса, прибыв туда, не застаёт уже Гиркана, который был убит Иродом во избежание покушений на свое царство».

6) И.Флавий. Иудейская война. В главе 17-1 говорится о том, как брат царя Ирода по имени Иосиф, нарушив поручение не вступать в войну против Антигона, противника иудейского царя, отправился в военный поход на Иерихон имея при себе пять римских когорт. «В горах и непроходимых местах он был настигнут неприятелем. После храброго сопротивления Иосиф сам пал в этой битве и вместе с ним погиб весь римский корпус».

Плагиа́т и искажения от Хоренского. В книге 2-й, гл. 26 сочинитель, объявивший сирийского царя Абгара хаем и все его царство частью мифического Хайастана, заявляет, что Ирод «посылает *племянника* по брату, Иосифа, которого он женил на своей дочери, бывшей ранее замужем за его братом Перуром. Тот с большой

ратью добирается до страны Месопотамии и сталкивается с Абгаром в области Бугнан, служившей военным лагерем. Вступив в сражение, он погибает, а войско обращается в бегство».

Таким образом в копилку поддельной «истории хайев» сочинитель добавляет еще один абзац вымышленных событий. Уже не брат, а племянник царя Ирода погибает в сражении, и не в бою с войском Антигона, а от рук хайев, столкнувшись, по воле фальсификатора, с самим царем Абгаром.

Возможно, из приведенных выше примеров, читатель уже обратил внимание на тот факт, что сочинитель (сочинители) работал с произведением Иосифа Флавия буквально глава за главой, используя тексты известного историка, как исходное сырье для переработки в суррогатную «историю».

Но это далеко не последние примеры плагиата и фальсификаций, «сотворенных» Хоренским вокруг «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Одним из наиболее запоминающихся эпизодов сочинения, является сцена похорон Арташеса I, описанная Хоренским в Книге 2-й, главе 60: «Арташесу **довелось заболеть** в Маранде, в аване Бакуракерт, и отправить некоего Абело, родовладыку рода Абелеанов, человека ловкого, льстивого и лживого, по его собственной просьбе в Еризю области Екелеац, в храм Артемиды, просить у идолов исцеления и долгой жизни. Но тот не успел еще вернуться, как настала кончина Арташеса...

Гроб был из золота, ложе и одр — из тонкого полотна, мантия, облегающая тело,— золотого шитья. Корона покоилась на голове, золотое оружие было сложено перед ним. Ложе окружали сыновья и толпа сородичей, а за ними тянулись сановники и военачальники, родовладыки и сонм нахараров вместе с полками воинов; все — *в полном вооружении, как если бы шли на войну в боевом порядке*. Впереди трубили в медные трубы, позади (шли) одетые в черное голосистые девушки и женщины-плакальщицы, а вслед — толпы простонародья. Так проводили его и погребли».

*Фраза «**довелось заболеть**» выделена потому, что сочинитель сообщает в ней о том, что смерть Арташеса наступила в результате заболевания. В связи с этим ниже раскрывается еще одно из абсурдных противоречий фальсификатора.

Сцена похорон почти в точности скопирована из Книги 17-й (глава 8 – 3) «Иудейские древности» Флавия, где приводится описание похорон Иудейского царя Ирода, умершего в самом конце I века до Рождества Христова: «Тело умершего покоилось на золотом ложе, усеянном разнообразными драгоценными камнями; покров был пурпуровый, и тело покойного было облачено в багряницу; на голове его покоилась диадема, поверх которой был надет золотой венец; в правой руке находился скипетр. Около ложа шли сыновья умершего и масса его родственников; за ними следовало войско по отрядам соответственно своей национальности: сперва шли копьенос-

цы, затем отряды фракийцев, германцев и галлов, все в полной походной форме. За ними следовало уже все остальное войско, предводительствуемое своими лохагами и таксиархами и снаряженное как бы на войну. Затем шли пятьсот служителей, несших курения. Вся процессия прошла, таким образом, восемь стадий до Иродиона, где, сообразно повелению покойного, и состоялось его погребение».

Извлекая из «Иудейской войны» понравившуюся сцену торжественного погребения иудейского царя, сочинитель трансформировал ее в сцену похорон Арташеса, исключив лишь описание состава воинства. Этот фрагмент в сочинении Хоренского вновь демонстрирует, насколько бесцеремонно и произвольно обращался фальсификатор с материалом, извлекаемым из различных исторических источников. Сцена похоронного ритуала, происходившего в Иудейском царстве в самом конце I века до новой эры, переносится на 150 лет в прошлое, в 160 год **до** н.э, преобразуясь в похороны Арташеса I, которого сочинитель в предыдущих главах сделал еще и современником событий, происходивших I и II веках **новой** эры (300 лет спустя после его смерти)!

*Нельзя не отметить, что вымыслы с использованием образа Арташеса разрываются также противоречием, характерным для «творчества» сочинителя. Рассказывая в книге 2-й, главе 60 о похоронах Арташеса, **фальсификатор совершенно упускает из виду, что в этой же книге в**

главе 13-й, завершая вымыслы о фантастических подвигах Арташеса I, он уже поведал о том, как Арташес был зарезан своими воинами, пытаясь спастись бегством. Как же справедлива поговорка – «взявшийся лгать, должен иметь хорошую память»...

Другим примером, свидетельствующим о том, что поводом для сочинительского вдохновения автора (авторов) «Истории хайев» могла стать любая информация из первоисточников, выделяющаяся какой-либо запоминающейся особенностью, как в случае с описанием пышных похорон Ирода.

В книге 7-й «Иудейской войны» Иосифа Флавия повествуется о нашествии аланов, которых автор называет скифским племенем. Согласно Флавию, во времена императора Веспасиана (годы правления с 69 по 79 год н.э.) аланы, пройдя в 72 году через «железные ворота» (Дербентский проход), совершили неожиданное нападение на Мидию (Атропатену) и разграбили ее. Набег был продолжен на юг, в направлении Армении, где по тексту Флавия произошло следующее: «Царствовал здесь Тиридат, который хотя и выступил им навстречу и дал им сражение, но тут сам чуть не попал живым в плен. Аланин издала накинул на него аркан и утащил бы его с поля брани, если бы царю не удалось вовремя перерубить мечом веревку и таким образом спастись. Варвары же, рассвирепевшие еще больше от этой битвы, опустошили всю страну и с огромной массой пленников и добычи, награблен-

ной ими в обоих царствах, возвратились обратно на родину» (И.Ф. «Иудейская война». Кн. 7-4).

Почерпнув эту информацию из труда Флавия, сочинитель, верный своей методике, перевирает ее в интересах своей «истории», заменяя аланов басилами (также скифское племя из приволжских степей). В его версии Тиридат (Трдат) превращается в сказочного исполина, в одиночку рассекающего вражеское войско, под натиском которого враги рассыпаются во все стороны «подобно рыбам, вытряхнутым искусным рыбаком из полного невода». Но поскольку в представлениях фальсификатора Тиридат является *хайем* и царем *Хайастана*, то запоминающаяся сцена с набрасыванием сети, из которой царю едва удастся вырваться и спастись бегством, переделывается в эпизод с прямо противоположным содержанием. Вот как она преломляется в «творческом» воображении сочинителя: «Видя это, царь басилов подбирается к государю, вынимает из-под конского снаряжения аркан из жил, покрытый кожей и, ловко набросив сзади, обхватывает левое плечо и правую подмышку, ибо его рука была поднята для удара мечом по кому-то... «И так как тот (царь басилов - **А.И.**) не смог сдвинуть с места исполина рукой, то обернул аркан вокруг груди коня, но не успел даже огреть коня плеткой, как исполин левой рукой схватился за аркан и, притянув к себе с мощной силой (царя басилов), метким ударом обоюдоострого меча разрубил пополам и мужа и, заодно, голову и шею коня» (М.Х. Кн. 2, гл. 85).

В переработке Хоренского в очередном эпизоде искусственно создаваемой истории уже не аланский воин, заарканив Тиридата, тянет его к себе, а Тиридат тянет к себе царя басилов, накинувшего на него аркан и разрубает его вместе с конем. Как всякий сказочник, автор «Истории хайев» использует сюжеты из исторического первоисточника лишь как повод для изобретения воображаемых и обязательно сдобренных какой-нибудь запоминающейся особенностью, событий, вроде разрубания всадника вместе с конем, дабы произвести впечатление на читателя. Но, как уже было отмечено выше, сказочник совершенно не справлялся с работой историка и потому в данном эпизоде сочинитель вновь становится «автором» очередного курьеза.

Поскольку нашествие аланов, описанное у Флавия и повторенное у Хоренского, произошло во времена императора Веспасиана (69 – 79 гг. н.э.) – то Тиридатом, который вступил с ними в сражение в Армении мог быть только Тиридат I из парфянской династии Арсакидов, правивший (с небольшим перерывом) с **54** по **63** год новой эры, а затем коронованный императором Нероном на правление Арменией в 66 году. Но, разрушая собственные выдумки и не отступая от своего сочинительского стиля, Хоренский сообщает в главе **84**-й о том, как этот самый Тиридат отправляется в Рим на встречу с Константином Великим (римский император с **306** по **337** г). Таким образом, внезапно проясняется, что в воображении сочинителя Тиридатом, сразившим-

ся с аланами в **72-м** году, оказывается, был Тиридат III (правивший с **287 по 330** г.), современник Константина Великого!

Даже свалив своими измышлениями в одну кучу Тиридата I и Тиридата III, императоров Веспасиана, Нерона и Константина, сказитель все равно продолжает удивлять новыми выдумками. Он отменяет в сторону историю и создает свою, мифическую версию событий, не позволяя аланам разбить Тиридата и уйти с победой, разграбив Армению и Мидию (Атропатену), унести с собой богатую добычу и угнать в плен толпы людей. Наоборот! Это Тиридат, по воле Хоренского, разрубив вражеского вождя вместе с конем, обращает в бегство всю его рать и гонит ее до страны гуннов (за тысячу километров, до северного Кавказа), откуда он возвращается, ведя с собой заложников. Но и этого оказывается мало Хоренскому и он добавляет к своим измышлениям сообщение о том, что вслед за этим Тиридат «...объединяет весь север, выставив большое войско и, сведя всех в единую армию, движется в Персидскую страну, на царя Шапуха, сына Арташира» (М.Х. Кн.2, гл.85).

И вновь «великий историк» попадает впросак, создавая хронологический хаос и путаницу. Шапух (Шахпур I), сын Ардашира I, был шахиншахом Персии с **240/42 по 270/72** год, а Тиридат III правил Арменией с **287 по 330** г (не говоря уже о Тиридате I, действительном участнике этих событий и ушедшем на покой в **70-е** годы). Поэтому, очевидно, что военная кампания Тиридата

против умершего Шахпура существовала только в видениях сочинителя.

Выбирая из трудов Флавия фрагменты информации, выделяющиеся какими-то необычными особенностями, Хоренский неизменно выполняет два обязательных действия – переиначивает их и одновременно встраивает в повествование новые персонажи, формируя в итоге очередную главу подложной «истории хайев».

В Книге 14 (гл. 15-5) «Иудейских древностей» Иосифа Флавия рассказывается о том, как Ирод преследует разбойников, укrywшихся в неприступных пещерах, расположенных посреди обрывистого склона, входы в которые были окружены острыми скалами. «Тогда царь распорядился соорудить большие кованые ящики и спустить их на железных цепях с вершины гор, потому что его люди не могли ни спуститься по скатам благодаря их отвесности, ни подняться на верх (по той же причине). Эти ящики были полны воинов, снабженных длинными баграми, которыми они должны были схватывать выходящих из пещер разбойников и сбрасывать их затем вниз. Впрочем, спуск этих ящиков представлял значительную опасность ввиду необычайной глубины пропастей» (И.Ф. Кн. 14, гл. 15-5).

Внимание сочинителя не могло обойти стороной эту экзотическую сцену, и она появляется у Хоренского в **книге 3-й**, главе **45**, измененной и декорированной новыми именами. Один из правителей Армении, носящий по традиции парфян Арсакидов династическое имя Арсак,

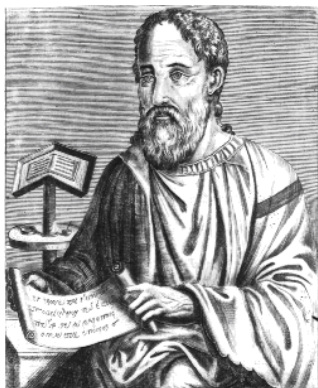
посылает своего приближенного по имени Самвел (Самуил), настичь похитителей его сокровищ. Похитители скрываются в пещерах, расположенных посередине отвесного обрыва «...куда не было иного доступа, кроме узкого хода со стороны обрыва; перед входом в пещеру была вертикальная гладкая скала, сверху нависала сырая закраина отверстия, глядящего в глубочайшее ущелье. Сорвись что-нибудь - и, вращаясь, падает с невероятной быстротой и катится до дна, ибо на пути нет никакой опоры. Поэтому Самвел, охваченный сомнениями, застыл перед неприступностью места. Он известил Аршака, и тот приказал изготовить окованный железом ящик и, посадив в него смелых мужей, спустить на цепных канатах сверху вниз ко входу в пещеру» (М.Х. Кн. 3, гл. 45).

Факт плагиата данной сцены из труда Иосифа Флавия свидетельствует о том, что весь эпизод, представленный сочинителем в этой главе «Истории хайев» является выдуманным, вместе со всеми вовлеченными в него персонажами, изобретенными воображением автора (авторов). Хоренский не был историком и не отражал в своем сочинении реальных исторических событий. Он изобретал некую новую, искусственную «историю» для хайев из выкраденных и переделанных фрагментов чужих произведений.

Обилие вымыслов и фальсификаций, не поддающихся исчислению, из которых было сфабриковано основное содержание «Патмутюн хайотц», объясняется тем, что приоритет-

ная задача, стоявшая перед сочинителем (сочинителями) заключалась в изобретении не существовавшей прежде подложной «истории». Этой всепоглощающей цели и было посвящено сочинение «Патмутюн хайотц», записанное на языке, который никогда не употреблялся в качестве средства общения между народами многонационального региона, ввиду его ограниченного этнического использования. Скрытость создаваемой «истории» помимо языковой ограниченности, гарантировалась также тем, что ее записывали с применением нового алфавита, введенного в употребление в пределах замкнутой религиозной конфессии. Для осуществления этой задачи представители всех перечисленных выше парфянских родов были объявлены *хайами*, а все земли, некогда находившиеся в их владении в регионе высокогорий Малой Азии, провозглашены *Хайастаном*.

V-2. ПЛАГИАТ И ИСКАЖЕНИЕ ТРУДОВ ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Евсевий Кесарийский.
Современная графика.

Согласно «армянской традиции», труды Евсевия Кесарийского были среди первых работ, переведенных на язык хайев с использованием нового алфавита. Как уже было отмечено выше, утверждения «традиции» о том, что в 430-х годах уже существовали многотомные переводы на хайский язык трудов Иосифа Флавия, Евсевия Кесарийского и других историков, вызывает серьезные сомнения. Но на некоторых особенностях истории возникновения хайских переводов «Хроники» Евсевия Кесарийского следует остановиться подробнее.

По мнению «армянской традиции», поддерживаемой исследователями западных стран и

России, рукописные переводы «Хроники» Е. Кесарийского с греческого языка на хайский были сделаны ранее VI века. Но в то же самое время *самая древняя сохранившаяся рукопись относится к XIII* веку. Однако, поскольку известно, что сочинитель использовал тексты именно хайского перевода, а время его сочинительской работы «традиция» располагает в середине V века, делается вывод о том, что перевод «Хроники» должен был быть завершён как минимум ранее 450-го года, т.е. ранее того времени, когда Хоренский мог впервые встретиться с Иссаком Багаратони.

Но в связи с тем, что неумолимые анахронизмы, переполняющие «Историю хайев», смещают данное сочинение в намного более поздние времена – то версия «традиции» о создании переводов в начале V века оказывается совершенно несостоятельной, превращаясь в чисто умозрительное предположение, не имеющее под собой никаких доказательств.

Необходимо также отметить и то обстоятельство, что факт исчезновения греческих оригиналов Евсевия Кесарийского – довольно таинственная история. Если согласиться с «традицией» и предположить, что в V веке какой-то хайский священник, только что изучивший новый алфавит, действительно работал над переводом трудов Евсевия Кесарийского – то это означает, что оригинал «Хроники» находился рядом с ним на протяжении всего времени перевода. Но поскольку в природе не существует более никаких

других ссылок о том, что кто-либо еще пользовался «Хроникой» Кесарийского помимо хайского переводчика, то V век и является временем исчезновения греческого оригинала (по хронологии, предлагаемой «армянской традицией», но по мнению автора настоящей книги переводы на хайский были сделаны в намного более поздние времена, равно как и компиляция «Истории хайев»). Т.е. оригинал «Хроники» Кесарийского исчезает в V веке по завершении работы неизвестного хайского переводчика. В этой связи возникает вопрос: исчезает или уничтожается?

Дело в том, что был еще один, частичный перевод «Хроники» Евсевия Кесарийского, сделанный на латинский язык священнослужителем и историком Святым Иеронимом в 390-е годы, т.е. задолго до предлагаемого «традицией» времени перевода на хайский язык. Св. Иеронимом был сделан перевод только *хронологических таблиц* из труда Кесарийского, и этот латинский перевод сохранился до настоящего времени, что позволяет проводить сравнения с хайским переводом этого же фрагмента. И эти сравнения выявляют серьезные несоответствия, позволяющие сделать определенные выводы.

Оказалось, что хайский перевод отличается смещенной хроникой, искажениями и, что особенно примечательно – отсутствием целого ряда событий, которые, тем не менее, в искаженном виде, появляются в сочинении Хоренского, как заимствования из перевода «Хроники» Кеса-

рийского. Обнаружилось к тому же, что латинский перевод хронологических таблиц Св. Иеронима намного точнее хайского перевода в отношении приводимых дат, описания событий и использованных наименований (поскольку они подтверждаются многими другими историческими источниками). Но если столь заметные несоответствия выявляются в этом относительно небольшом фрагменте «Хроники», то есть все основания предположить, что и весь греческий первоисточник не только переводился на хайский язык неизвестными переводчиками, но одновременно претерпевал серьезные изменения. Это естественным образом приводит к выводу о том, что информация, заносившаяся сочинителем в «Историю хайев» из хайского перевода «Хроники» Кесарийского, помимо переработок со стороны Хоренского, изначально отличалась от исчезнувшего первоисточника.

Эпитеты, которые применяются в отношении хайского перевода «Хроники» Евсевия Кесарийского – такие, как «лучший», «самый точный» или «самый полный» – существуют только в среде «армянской традиции». Проверить сегодня, насколько он «самый-самый», не представляется возможным вследствие того, что греческий оригинал более не существует – он исчез или был намеренно уничтожен после завершения перевода. Последнее представляется вполне возможным, учитывая то бесцеремонное и часто беспощадное обращение с хронологией и исторической информацией, которое демонстрирует

«основоположник» национально-традиционной методологии в процессе формирования искусственной истории.

Поскольку это далеко не единственный пример исчезновения оригинальных произведений после завершения переводов на хайский язык, данная тема могла бы стать предметом самостоятельного и очень интересного исследования.

Следует отметить, что факт использования сочинителем (или группой сочинителей) хайского перевода «Хроники» Евсевия Кесарийского, самый древний экземпляр которого датируется XIII веком – является еще одним подтверждением тому, что процесс компиляции «Истории хайев» происходил позже этого времени, т.е. по всей вероятности (и по меньшей мере) в начале XIV столетия.

Хоренский также активно использовал и другое известное произведение Евсевия Кесарийского, которое называется «Экклесиастика» («Церковная история» или «История церкви») и которое тоже было некогда переведено на хайский язык. Информация, использованная сочинителем из этого труда, утилизировалась в той же манере, в какой Хоренский использовал и все прочие источники, с одинаковой бесцеремонностью вплетая свои фантазии в канву событий, извлекаемых из текстов любых оригинальных произведений, включая святую Библию.

Плагиат и искажения, совершенные Хоренским вокруг информации, извлекаемой из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, являют-

ся, на наш взгляд, наиболее серьезным свидетельством несостоятельности автора «Истории хайев», как историка. Но они являют и еще более существенное свидетельство о том, что Хоренский совершал продуманную, преднамеренную и целенаправленную фальсификацию. Следует подчеркнуть, что переделав и исказив сведения из «Экклесиастики», сочинитель (сочинители) создал одну из наиболее преступных фальсификаций, как в отношении мировой исторической науки, так и в отношении истории христианства.

Ниже приводится несколько примеров подлога, совершенного Хоренским путем искажения сведений, заимствованных из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, в интересах фальшивой «истории хайев».

1) Е.Кесарийский. Церковная история. Кн.1, гл. 13. В этой главе повествуется о том, как современник Иисуса Христа, сирийский царь Абгар, мучившийся тяжелым недугом, посылает к Иисусу гонца в Иерусалим «с просьбой об избавлении от болезни». В ответном письме Иисус обещает помочь Абгару после завершения своей миссии и Вознесения, но через своих учеников. Относительно этой переписки Кесарийский сообщает: «Имеется письменное тому свидетельство, взятое из архивов Эдессы, которая была тогда столицей. Среди государственных документов, сообщающих о событиях древних и современных Авгарю (Абгару), сохраняется с того времени и доныне следующий рассказ. Нет, ка-

жется, ничего интереснее этих писем, полученных мной из архива и переведенных слово в слово с сирийского».

Плагат и искажения от Хоренского. Кн.2, гл. 10. Заимствуя идею об архивах Эдессы из исторического труда Кесарийского сочинитель срращивает с ней собственный вымысел о том, что в этих архивах, якобы, содержались сведения о всех хайских царях и, что эти архивы он будто бы видел сам. При этом Хоренский, верный своему стилю, ссылается на автора «Церковной истории» и заявляет: «Пусть никто не сомневается, ибо мы сами воочию видели этот архив, а кроме того тебе (т.е. Исааку Багаратони – **А.И.**) в этом может непосредственно быть порукой книга Евсевия Кесарийского «Экклесиастика» ... Если поищешь в Геларкуни, в области Сюник, то найдешь в тринадцатой главе первой книги свидетельство о том, что в эдесском архиве хранится (история) всех деяний наших прежних царей вплоть до Абгара и от Абгара вплоть до Ерванда».

Разумеется, в 13-й главе книги 1-й «Экклесиастики» Евсевия Кесарийского нет никаких сведений о хайских царях, и ни единым словом не упоминается, что в архивах Эдессы хранилась какая-то информация о них. Это всего лишь очередное мошенничество, ловко состыкованное с информацией из труда известного историка, спекулируя именем которого сочинитель, демонстрируя характерное отношение к священным для христиан темам, заносит в список мифических хайских царей и сирийского царя Абгара.

Сочинитель не признавал никаких нравствен-

ных барьеров, что было продемонстрировано в самом начале сочинения, когда он перекраивал содержание Священного Писания, для внесения в него фиктивного родословия выдуманного Хайка. В случае с «Церковной историей» он демонстрирует тот же моральный облик, используя строки Евсевия Кесарийского, изложенные в контексте с образом самого Иисуса Христа, всего лишь как сырье для изготовления поддельных страниц фальшивой «истории».

2) Е.Кесарийский. Церковная история. Кн.1, гл. 13. Как было отмечено выше, в труде Кесарийского приводятся тексты переписки между царем Эдессы Абгаром и Иисусом Христом. Письмо от царя Абгара начинается словами «Абгар, правитель Эдессы, Иисусу, прекрасному Спасителю, явившемуся в стране Иерусалимской, шлет приветствие».

В истории известно несколько царей Эдессы, носивших имя Абгар, но правителем с таким именем, который был современником Иисуса Христа был Абгар Уккама. В его имени слово «Укама» было прозвищем, означавшим «черный». Вокруг этого прозвища Хоренский выстроил невероятную фальсификацию, которая, несмотря на очевидную надуманность, бережно сохраняется в пределах «армянской традиции».

Плагиат и искажения от Хоренского. Кн.2, гл. 24. Сочинитель «Истории хайев» усмотрел в информации относительно общения царя Абгара с самим Иисусом Христом удобную для себя возможность состыковать поддельную «историю» с

наиболее священным образом христианства – образом самого Христа. Для этого требовалось всего лишь объявить Абгара хайем. Божественность образа, очевидно, не вызвала никакого священного трепета в душе фальсификатора, для которого важнее всего было внедрить этническое самоназвание «хай» в события связанные с именем и временем Иисуса. С этой целью, взяв за основу прозвище царя Абгара «Уккама», которое в хайской версии «Экклесиастики» было переведено, как «Арджама» (от *хайского* «арджн» – «черный»), сочинитель превратил его в имя некоего царя Аршама, никогда не существовавшего в природе, но ставшего в фантазиях Хоренского отцом царя Абгара. Фальсификация преподносится следующим образом: «В двадцатом году Аршеза, когда истекали дни его царствования, собралось армянское (в оригинале «хайское» – **А.И.**) воинство и по его указанию провозгласило царем над собой Арджама, то есть Аршама, сына Арташеса, брата Тиграна, отца Абгара.»

Фальшивка сразу же приумножилась, поскольку дело не ограничилось тем, что Аршам превратился в отца Абгара. Этот призрак одновременно приобрел отца, в лице Арташеса, неизвестного доселе сына Тигриана I (отца Тигриана II). Вследствие этого Арташес автоматически превращается в брата Тигриана II Великого, который, в свою очередь, обретает нереального племянника Аршама. Далее сочинитель входит в раж и изобретает целый ряд вымышленных событий, в которые вовлекает несуществующего

Аршама, сплетая их с именем Иудейского правителя Ирода, создавая иллюзию историчности своих вымыслов.

В этом и заключался хитроумный замысел сочинителя: поскольку все представители династии Артаксиадов (Арташесидов) были объявлены хайами, то выдав фантом Аршама за сына Тигриана I и племянника Тигриана II (потомков Артаксия/Арташеса), он превращает и Аршама и его сына Абгара в хайев! Подделки фальсификатора поистине неподражаемы – одной строкой он ухитряется создать целую грудку подложной информации, заполняя все новые страницы фиктивной «истории».

Так, совершив очередное преступление подлога, сочинитель в главе 31-й книги 2-й продолжает развивать свою подделку и, цитируя в своем сочинении хайский перевод «Церковной истории» Кесарийского, искажает ее следующим образом: «Абгар, сын Аршама, правитель страны, Иисусу Спасителю и благодетелю, явившемуся в стране Иерусалимской, шлет привет».

Но далее, в главе 33-й, сочинитель, приводя переписку между царем Абгаром и императором Тиберием, уже вполне уверенно заявляет: «Абгар, царь Армении, господину своему Тиберию, императору римскому, желает радости». Данная переписка была скопирована сочинителем из апокрифического источника «Учение Аддая апостола» и в подлиннике звучит так: «Абгар, царь, господину нашему Тиберию Цезарю желает мира».

3) Е.Кесарийский. Церковная история. Кн.1, гл. 11. В главе приводится описание событий, происходивших в Иудее сразу же после казни Иоанна Крестителя, к которой была причастна Иродиада, вторая жена Ирода. В последовавшей вслед за этим войне Ирода с Аретом, царем Петреи (отцом первой жены Ирода), Ирод потерпел сокрушительное поражение, о чем Е. Кесарийский, ссылаясь на Иосифа Флавия, сообщает: «Иосиф пишет о том же, называя по имени Иродиаду; на ней, жене брата, женился Ирод, разведясь со своей первой, законной женой (она была дочерью Ареты, царя Петреи). Ирод отобрал Иродиаду от живого мужа, и это из-за нее он убил Иоанна и вступил в войну с Аретой, считавшим, что его дочь оскорблена. На этой войне, в одном из сражений, говорят, погибло все войско Ирода: это было ему наказанием за гибель Иоанна».

Плагиат и искажения от Хоренского. Кн.2, гл. 29. Хоренский не упускает ни малейшей возможности для внесения своих домыслов в канву важнейших для истории христианства событий – в данном случае, косвенно связанных с казнью Иоанна Крестителя и последовавшим за ним воздаянием царю Ироду. Как уже было отмечено, сочинитель нисколько не тяготился нравственными принципами, рассматривая любой источник, как природный материал, подлежащий переработке. В результате плагиат из «Экклесиастики», дополненный искажениями, приобретает следующий вид: «Ирод, ранее женатый на дочери Арета, выгнал ее с позором и взял в жены

Иродиаду, разведя ее с живым мужем, за что постоянно подвергался осуждению со стороны Иоанна Крестителя, и по этой причине убил его. И из-за бесчестия дочери между Аретом и им вспыхнула война, в которой при помощи армянских (в оригинале «хайских» - **А.И.**) храбрецов войскам Ирода было нанесено тяжелое поражение; как будто провидению Божию было угодно воздать за смерть Иоанна Крестителя».

Таким образом, хаи, не упоминавшиеся ни в одном историческом источнике, в сочинении Хоренского внезапно оказываются на переднем крае событий, как исполнители воли Всевышнего, наказывающего Ирода за казнь Иоанна Крестителя. И выступают они в войске царя Арета IV, главы арабского царства Набатеи! Очевидно, что сочинитель был готов начинать этническим самоназванием «хай» любые исторические события, нисколько не беспокоясь о тяжести искажений, вносимых в историю подобной фальсификацией.

Изучив методику сочинителя, можно предположить, что если бы в каком-нибудь первоисточнике была бы строка о том, что для наказания Ирода выступила в поход армия масаев из центральной Африки, Хоренский не постеснялся бы добавить в своей «истории», что во главе масайского воинства маршировало подразделение из «хайских храбрецов»...

4) Е.Кесарийский. Церковная история. Кн.2, гл. 12. В этой главе повествуется о Елене, царице древней страны Адиабены, бывшей некогда

частью ассирийского царства. Согласно историческим сведениям, подтвержденным Иосифом Флавием и Евсевием Кесарийским, в 40-е годы новой эры в Иудейском царстве случился великий голод во время которого царица Елена, принявшая иудаизм, отличилась благотворительностью. Кесарийский сообщает об этом так: «В это время в Иудее случился великий голод, и царица Елена покупала в Египте за большие деньги зерно и раздавала его нуждающимся... Говорят, что она была царицей адиавинов» (т.е. Адиабены - **А.И.**).

Плагиат и искажения от Хоренского. Кн.2, гл. 35. Сочинитель, озабоченный тотальным хайезированием истории региона, изобретает способ для приобщения Елены и ее царства к «истории хайев». При этом произвол, творимый фальсификатором в своем сочинении, не знает пределов. Превратив парфянского правителя Санатрука (правившего в 80-е годы) в хайского царя и современника упомянутых событий в Иудее (т.е. 40-х годов), Хоренский повествует о том, как он готовится к войне с сыновьями Абгара и захвату их царства. Но к Санатруку прибывает «посланец жителей города с предложением сдать город и царские сокровища, с условием, что он не будет отвращать их от христианской веры. Тот дал согласие, но впоследствии отступился и предал мечу всех отпрысков дома Абгара, за исключением девиц, которых выслав из города и поселил в стороне Хаштеанка. Равным образом и *главную жену Абгара, по имени Елена*, он отправил на

проживание в ее собственный город Харран, оставив ее правительницей всей Месопотамии, взамен благ, полученных им от Абгара при ее посредстве.

Елена же, украшенная, подобно своему мужу Абгару, верой, не вынесла жизни среди идолопоклонников и в дни Клавдия, во время голода, предсказанного Агабосом, отправилась в Иерусалим. Отдав все свои богатства, она закупила в Египте большое количество пшеницы и раздала всем голодающим, о чем и свидетельствует Иосиф».

Хоренский превращает царицу Елену в главную жену Абгара (по прихоти фальсификатора ставшего уже хайем), которую Санатрук, во время истребления семейства Абгара, щадит и высылает «в ее собственный город Харран». В действительности царица Елена, до переезда со своими сыновьями в Иерусалим (после принятия иудаизма), жила в городе Арбела, столице своего царства (современный город Эрбиль, столица Иракского Курдистана).

Уже отмечалось, что для фальсификатора, настойчиво хайезирующего историю, образ Абгара был исключительно важен, поскольку он был первым из царей, уверовавшим в Христа еще до его распятия и следовательно непременно должен был быть прерващен в хайа. Но Хоренский развивает фикцию далее – он придумывает, что и Елена, ставшая в его фантазиях главной женой Абгара, была украшена той же верой, что и ее муж – т.е. верою в Христа. В действи-

тельности Елена вместе со своим сыном Изатом приняла иудаизм после переезда в Иерусалим и прославилась вдобавок тем, что спонсировала строительство иудейских храмов. Весьма «ценную» историю сочинил Хоренский, не правда ли?

Но так же, как и во многих других эпизодах своего сочинения, Хоренский вновь перемешивает времена и события, превращая свои изобретения в абсурд, учитывая, что царица Елена умерла в 56 году, а Санатрук пришел к власти в 80-е.

5) Е.Кесарийский. Церковная история. Кн.4, гл. 6. В данной главе «Церковной истории» содержится описание восстания евреев в 132 – 135 годы против римского владычества, вождем которого был Симон по прозвищу Бар-Кохба (Варкохба). Это один из наиболее ярких примеров копирования сочинителем (без каких-либо ссылок на первоисточник) пространственных текстов из труда Кесарийского, которые неизменно подвергались искажениям и теряли изначальное содержание в хронологическом хаосе, создаваемом Хоренским.

«Так вот, иудеи восстали вновь, и восстание их все разрасталось. Руф, правитель Иудеи, с войском, присланным ему в помощь императором, безжалостно, пользуясь их безумием, преследовал и уничтожал их десятками тысяч: мужчин, женщин, детей — всех заодно; всю страну их, по закону войны, поработил. Вождем иудеев был тогда человек по имени Варкохеба, что зна-

чит «звезда»,— убийца и разбойник; он, ссылаясь на это имя, внушил рабам, будто он светило, спустившееся с неба, дабы чудом даровать им, замученным, свет.

На восемнадцатом году правления Адриана война была в разгаре; осада Бетферы (это был очень укрепленный городок недалеко от Иерусалима) затянулась; мятежники гибли от голода и жажды и дошли до последней крайности. Виноватый в этом безумец понес достойное наказание; а по законодательному решению и распоряжению Адриана, всему народу запрещено было с того времени ногой ступать на землю в окрестностях Иерусалима; не разрешалось даже издали взглянуть на родные места. Это пишет Аристон из Пеллы.

Так пришел в запустение город иудеев; никого не оставалось из старых жителей, и его заселил чужой народ; здесь возник потом римский город с другим именем: его называли Элией в честь императора Элия Адриана. Тамошняя Церковь составила тоже из язычников, и первым после епископов из обрезанных принял служение в ней Марк».

Плагиат и искажения от Хоренского. Кн.2, гл. 60. Плагиат совершенный Хоренским в данном фрагменте «Экклесиастики» сопровождается искажением настолько абсурдным, что не оставляет никаких сомнений в полной некомпетентности сочинителя, как историка, но одновременно с этим ярко высвечивает мошенничество автора, фабрикующего поддельную «историю». Увлечшись со-

чинением деяний царя Артаксиаса I (190 – 160/59 гг **до** н.э.), названного в хайской версии Арташесом, Хоренский совершает невероятное искажение, притягивая к Арташесу события, происходившие во II веке новой эры, превращая свою «Историю» в невежественную сказку: «Прекрасен рассказ Аристона из Пеллы о кончине Арташеса. В то время иудеи отпали от римского царя Адриана и под водительством некоего разбойника по имени Баркоба, то есть «Сын звезды», стали сражаться с епархом Руфом. По своим делам он был преступник и убийца, но кичился, ссылаясь на свое имя, якобы явился с небес как спаситель их от притеснения и плена. И сражался он так упорно, что, глядя на него, прекратили выплачивать дань римлянам также Сирия, Месопотамия и вся Персия.

В это же самое время Адриан прибыл в Палестину и покончил с повстанцами, осадив их в небольшом городке близ Иерусалима. Затем он повелел выслать весь иудейский народ из родной стороны, чтобы они даже издали не могли видеть Иерусалим. Сам же отстроил Иерусалим, разрушенный Веспасианом, Титом и им самим, и назвал его «Гелией», по своему имени, ибо Адриан действительно звался Солнцем. Он заселил город язычниками и христианами, коих епископом был некто Марк. Около этого времени он послал большую рать в Ассирию, а нашему Арташесу приказал идти в Персию со своими зигостатами».

Арташес, воскресший по воле сказочника Хо-

ренского, становится активным участником событий, происходящих почти 300 лет после его кончины, превращаясь в современника императора Адриана (117 — 138 гг.), епарха Иудеи Руфина и вождя еврейского восстания Симона Бар-Кохбы. Все это имело немаловажное значение для фальсификатора – ведь он уже объявил Арташеса хаем и, следовательно, смешивая его имя с именами известных по истории людей, можно создать у непросвещенного читателя впечатление присутствия хайев во всех происходящих событиях.

Но поскольку сочинитель не был историком, а пристрастным фальсификатором, он не понимал, что выдает свой обман с головой, создавая невозможной накладкой различных времен совершенно абсурдную фальшивку.

6) Е.Кесарийский. Церковная история. Кн.6, гл. 26-27. Рассказывая о деяниях Оригена, философа и богослова, жившего в III веке, Кесарийский сообщает о его встрече с епископом Фермелианом, с которым они упражняются в углублении богословских знаний: «На десятом году упомянутого царствования Ориген переселился из Александрии в Кесарию, оставив Огласительное училище на Иракла. В скором времени скончался Димитрий, епископ Александрийский, несший свое служение целых сорок три года. Преемником его стал Иракл. В это время славен был епископ Кесарии Каппадокийской Фирмилиан. Он так высоко ставил Оригена, что иногда, церковной пользы ради, приглашал его

к себе, в свою область, а иногда сам отправлялся к нему в Иудею и проводил с ним некоторое время, совершенствуясь в вопросах богословских».

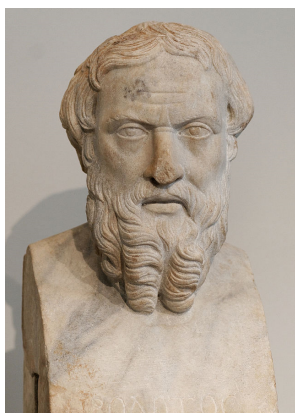
Плагиат и искажения от Хоренского. Кн.2, гл. 75. Сочинитель заимствует информацию из этих глав «Экклесиастики» Кесарийского и преломляет ее через призму своей методики: «Фермилиан, епископ Кесарии Каппадокийской, был человеком поразительной любознательности; еще мальчиком он отправился учиться к Оригену. Он сочинил множество трудов и среди них — Историю гонений на церковь, которые были воздвигнуты при Максимине и Деции и, наконец, в годы Диоклетиана, включил в нее также деяния царей. Там он сообщает, что шестнадцатым епископом александрийцев был Петр, принявший мученическую смерть на девятом году гонений».

Однако «армянский Геродот» сразу же разрушает свою подделку собственным дилетантством, игнорирующим хронологию. Как известно епископ Фермилиан умер в 269/70 году и никак не мог трудиться над «Историей гонений на церковь», включая в нее деяния царей, во времена императора Диоклетиана (занимавшего императорский престол с 284 по 305 год). Но следующей строкой, словно контрольным выстрелом, сочинитель добивает выдуманную «историю» тем, что, якобы, в этом труде Фермилиан сообщает о мученической смерти Петра, шестнадцатого епископа Александрии. Известно, что смерть епископа Петра прои-

зошла в 311 году, а Фермилиан, как было отмечено, умер около 270 года и не мог располагать информацией о событиях, которые произошли 40 лет спустя после его смерти.

Этот фрагмент поддельной истории как нельзя лучше свидетельствует о том, что компилятор, творивший под псевдонимом Хоренский, жонглируя известными историческими именами, извлекаемыми из различных литературных источников, фабриковал поддельную лже-историю в узко-национальных интересах, нисколько не беспокоясь ни по поводу создаваемого хронологического абсурда, ни по поводу того, что ценность этого фиктивного сочинения с точки зрения исторической науки равна нулю.

V-3. ПЛАГИАТ И ИСКАЖЕНИЕ ТРУДОВ ИОАННА МАЛАЛЫ И ГЕРОДОТА

Геродот

Значительная часть текстов «Патмутюн хайотц» была выстроена за счет плагиата информации, извлеченной из трудов известного греческого историка Иоанна Малалы, жившего и творившего в VI веке новой эры. Одно только это обстоятельство свидетельствует о том, что сочинитель, которого «армянская традиция» называет Моисеем Хоренским (Мовсесом Хоренатци), не мог жить и сочинять «историю хайев», находясь в середине V столетия.

Плагиат и чудовищные искажения, превращающие отдельные главы сочинения в театр абсурда, был совершен также в отношении трудов знаменитого греческого историка Геродота,

жившего в V веке **до** новой эры. При этом все заимствованные тексты подвергались обязательной переработке. Поскольку фальсификатор создавал свою, хайскую «историю», он, разумеется, не мог повторять в точности тексты авторов оригинальных трудов. У читателя должно было сложиться впечатление, что первоисточником информации является сам Хоренский, и потому она в обязательном порядке обростала новыми (зачастую абсурдными и парадоксальными) деталями, не существовавшими прежде персонажами и именами, оказывалась перенесенной в другие времена и т.д. **Таково основное содержание методики фальсификации, которую использовал сочинитель.** Ниже приводятся некоторые примеры манипуляций, совершенных фальсификатором вокруг трудов Малалы и Геродота.

Реализуя главную задачу по тотальной хайзации истории региона, в упомянутых ниже главах подложного сочинения Хоренский осуществляет свой замысел через превращение в хайа хорошо известного по историческим источникам местного правителя Артаксия (Ардахи) I, происходившего из древней персидской династии Оронтидов, которого фальсификатор называет «нашим Арташесом».

Артаксий впервые упоминается в истории, как один из местных военачальников, состоявших на службе у Антиоха III Великого, правителя империи Селевкидов. Антиох назначил Артаксия ставленником греческой власти в сатрапии, но-

сившей название Армения. Но после сокрушительного поражения Антиоха Великого в сражении с римской армией в 190 г. до н.э. вблизи лидийского города Магнезия (современный город Маниса на западе Турции), Артаксий, временно освободившийся от диктата Селевкидов, провозгласил автономное самоуправление на большей части сатрапии, над которой через некоторое время вновь была восстановлена власть Селевкидов.

Вокруг имени этого правителя и строит фальсификатор одни из наиболее абсурдных вымыслов своего сочинения, начиная с того, что в книге 2-й, гл. 13-й копирует слова предсказания дельфийской прорицательницы, взятые из книги 6-й, гл. 8-й Иоанна Малалы (при этом, естественно, не указывая первоисточник) о предстоящем поражении лидийского царя Креза и крушении его царства: «Когда Крез перейдет реку Алис, он погубит великое царство».

Подробное описание войны между царем Лидии Крезом и шахиншахом (царь-царей) Персии Киром (Куруши), а также предшествовавшим этой войне событиям, приводится в «Истории» Геродота, в книге 1-й (Клио). По этой причине можно предположить, что сочинитель «Патмютюн» мог заимствовать эту информацию и у Геродота. Но в действительности у Геродота аналогичная строка от имени дельфийского оракула звучит несколько иначе: «...выступив против персов, он (т.е. Крез – **А.И.**) разрушит великую империю». В предсказании, упомянутом у Геро-

дота, не говорится о реке.

Но поскольку и у Малалы и у Хоренского наблюдается одна и та же последовательность слов в аналогичных строках, т.е. «Крез – перейдет – река – Алис – погубит – царство», то очевидно, что плагиатор воспользовался строкой именно из произведения И. Малалы.

Однако, по поводу войны Креза и Кира своеобразный плагиат все же был совершен и в отношении «Истории» Геродота. В характерной для сочинения манере, изобретая очередной искусственный пассаж своей «историей», автор «Патмутюн» не только ворует определенную тему из исторического произведения великого грека, но и *перевирает ее содержание*.

В «Хрониках» И. Малалы говорится о том, что пленив Креза после разгрома его армии, Кир повелел привязать его наверху высокого треножника и нести его впереди своего войска (И.М. «Хроники». Кн.6, 10). Но в повествовании Геродота описывается иная история. По Геродоту Кир приказывает сжечь на жертвенном костре Креза и вместе с ним «дважды по семь» лидийских юношей, принося их в жертву своим богам за одержанную великую победу.

Автор «Патмутюн» выбирает тему огненного жертвоприношения, описанного в «Истории Геродота», очевидно потому, что она, во-первых, производит более сильное впечатление на читателя жестокостью казни и, во-вторых, потому, что версия Геродота притягательна описанием счастливого разрешения трагической ситуации

и чудесного спасения Креза (Геродот. История. Кн.1, Клио, 86-87).

Но, украв «огненную» тему у Геродота, сочинитель «Патмутюн» искажает ее собственной выдумкой о том, что плененный Крез был «поставлен на железную сковородку» (М.Х. Кн. 2, гл. 13).

Однако искажение не ограничивается заменой жертвенного костра на сковородку. В повествовании, затрагивающем тему разгрома Креза и крушения его царства, Хоренский, помимо очевидного плагиата, удивляет читателя не только грубой дезинформацией, что автора, которого «традиция» преподносит, как «величайшего историка», можно вполне справедливо заподозрить в невежестве.

Прежде всего, Хоренский демонстрирует *абсолютное незнание истории*, приписывая победу над Крезом не персидскому царю Киру (о чем было прекрасно известно историкам V века), а правителю Ардаху I, происходящему из Ахеменидской династии Оронтидов (в *греч.* версии – Артаксиас), называя его при этом «нашим Арташесом» (т.е. объявляя его хайем) и сочиняя вокруг его имени очередные небылицы своей «истории».

В данном эпизоде кроется еще одно бесспорное свидетельство дилетантства сочинителя. Он не знает точной хронологии исторических событий региона, что особенно отчетливо проявляется в тех частях сочинения, где автор, увлекаясь собственными фантазиями, погружается в изобретательство воображаемых событий. Повторяя

информацию, изъятую из трудов Геродота и Малалы, сочинитель не колеблясь перемешивает времена лидийского царства и Селевкидов, разделенных почти 5-ю веками и объявляет, что речь идет о каком-то другом Крезе.

Но как гласит пословица – «извинение может быть хуже проступка». Пояснение Хоренского только усиливает впечатление о его полной некомпетентности, как историка, поскольку отчетливо свидетельствует о том, что сочинитель далек от понимания того, что **Лидийское царство прекратило существование в VI веке до н.э.**

Хотя бы с этой точки зрения историку следовало бы знать, что Ардахи I никак не мог воевать с войском давно исчезнувшего царства и пленить их давно умершего правителя! Но легкость и безответственность, с которой сочинитель обращается с историей, указывает на то, что автор был не историком, а скорее сказочником...

Подобные обстоятельства, когда сочинитель копирует тексты первоисточников (не упоминая подлинных авторов) и далее искажает их содержание в стремлении вылепить из них нечто пригодное для использования в собственных целях, превращает так называемые «заимствования» в банальный плагиат.

Создавая подобным образом подложную «историю» Хоренский (или группа компиляторов) применяет по-своему уникальную методiku сочинения – практикуя плагиат и подлог одновременно. Но помимо этого он демонстрирует так же присущее себе непревзойденное «умение»

противоречить своим же измышлениям в пределах одного абзаца.

Так, в главе 13-й второй книги, заменяя историю персидского шахиншаха Кира выдуманскими подвигами Арташеса, он сначала выражает согласие с мнением вымышленного греческого историка Поликрата (в действительности не существовавшего) якобы сообщающего, что Арташес «едва перешел реку Алис, как успел уже истребить лидийское войско и захватить Креза». А затем, всего несколькими строками ниже, в той же главе выражает согласие с мнением другого вымышленного греческого историка Камадроза (в действительности не существовавшего): «лидийцы в своей надменности обманулись ответом, данным Крезу пифийским оракулом: Крез, перейдя реку Алис, сокрушит могущество». Создается впечатление, что, переплетая свои выдумки, автор «Патмутюн» просто в них запутался.

Но поскольку конечная цель сочинения заключалась в хайезировании истории всего региона, дерзость, с которой Хоренский совершает подлог и плагиат, не знает границ. Он крадет у Геродота и Малалы приведенные выше сюжеты:

- о войне Лидии и Персии (войне Креза с Ки-ром);
- о предсказаниях оракула и реке Алис;
- о крушении Лидийского государства и пленении царя Креза;
- о предстоящей казни Креза на огне и помиловании со стороны Кира и при этом утверждает, что речь идет о совершенно другом Крезе и

вся эта история не имеет никакого отношения к Киру! Сочинитель пишет: «...до того Креза, о котором повествуют как о современнике Кира или Нектанеба (египетский фараон - **А.И.**), то либо он - вымышленное лицо, либо одно (и то же) имя носило много царей, как это часто бывает» (М.Х. Кн.2, гл.13).

Так «великий историк», применяя излюбленный аргумент «говорят», отмечает в сторону историческую правду в угоду собственных выдумок про «нашего Арташеса», в полной мере заслуживая право считаться идиолом «армянской традиции». Но в этой короткой строке сочинитель выставляет напоказ еще один признак невежества, предполагая, что Лидийское царство существовало во времена Ардахи I (т.е. во времена Селевкидов) и при этом могло иметь несколько правителей по имени Крез. Одновременно с этим сочинитель, называя реального Креза из произведений Геродота и Малалы «лицом вымышленным», пытается дискредитировать произведения известных историков, из которых только что извлек нужную для себя информацию. Очевидно, что подобное «творчество» может считаться «величайшим историческим трудом» только в пределах хайского «традиционного» видения истории.

Даже в раннем средневековье было прекрасно известно, что греческий историк Геродот Каликарнасский жил и творил в V веке до н.э., а также о том, что Лидийское царство, о котором он писал, и его легендарный правитель Крез су-

ществовали за сто лет до Геродота, т.е. в VI веке до н.э. **Вряд ли можно назвать историком** сочинителя, использующего сведения из различных первоисточников с целью создать нереальные картины прошлого, притягивая исторические события VI века до н.э. к имени Арташеса I (Ардахи или Артаксиаса, которого называли так же Парфянином), жившего во II веке до н.э.

Обилие плагиата, искажений, выдумок, противоречий и подлогов в «Патмутюн хайотц» поражает. Написанное, напоминает повествование увлеченного своими фантазиями сказочника, и никак не может рассматриваться, как произведение, имеющее ценность для исторической науки. Но еще более поразительно то, что подобную фальсификацию все еще продолжают использовать в качестве ссылочного источника.

Чего стоит, например, описание фантастической картины, о том как Арташес «покорив всю сушу между двумя морями (т.е. всю Малую Азию, лежащую между Черным и Средиземным морями – **А.И.**), *покрыл Океан множеством кораблей, желая поработить весь запад*». Дав волю собственным фантазиям, сочинитель рисует эпическую картину мобилизации Арташесом невиданного в истории человечества войска, настолько многочисленного, что, утоляя жажду в некоей полноводной реке, его армия высушивает ее (М.Х. Кн.2, гл.12, 13).

Разумеется, ничего подобного в реальной истории не происходило, но таково было желание сочинителя «истории хайев», лепившего из иска-

женных фрагментов исторической информации мифические деяния для «нашего Арташеса».

Реальный правитель Армении, Ардахи I, происходивший из Ахеменидского царского рода Аранди (*греч.* Оронтиды), известный в истории в основном под греческим именем Артаксиас I (в хайской версии Арташес), не был хаем и не совершал ничего похожего на то, о чем пишет Хоренский. Во II веке до н.э. Ардахи I был назначен Антиохом III Великим, правителем империи Селевкидов, на должность стратега (военачальника) в провинции Армения. Превращение военачальника в царя произошло относительно просто, в виде самопровозглашения, после 190 года до н.э., когда император Антиох Великий потерпел сокрушительное поражение при Магнезии в сражении с римлянами.

Обладая, как военачальник, большой воинской силой, и лишившись имперского контроля со стороны Селевкидов, Ардахи I, потомок древней царской династии, вполне обоснованно решил, что он вправе провозгласить себя царем Армении. Правление Ардахи I (Арташеса) продолжалось около 25 лет, пока собравшиеся с силами Селевкиды, возглавленные Антиохом IV Эпифанием (сыном Антиоха III Великого) вновь не овладели территорией Армении, восстановив имперскую власть. Сам Ардахи I был пленен, но спустя некоторое время освобожден, после признания над собой власти селевкидов в лице Антиоха IV.

Однако в воображении Хоренского рисуется

совершенно иная биографии «нашего Арташеса». По воле сочинителя, ссылающегося на имена *неизвестных* историков – Поликрата, Евагароса, Скамадроса, Флегониоса – Арташес доходит до берегов Греции, покорив все пространство Малой Азии, наводя ужас на греков и сокрушая одно племя эллинов за другим, уничтожив по пути Лидийское царство (уже погибшее 4 столетия назад), затмевая солнце стрелами своего несметного воинства, покрыв океан (!) кораблями, «шествуя по суше и морю», увозя из захваченных городов статуи богов, собирая великие трофеи и т.д. и т.п.

Но, понимая, что поток сказочных сочинений надо как-то прерывать, сочинитель (или группа компиляторов) резко пресекает повествования кратким сообщением о, якобы, внезапно вспыхнувшем побоище между воинами многочисленной армии Арташеса, во время которого был зарезан и сам Арташес, пытавшийся спастись бегством.

Были использованы и многие другие фрагменты из текстов «Хроники» Иоанна Малалы, к которым Хоренский притягивает сочиняемые события, вплетая их в исторический контекст и пытаясь, таким образом, придать своим выдумкам историческую окраску (*об этой методике сочинителя более подробно ниже*).

Исследователям сочинения «Патмутюн хайоц» хорошо известно, что Хоренский, оперируя именами исторических личностей – Арсака (*в хайской версии Аршак*), Ардахи (*в хайской версии Арташес*), Тиридата (*в хайской версии Трдат*), Тигира-

на (*в хайской версии* Тигран) и др. – очень редко предоставляет точную информацию относительно того, о каком именно Аршаке, Арташесе или Тиридате идет речь – ведь людей с подобными именами было несколько и жили они в разные времена. Исследователям самим приходилось догадываться и выдвигать предположения о том, что речь могла идти о том или ином персонаже реальной истории. Задача осложнялась еще и тем, что сочинитель рассказывал о событиях, которые не только не подтверждались источниками вне «армянской традиции», но выглядели абсурдными даже по тексту самого Хоренского.

Так, автор «Патмутюн» находит в произведении Малалы благодатный для сочинительства исторический период с описанием длительного противостояния Византии, Парфии и Персии, а также перечислением имен государственных деятелей. В хронику этих событий (аналогично использованию библейской хроники при создании родословной мифического Хайка – см. выше) он вплетает целый ряд вымышленных имен и происшествий, добавляя еще несколько поддельных страниц в копилку «традиционной» истории хайев. Однако здесь же, с главы 72-й по 79-ю Книги 2-й, увлекшись сочинительством и пристраивая его к целому ряду имен правителей Рима, в последовательности, извлеченной из «Хроники» Малалы, автор «Истории хайев» совершает череду грубых ошибок, еще раз подтверждая свою некомпетентность, как историка.

Заменяя парфян на хайев, сочинитель «Патму-

тюн» повествует о том, как после смерти парфянского шаха Хосрова II, правителя *Хайастана* (в оригинальном тексте автор вместо Армении использует исключительно это название), местная знать обращается за помощью к римлянам (автор настойчиво называет их греками), к императору Валериану (правившему с 253 по 259 год), для защиты от персов, которых возглавлял Ардашир I, основатель империи Сасанидов. ***(По содержанию повествования очевидно, что речь идет именно об Ардашире I – основателе империи Сасанидов, поскольку здесь же в главе 71, Книги 2-й Хоренский сообщает о том, как «Ардашир, сын Сасана, убил Артабана и вступил в царствование»).***

Наряду с этим Хоренский упоминает целый ряд имен римских императоров – Деция, Галла, Валериана, Клавдия, Аврелиана, Квинта, Тацита, Флориана, Проба – в последовательности, изложенной в «Хрониках» Иоанна Малалы. Общий период правления перечисленных правителей Рима охватывает исторический отрезок времени от 249 до 276 года и на протяжении всего этого периода, согласно описанию сочинителя «*Патмутюн хайотц*», продолжается борьба с шахиншахом Персии Ардаширом I. Но все сопровождающие повествование вымыслы о деяниях хайев, вместе со всеми вымышленными именами и названиями, являются откровенной ложью, поскольку **правитель Персии Ардашир I умер в 242 году**.

Это еще одно, очередное подтверждение то-

му, что «армянского Геродота» (или группу сочинителей) не беспокоила историческая хронология – он не ставил перед собой задачи изучения и описания реальных событий прошлого. Он сочинял «новую» историю, используя прием сращивания подложной информации с реальными историческими именами, извлекаемыми из десятка различных источников, чтобы хайзация истории по ходу сочиняемых событий «Истории хайев» обрела внешнее подобие историчности.

В Книге 2-й, главе 73 сочинитель сообщает: «...хотя Филипп умер и Римское царство пережило смуты, а императоры Деций, Галл и Валериан, отбивавшие друг у друга власть на короткое время, не оказали помощи Хосрову (парфянский царевич Хосров II – **А.И.**), он, однако, с собственным войском и остальными друзьями и соратниками при содействии северных племен победил Арташира и преследовал его до Индийской страны».

Хоренский в буквальном смысле несет бред, в угоду своим собственным намерениям. Император Филипп (по прозвищу Араб) умер в 249 году, а перечисленные императоры Деций, Галл и Валериан правили последовательно с 249 по 260 год. То, что Хосров нуждался в их помощи в войне с Ардаширом, а они не помогали ему, разумеется, выдумка сочинителя, поскольку эти императоры находились у власти много лет спустя после смерти Ардашира. Интерес же сочинителя в изложении вымышленных событий

заключался в том, что имена известных императоров были нужны ему, чтобы пристроить вокруг них выдуманные эпизоды для изобретаемой «истории хайев»:

– про то, как император Филипп (занявший римский престол в 244 году – т.е. *после смерти Ардашира в 242 году*), отдает приказ всем провинциям от Египта до Черного моря выслать войска в поддержку Хосрова. В результате этого, «обретя столь многочисленную рать, Хосров (ставший хайем в изложении фальсификатора) устремляется на Ардашира, обращает его в бегство в сражении и отнимает у него Ассирию и другие страны, управляющиеся местными царями»;

– как вслед за этим Хосров пытается собрать вокруг себя всех своих сородичей и объединить их в борьбе против Ардашира (*уже давно покойного*);

– как, собрав своих соплеменников, Хосров неожиданно узнает, что Ардашир (*после своей смерти*) вырезал целый род парфян и долго преследует одного выжившего младенца;

– как, наконец, оставшись без поддержки упомянутых римских императоров, Хосров сам, со своим войском и какими-то «остальными друзьями и соратниками» и «северными племенами» вновь побеждает *давно умершего* Ардашира и гонит его до самой Индии (Кн. 2, гл. 72, 73).

Что ценного может предложить исторической науке *такое* «произведение», помимо свидетельства о том, что оно составлено из фанта-

зий сочинителя?

Очевидно, что подобные измышления не могли быть написаны историком. Единственное назначение этой фальсификации заключалось в том, чтобы **представить историю региона в хайезированном виде**, выстраивая из выдуманных сюжетов, событий и десятков привнесенных хайских имен и топонимов искусственную «Историю хайев».

К этой картине, созданной в воображении сочинителя, добавляется описание гибели императоров Тацита и его брата Флориана, для чего используются тексты Малалы, имя которого, однако, нигде не упоминается: «...Тацит нашелся вынужденным идти против Ардашира в Понтийские страны и отправляет своего брата Флориана с другим войском в Киликию. Ардашир же (умерший в 242 году – **А.И.**), настигнув Тацита (правившего с 275 по 276 год – **А.И.**), обращает его в бегство. Император был убит своими в Чанике Понтийском. Равным образом и брат его, Флориан, по прошествии 88 дней, погибает в Тарсе» (Кн. 2, гл. 76).

Эти же события в Кн.12, гл.32 Малалы описаны так: «Во время правления Тацита была война в Понтийском регионе. Император отправился на войну и был убит на территории Цаника в Понте, в возрасте 75 лет.

...После правления Тацита правил Флориан Август на протяжении двух месяцев. Он начал кампанию против персов и по прибытии в Тарс, был убит своими людьми, когда ему было 65 лет».

Это типичный пример «творчества» Хо-

ренского, когда в одном коротком абзаце, изъятом из греческого первоисточника, он бесцеремонно искажает историческую информацию, заставляя императора Тацита (правившего в 275-276 гг.) не просто участвовать в Понтийской войне, но воевать в ней против Ардашира (умершего в 242 г.). В фантазиях сочинителя воскресший Ардашир настигает Тацита и обращает его в бегство. При этом, нисколько не тревожась о хронологии событий, сочинитель вплетает в текст собственную информацию, соотнося ее со временем и с именем римского императора:

– о том, как наступление персов вынуждает хайскую аристократию спастись бегством в Грецию (так Хоренский называет римскую империю);

– о том, как Ардашир I, заключает мир с императором Пробом (Пробусом), заменившим на римском престоле погибшего Тацита;

– о том, как Ардашир вновь возвращает хайев на их земли с целью обустроить Хайастан и восстановить их на своих должностях. *(Повторим еще раз – в повествовании Хоренского нет никакой «Армении» и «армян». В оригинальном тексте, окончательно сложившемся, по всей вероятности, в начале XVII века, речь идет исключительно о «Хайастане» и «хайах»).*

Следует отдельно отметить строки сочинителя, в которых упоминается имя римского императора Пробуса: «Но Проб, вступивший в царствование в Греции, заключает мир с Арта-

широм и разделяет *нашу* страну (т.е. Хайастан), обозначив границы рвами» (Кн. 2, гл. 77).

Пробус царствовал с 276 по 282 год, а Ардашир, как уже было отмечено, умер в 242 году. Несмотря на это основоположник «армянской традиции» заставляет Пробуса заключать мирный договор с Ардаширом. Сочинитель (или группа сочинителей) находится во власти своих фантазий и увлечен изложением воображаемых эпизодов о том, как шахиншах Персии Ардашир (непримиримый враг парфян и римлян), заключив мирный договор с Пробом, сразу же приступает к обустройству и укреплению *Хайастана* (так сочинитель называет провинции Парфии), восстанавливая *хайскую* знать (так сочинитель называет парфянскую знать) во всех правах и владениях. Сочинитель не приводит никаких объяснений противоречивости созданного им сюжета – неужели Ардашир, грозный противник Парфии и Рима, проводил военные компании с целью восстановить в полном масштабе власть своих извечных врагов?

Помимо подделок, из материала которых и фабрикуется искусственная история, сочинитель совершает и другие, неприемлемые и невежественные действия. **Не утруждая себя перепроверкой реальных исторических дат тех событий, к которым он привязывает свои фальсификации, Хоренский (или группа сочинителей) с легкостью перемешивает времена давно ушедших из жизни людей с временами здравствовавших правителей, еще раз подт-**

верждая, что «Патмутюн» был написан дилетантом (или дилетантами), преследовавшим одну единственную цель – хайезировать историю Малой Азии.

Так, например, сочиняя строки о подвигах Тиридата III (сына Хосрова II) и соотнося их с очередными историческими именами, Хоренский сообщает следующее: «Воцарился Кар вместе с сыновьями Карином и Нумерианом. Собрав войско, он дал сражение Арташиру и, победив его, вернулся в Рим. Поэтому Арташир (Ардашир - **А.И.**), призвав на помощь многие народы и обратив в свою опору пустыню Тачкастана вновь дал два сражения, на этой и на той стороне Евфрата, после чего Кар был убит в Риноне. То же случилось с Карином, который двинулся на Карнака в пустыню — а с ним был и Трдат (Тиридат III – **А.И.**), — и погиб вместе с войском, остатки которого обратились в бегство. При этом и под Трдатом был ранен конь, и он не поспешил присоединиться к бегущим, а, захватив свое оружие и сбрую коня, вплавь переправился через широкий и глубоководный Евфрат к своим, главным силам, при которых находился и Лициний. В эти дни был убит и Нумериан во Фракии, его на престоле сменил Диоклетиан. Описание деяний Трдата, совершенных в его время, ты найдешь у Агатангелоса». (Кн. 2, гл 79).

(Ссылка в этой главе на Лициния, будущего императора Римской империи, правившего с 308 по 325 г., во дворце которого во время пребывания среди римлян проживал Тиридат, свидетельствует о том, что сочинитель ведет речь

именно о Тиридате III, находившемся у власти с 287 по 330 год).

Дезинформация в сочинении столпа «армянской традиции» льется потоком. Император Марк Аврелий Кар находился у власти с 282 по 283 год, а его сыновья Каринус и Нумериан занимали императорский престол с 283 по 285 год. Однако не признающий никакой исторической хронологии «армянский Геродот» воскрешает шахиншаха Ардашира, умершего в 242 году, и направляет на него легионы римских императоров, правивших с 282 по 285 годы. По воле сочинителя победу вначале одерживает Кар, но воскресший Ардашир, собрав «многие народы» дает римлянам целых два сражения и громит их «на этой и на той стороне Евфрата».

Историческая точность не имеет для фальсификатора никакого значения – для него важно то, что он заносит на очередную искусственную страницу своей «истории» выдумки о лихости Трдата (объявленного хаем), пересекающего вплавь «широкий и глубоководный Евфрат» со всем своим оружием и конской сбруей!

В фантазиях Хоренского император Каринус «погиб вместе с войском, остатки которого обратились в бегство», в то время как в действительности Каринусу сопутствовали военные успехи и в период своего короткого правления ему удалось одержать победу в войне с персами. Наряду с этим сочинитель убивает императора Нумериана во Фракии, в то время, как Нумериан погиб в Персии.

Упомянутый выше эпизод сочинения, когда Ардашир I, якобы, вырезает целый род парфян и пытается добраться до единственного выжившего младенца, имеет продолжение, несмотря на то, что он *изначально был невозможен*, поскольку в период описываемых (выдуманных) событий Ардашир I был уже давно мертв. Продолжение заключается в том, что автор, повествуя о войне парфянского правителя Тиридата III (правившего в Армении с 287 по 330 г.) с персидским шахом Шахпуром II (правившим с 309 по 379 г.) вновь выводит на сцену того самого выжившего младенца (которого сочинитель называет Перозамат), спасенного от резни каким-то выдуманным Бурзом.

К Тиридату III во время его войны с персидским правителем Шахпуром II прибывает некий родственник, по имени Камсар, который при этом оказывается сыном того самого спасенного Перозамата. Продолжая свои фантазии, сочинитель сообщает, что этот самый Перозамат, достигнув *юношеского* возраста, был назначен все тем же Ардаширом I (именно им, а не Ардаширом II, который правил с 379 по 383 г., после Шахпура II) «военачальником для ведения войны с дикими племенами, с коварным замыслом предать его в руки варварам» (Кн.2, гл. 87). Но, поскольку Ардашир I не мог вырезать парфян *после своей смерти* и преследовать некоего младенца – вся эта история является плодом фантазий сочинителя. Естественно, продолжение выдуманной истории также остается выдумкой, в которой порожден-

ный воображением сочинителя Перозамат не только преследуется во младенчестве *умершим* Ардаширом, но, оказывается, что по достижении юношества, он еще и назначается *покойным* персом на должность военачальника.

Но все эти вздорные домыслы, тем не менее, преследуют вполне конкретную цель – хайезировать историю региона. Они нужны сочинителю для того, чтобы пристраивая свои фантазии к именам исторических личностей, объявленных хайами, продолжать фабрикацию виртуальной «истории», добавляя в нее выдуманные деяния не существовавших прежде хайских персонажей. Стараниями фальсификатора, один за другим возникают новые эпизоды о том:

- каким храбрецом был Перозамат, громивший дикие племена и победивший никому неизвестного варвара Взырка;

- как побежденный Взырк отдал Перозамату свою дочь;

- как дерзкий Перозамат помимо дочери Взырка взял себе в жены еще и женщин из родни самого Ардашира, своего лютого врага, и наплодил много сыновей;

- как Перозамат не подчинился персидскому трону в лице не только самого Ардашира, но и его сына Шахпура;

- как впоследствии он все же погиб, отравленный людьми Шахпура;

- как сын Перозамата Камсар враждует с *другим* Взырком и по причине этой вражды прибывает к Тиридату со всей своей родней и т.д.

Так сочиннитель наращивал страницы искусственно создаваемой «истории хайев», которую преподают сегодня в учебных заведениях Хайстана, как хрестоматийное произведение.

Методика, применяемая фальсификатором, настолько же проста, насколько и груба. Автор (или группа сочинителей) выстраивает ряд исторических имен, извлеченных из признанных греческих и римских источников, упоминая также и события, связанные с этими именами. Далее, к каждому историческому имени и связанному с ним событию пристраивается фальсифицированный фрагмент «истории» с выдуманными образами, совершающими в интересах сочинителя некие деяния, «историчность» которых остается в пределах его же сочинения. Этим и объясняется тот факт, что большинство событий и образов, которыми Хоренский заполнил свое «произведение», не подтверждается никакими другими источниками, находящимися за пределами «армянской традиции».

В результате бесчисленных искажений, порожденных всепоглощающим желанием сочинителя хайезировать историю, и при этом стремившимся охватить в своих фантазиях все времена, эпохи и народы региона, Хоренский заполнил «Историю хайев» неопишущим хронологическим абсурдом, ставшим неотъемлемой и непоправимой особенностью его «произведения».

Анализируя подобную хронологическую путаницу, в изобилии представленную в «Исто-

рии хайев», можно было бы использовать определение «**анахронизм**», обтекаемый термин, маскирующий факт несостоятельности этого фундаментально дефектного сочинения. Смысл его заключается в том, что он отмечает наличие хронологической неточности, когда события одного времени или эпохи ошибочно относят к другому времени. Возможно, в отношении каких-то других произведений и авторов факты анахронизмов могут быть свободны от того драматизма, каким они исполнены в «Истории хайев». Например, если автор, живущий в X веке ошибочно относит к VI веку события, в действительности происходившие в VII веке. Особой трагедии в этом нет, поскольку автор жил намного позднее VI – VII веков. Подобный анахронизм не ставит под сомнение существование автора в X веке и не вызывает серьезного беспокойства, *в особенности, если на факте проживания автора в X веке не была построена целая школа какой-либо национальной историографии.*

Но серьезной проблемой Хоренского и «Патмутюн хайотц» является то, что анахронизмы, переполняющие это сочинение, разрушают основу основ, на которой построена вся «армянская традиция»!

Анахронизмы в «Истории хайев» отличаются несомненной качественной спецификой – из обтекаемого академического определения они превращаются не только в разрушительный фактор в отношении содержания и зна-

чимости самого сочинения, но уничтожают центральный миф, лежащий в фундаменте построений обширной хайской историографии. Миф о том, что в середине V века некий священник по имени Мовсес Хоренатци составлял на хайском языке рукописный текст «Истории», используя при этом только что созданный новый алфавит.

Анахронизмы «Истории хайев» неопровержимо свидетельствуют о том, что ни в V, ни в VI, ни в VII, ни даже в IX и X веках не было никакого Мовсеса Хоренатци (Моисея Хоренского), составлявшего рукописные тексты на хайском языке, оригиналы которых так и не были обнаружены.

Смешение времен, обильно декорированное вымышленными событиями и именами, представлено в сочинении Хоренского настолько масшировано и хаотично, что автора (или авторов) можно вполне обоснованно обвинить в пренебрежении к хронологии вообще. Это поистине уникальная особенность «Патмутюн хайотц» (как и некоторых других источников «армянской традиции»), в отношении которой было бы уместно применить термин **дисхронизм** – т.е. нарушение восприятия времени (разумеется, не в клиническом, а в литературном смысле).

В этом отличительном своеобразии сочинения нет абсолютно ничего позитивного, поскольку для произведения, претендующего в рамках «армянской традиции» на звание «величайшего исторического труда» оно является

тяжелой, непоправимой и разрушительной патологией. **Дисхронизм**, перманентным фоном проходящий через все сочинение, низводит «Патмутюн» Хоренского до уровня небрежного фольклорного сказания, ценность которого для исторической науки нивелируется до нулевого уровня.

По этой причине исследования, посвященные «Истории хайев» Хоренского, особенно в пределах «армянской традиции», зачастую направлены на то, чтобы найти рациональные объяснения бесчисленным неточностям, надуманным ссылкам, анахронизмам и искажению известных событий, с целью оправдать существование этого странного произведения и его присутствие в непосредственной близости от исторической науки. При этом объективность суждений оказывается в значительной степени подверженной влиянию политических предпочтений и христианской солидарности.

Если в сочинении Хоренского и присутствуют какие-то сведения, совпадающие с реальными историческими событиями в регионе – то это информация, попросту изъятая из трудов историков и летописцев. Обращение к этим авторам отнюдь не является какой-то выдающейся заслугой сочинителя, а было и остается распространенной практикой у всех, кто обращается к вопросам древней истории.

Но особенностью Хоренского является то, что сочинитель превращает даже эту, казалось бы, заслуживающую внимания информацию, в под-

линный абсурд извращением исторических событий, изобретением не имевших место происшествий, а также беспорядочными искажениями хронологии, без которой, как известно, не бывает истории. Таково подлинное лицо сочинения, автор которого считается «отцом» и «основоположником» национальной историографии хайев.

Поскольку методика фальсификации, раскрытая выше, позволяла сочинителю с одинаковой эффективностью исказить информацию практически из любых источников, попробуем продемонстрировать ее работу на примере «**Экспериментальной главы**», в которой по методу Хоренского будет составлено поддельное описание хорошо известных исторических событий относительно недавнего времени.

VI. ОБРАЗ ЦАРЯ АБГАРА ПО ХОРЕНСКОМУ: ПОДЛОГ И ОБМАН

*Once a liar, always a liar – Солгавший единожды, будет лгать всегда.
Английская пословица.*

Одним из наиболее компрометирующих сочинителя фрагментов «Патмутюн хайотц», изображающих некомпетентность автора как историка и раскрывающих подлинное лицо фальсификации, является описание жизни и деятельности сирийского царя Абгара.

Спекуляции вокруг образа царя Абгара V бар Ману Уккамы (Черного), правителя небольшого царства Осроена (Эдесского царства) в начале I века (с 13 по 50 год) н.э., несомненно, имели приоритетное значение для фальсификатора, с особым пристрастием сосредоточенного на внедрении этнического маркера «хай» в события, происходившие у самых истоков христианства.

Для выполнения этой задачи образ Абгара, разумеется, находился в центре внимания сочинителя, поскольку сирийский правитель считается одним из самых первых царей, уверовавших в Христа и принявшего христианство. Поэтому

беззастенчивое и настойчивое стремление автора, не стесненного никакими нравственными нормами, фальсифицировать историю столь ярко высвечивается именно в подлогах, устроенных в связи с этим именем.

По этой причине в настоящей книге, для раскрытия деталей продуманного подлога, Абгару V Уккаме посвящается отдельная глава, в которой, прежде всего, следует более подробно остановиться на истории многократно упомянутого сочинителем города Эдесса – столицы небольшого царства Осроены, правителем которого и был Абгар V. В данном контексте краткий обзор истории, как самого царства, так и его столицы, имеет немаловажное значение для понимания этнического происхождения правящих семейств Осроены, сменявших друг друга на протяжении веков и гнездившихся в этом городе.

Возникновение города, по мнению многих исследователей истории региона, уходит далеко в прошлое. Считается, что самое древнее свидетельство о его существовании и первое известное арамейское название города – Адме/Адмум – встречается в клинописных текстах Ассирии VII века до н.э. (хотя данная версия все еще дискутируется среди ученых).

Известно также, что начиная примерно с середины или конца III века до н.э. на данную территорию происходила миграция арабов из расположенного южнее Nabateyского царства. По мнению исследователей, именно их влиянием и присутствием объясняется упоминающееся со II

века до н.э. название столицы Урха/Урфа, существующее по настоящее время (Шанлы-Урфа в Турции). В исламской традиции город так же считается местом рождения самого пророка Авраама. Это же название города – Урха – всегда (за редкими исключениями) использовалось в сирийских письменных источниках.

Как уже было отмечено, греческое название «Эдесса» город получил в 304 году до н.э., когда Селевк I Никатор, один из полководцев и соратников Александра Македонского, основатель империи Селевкидов, распорядился устроить в нем греческое поселение, которое получило название Эдесса в честь древней столицы Македонии.

Интересной особенностью периода греческого присутствия в Эдесском царстве является то, что ни царство Осроена, ни ее обитатели не испытали ощутимого влияния эллинизма, хотя эллинизм оставил глубокие следы во многих других частях греческой империи. Примечательно и то, что в отличие от других провинций империи Селевкидов, где местными ставленниками часто оказывались греки, в Осроене никогда не было греческих правителей.

Необходимо отметить, что происхождение названия самого царства – Осроена – также связано с миграцией в эту местность арабов, о чем упоминалось выше, выходцев из Набатей. В греческих, сирийских и латинских источниках упоминается как название осевшего здесь арабского племени – оррой/оррой, так и имя вождя,

возглавлявшего переселение – Осрои. Именно от его имени царство получило свое название, которое до этого времени не употреблялось. Время возникновения Осроены, как независимого царства историки относят к 132 г. до н.э. Оно сохраняло статус независимости вплоть до 216 года христианской эры, когда во времена правления римского императора Каракаллы его превратили в провинцию Восточно-Римской империи.

Присутствием здесь с древних времен семитических народов объясняется то обстоятельство, что многочисленные правители, сменявшие друг друга на престоле царства Осроены, и зачастую носившие династические имена Абгар и Ману, были сирийского (ассиро-арамейского) или арабского происхождения. Иными словами расовая природа правителей страны, всех обитателей столичного города и окружающего его царства, была массивованно представлена этносом арамаейцев и арабов. **Это изначальная и фундаментальная историческая причина, по которой не может быть и речи о том, что правители царства могли иметь какое-либо отношение к этносу «хай»,** название которого, как уже отмечалось, вообще не упоминается ни в одном письменном источнике на тысячелетия в прошлое.

Помимо этого исторические хроники позволяют проследить череду имен всех царей Осроены, начиная от самого первого (с момента появления арабского царства в 132 году до н.э.)

правителя по имени Арийу, до самого последнего, Абгара XI, правление которого завершилось в 244 году, когда прекратило существование и само царство Осроена.

На этом этническом и историческом фоне наглый обман, совершаемый сочинителем, превращающим не только царя Абгара, но и его родителей и потомков в хайев, путем изобретения несуществующих имен и сращивания их с именами парфянских правителей (также превращенных в хайев) – безусловно, один из наиболее дерзких подлогов, сотворенных в «Патмутюн хайотц». Но несмотря ни на что – эта ложь продолжает оставаться *предметом особой гордости* «армянской традиции», утверждающей, на основе этой лжи, что первый христианский царь Абгар был хайем...

По греческим и сирийским источникам известно, что Абгара V Уккаму (Черного) называли также Абгар бар Ману (т.е. сын Ману или Мановы). Поэтому сочинитель, очевидно, знавший об этом из апокрифического произведения «Учение Аддая апостола», но в целях хайезации образа сирийского царя уже породивший из вакуума имя несуществующего отца по имени Аршам, лукаво адресует и этот момент, отмечая, что «...Некоторые сирийцы называли его Манова по распространенному обычаю иметь двойное имя» (Кн. 2, гл. 24).

Как уже было отмечено, имена правителей Осроены – Ману, Авду, Бакру, Авгар и др. – были

набатейского или арамейско-сирийского происхождения и потому значение этих имен раскрывается через эти древние языки. Так, например, имя Абгар ('абГР) переводится с сирийского как «хромой». Это вовсе не означает, что Абгар V был хромым (хотя известно о том, что он был тяжело болен, возможно, проказой). Вероятно, среди предков правителей царства Осроены кто-то действительно страдал хромотой, за что был отмечен соответствующим прозвищем, которое со временем стало именем собственным.

Но Хоренский, превративший в своих измышлениях Осроену в Хайастан, а ее правителей в хайев, не может пропустить эту тему без искажений. Стремясь усилить иллюзию о принадлежности царя Абгара к хайскому народу, он сообщает, что царя на самом деле звали по хайски «аваг айр», что в переводе, якобы, означает «старший» или «главный» муж. И наградили его таким именем-прозвищем именно *хайи* (никогда не жившие в истории Эдесского царства со времени его возникновения), потому что он в фантазиях сочинителя, якобы, заслуживал это «из-за своей необычайной скромности и мудрости, а потом также из-за возраста» (Кн.2, гл. 26).

У фальсификатора есть объяснение и тому, как это двусложное хайское прозвище могло превратиться в имя Абгар. Обманывая читателя, он сообщает, что во всем виноваты греки и сирийцы, населявшие Эдесское царство. Это они, «греки и сирийцы, не умея правильно произнести

это имя, наименовали его Абгарос» (там же). Ирония выдумки заключается в том, что Хоренский, строивший свое сочинение из искажений, плагиата и подлогов, обвиняет греков и сирийцев в переименовании выдуманного хайкого прозвища, пытаясь отвлечь читателя от понимания того, насколько тяжело фальсифицирует историю он сам.

Нелепые вымыслы сочинителя возникают уже в самом начале повествования о царе Абгаре, когда он выдумывает **не** существовавшего в истории Аршам, якобы отца Абгара V, которого тут же превращает в правителя Армении. В их основу ложится перевод прозвища сирийского царя – «Черный», которое на хайском языке звучит, как «арджн». Так в фантазиях фальсификатора появляется вымышленный Аршам, которого выдуманное «хайское воинство» избирает царем Армении (в хайском тексте – Хайастана). В воображении сочинителя, призренный Аршам сразу же принимает решение, что *вся* Армения будет выплачивать дань Риму. Далее этот фантом становится действующим лицом целого ряда событий и деяний, связанных с Иудеей и с судьбой иудейского первосвященника Гиркана (Кн.2, гл. 24). Так нарастает число страниц фальсификата...

По этой «методике» беззастенчивого подлога и обмана должна была, по замыслу сочинителя, формироваться иллюзия хайского этнического присутствия в исторических событиях, непосредственно предшествовавших рождению Хрис-

та. Таким образом, **сочинитель не только преследовал целью хайезировать древнюю историю всего региона, но, что было еще более важно для всего замысла по созданию подложной «истории» – хайезировать историю христианства от самых ее истоков.**

Это намерение ярко проявило себя в подлоге, совершенном фальсификатором в отношении сведений из хайского перевода апокрифического документа «Учение Аддая апостола», написанное сирийцем Лабубной бар Сеннаком в IV веке, в котором приводятся тексты переписки царя Абгара «Черного» с Иисусом Христом (См. ниже).

Не признающее никаких ограничений беспардонное сочинительство продолжает выдавать «перлы» искажений и обмана и доходит до того, что вычеркивает из истории царства имя основателя великой империи Селевкидов, прекрасно известное всем летописцам и хроникерам прошлого, Селевка I Никатора и все свидетельства о прошлом столицы Осроены – и объявляет Абгара V не только *хайем* и *хайским* царем *Хайастана*, но и отцом-основателем города Эдесса. При этом древний город, в характерном для сочинителя стиле сказочника, возникает как по мановению волшебной палочки.

Дилетантство махинатора, сочинявшего сюжеты не существовавшей прежде «истории» проявляется и в том, что, по его мнению, Абгар, рассердившись на римлян, стал готовиться к войне с Римом и *именно поэтому* осуществил

фантастическое строительство города. Более того, едва рекордное строительство завершилось, Абгар перенес туда свою столицу (превращая, таким образом Эдессу в древнюю столицу Хайастана!), которая якобы, находилась до этого в городе Нисибис (современный город Нусайбин в Турции), упорно называемой в сочинении Мцбином (название, существующее исключительно в пределах хайской «традиции»).

То есть, по невежественному замыслу сочинителя, готовясь к войне с грозной и могущественной Римской империей, царю крошечного царства Абгару следовало сперва построить *цельный город*, как можно ближе к линии военных действий, и затем перенести в него свой царский двор, «бывший в Мцбине, и все свои идолы — Набога, Бела, Батникала, Тарата и книги храмовой школы, также и все архивы царей» (Кн.2, гл. 27). Вряд ли в истории найдется сопоставимое по дилетантству описание о подготовке к войне. Но дело в том, что сочинитель вовсе не преследовал цели убеждать читателя грамотным изложением стратегических планов древних царей. В центре обмана была заключена незатейливая хитрость – довести до хайского читателя фальсификат о том, что древняя Эдесса, занимающая столь памятное место в истории христианства, была, якобы, построена хайами и управлялась хайами.

Поразительно, с какой неиссякаемой алчностью автор фальсификаций присваивает и хайезирует историю других народов в своем со-

чинении. Всего лишь в нескольких коротких главах он превращает историю сирийского царства в хайскую; царей, происходящих из арамейских и арабских семейств – в хайских царей; древнюю столицу, прошлое которой уходит в VII-VIII вв. до новой эры, в хайский город, построенный в I веке новой эры; библиотека Эдессы оказывается созданной хайским царем, перенесшим ее из другой хайской столицы уже в готовом виде; даже идолы, которые до христианской эры почитались многими народами Малой Азии, представлены у Хоренского хайскими идолами.

Примечательной особенностью вымысла является также и то, что завершив в воображении сочинителя строительство города и переехав в него со всем царским двором, идолами и архивами, Абгар принимает решение назвать его Эдессой. Хоренский не приводит абсолютно никаких объяснений ни из истории, ни из этимологии хайского языка – почему город получает именно это название и что оно означает. Это классика «армянской традиции»: хайский царь просто взял и построил город Эдессу... какие еще нужны объяснения?

Продолжая раздувать свои вымыслы, сочинитель превращает Абгара V в предводителя *всей* Армении (в хайском тексте – Хайастана). Но при этом превратившийся в хайа сирийский царь Абгар автоматически становится авторитетным родственником представителей правящих парфянских семейств (превращенных в хайев), наводящим порядок среди парфянских правите-

лей, распределяющим роли между царевичами и улаживающим существующие между ними разногласия. Сочинитель настойчиво стремится создать у читателей хайских сообществ (для которых и сочинялась «история») иллюзию участия хайев в исторических событиях региона и выработать у них собственническое отношение к чужой истории и чужим территориям. **Именно из подобного замысла произрастает, ставшая бедствием как для хайев, так и для окружающих народов маниакальная идея «Великого Хайстана».**

Как известно, в именах и титулах правителей Парфии, происходивших из великой династии Арсакидов, часто использовалось слово «Пахлав/Пахлеви», равнозначное понятию «парфянин». Это слово имело существенное значение и обозначало принадлежность к древней династии основателей великой империи. Предполагается, что его происхождение связано с названием знаменитого древнего города Бахл (Балх), расположенного в одноименной местности на севере современного Афганистана, к югу от границы с Узбекистаном. Древний город упоминается в литературных источниках так же, как Бахле-Шахестан, «Бахл-город царей», который долгое время, вплоть до раннего средневековья, оставался торговым и политическим центром на востоке парфянской империи.

Бахл был некогда центром знаменитого Бактрийского царства, в становлении и политической жизни которого значительную роль сыграли

сака-скифы, из тех же племен «даха» и «парни», из которых происходил Арсак I, основатель царской династии Арсакидов. Но у фальсификатора свои планы и намерения, он не заинтересован в поиске и отражении действительных исторических фактов. Наоборот, он заинтересован в прямо противоположном - в искажении и деформации истории. Он нацелен на создание иной, фиктивной «истории», и руководствуется при этом одним всепоглощающим чувством – неутолимой жадой хайезации прошлого.

Несмотря на то, что титул «Пахлав» использовался задолго до времени правления Абгара V, в вымыслах Хоренского оказывается, что это не кто иной, как превратившийся в *хайа* Абгар, *обязывает* парфянских царевичей, в начале новой христианской эры, «носить имя Пахлавов по названию их коренного города и великой и плодоносной страны, дабы они в качестве подлинно царских отпрысков были самыми почитаемыми и главными среди всех персидских нахараров» (Кн. 2, гл. 28). Данная подделка была совершена по тем же самым причинам, которые были упомянуты выше: сделав Абгара хаем и царем Хайастана, сочинитель, через этот вымысел, крадет и хайезирует знаменитый титул парфянских правителей, создавая иллюзию прямой причастности хайев к его возникновению.

Но то, что делает фальсификатор далее в сочинении «Патмутюн хайотц» превосходит все предыдущие махинации, совершенные вокруг имени сирийского царя Абгара V Укка-

мы (Черного). Этот подлог можно назвать апофеозом мошенничества, которое «творил» Хоренский, хайезируя историю событий, связанных с Абгаром и городом Эдесса.

Исказив текст сирийского апокрифа «Учение Аддая апостола», он вовлекает в свои фальсификации образ самого Иисуса Христа, в который раз доказывая, что для него (возведенного хайской церковью в ранг «святого») не только Библия, но даже образ Сына Божьего, не обладают священной неприкосновенностью. Подобно тому, как в прочих главах сочинитель прикрывал свою ложь ссылками на имена известных историков, здесь он пытается прикрыть одну из самых значительных фальсификаций своего сочинения, соотнося ее с именем Христа.

Однако то, что Хоренский, ставивший хайезацию истории превыше всего на свете, доходит до сращивания созданной им фальшивой картины со светлым и священным для каждого христианина образом Иисуса Христа, используя его как фигуранта своих фальсификаций, имеет уже иное название – **кощунство**.

Свою подделку в лице несуществовавшего хайского правителя Аршама, якобы, отца Абгара V (превращенного, таким образом, в хайа), фальсификатор впервые стыкует с образом Иисуса Христа в главе **31**, книги **2-й**, используя, как было отмечено выше, хайский перевод «Экклесиастики» Е.Кесарийского, а также апокрифическое (не вошедшее в Библию) произведение «Учение Аддая апостола», написанное в ориги-

нале сирийцем Лабубной бар Сеннаком на сирийском языке.

Согласно сирийскому подлиннику, прослышав о чудесах исцеления, совершаемых Иисусом в Палестине, царь Эдессы, страдавший тяжелым недугом, отправил к нему своего архивиста по имени Ханнан, с просьбой прийти в Эдессу и исцелить его. Текст письма, приведенный в оригинальном источнике, начинался словами: «Авгар (Абгар - **А.И.**) Уккама — Иисусу, исцелителю благому, объявившемуся в пределах Иерусалимских. Мир господину моему!» (Учение Аддая апостола. Перевод сирийского оригинала Е.Н. Мещерской).

Но создавая свою фальсификацию, Хоренский пользовался не сирийским оригиналом, а хайским переводом «Экклесиастики», из которой, как уже отмечалось, извлек слово «арджн», означающее «черный» (прозвище Абгара) и превратил его в имя хайского царя Аршама, отца Абгара. В результате этого в «Истории хайев» возникло подложное обращение царя Абгара к Иисусу следующего содержания: «Абгар, сын Аршама, правитель страны, Иисусу Спасителю и благодетелю, явившемуся в стране Иерусалимской, шлет привет» (Кн. 2, гл. 31).

Сочинителю крайне необходимо, чтобы в создаваемой подделке Иисус Христос выполнил очень важную для фальсификации роль – разговаривал с *хайским*, а не с сирийским царем Абгаром V Уккамой. Поскольку данная фальшивка преподносилась читателю на хайском языке, с

использованием непонятного никому, кроме хайев, нового алфавита и нигде не оговаривалось, на каком именно языке шла переписка – получается, что и с *Иисусом Христом хай-Абгар, правитель Хайстана, общался в переписке на хайском языке*. В этой **фальсификации, протаскивающей в сочинение идею о том, что даже сам Спаситель знал язык хайев, Хоренский превосходит самого себя.**

Поскольку Абгар был первым из царей, упомянутым в апокрифических текстах, уверовавшим в Христа – махинатор, объявив его *потомственным хайем*, превращает в *хайскую* собственность самые первые в христианской традиционной истории *сирийские* предания и легенды. В фальсификации Хоренского апокриф со всем своим содержанием перестает быть древним сирийским документом, считающимся в общехристианской традиции ценнейшим письменным свидетельством общения реально существовавшего правителя Эдесского царства с самим Иисусом Христом. Совершив кощунственный подлог, сочинитель приватизирует его в своей «истории», превращая в национальное *хайское* свидетельство, в котором оказывается, что с Иисусом на *хайском* языке напрямую общается *хай*, а затем этот же *хай* оказывается первым царем, обращенным в христианство. ***И эта ложь водворяется на одно из самых «почетных» мест в национальной историографии хайев...***

Но Хоренский не довольствуется тем, что вовлекает в свой обман образ самого Христа (хотя,

казалось бы, искажения в фальшивой «истории» уже достигли предельно допустимого уровня). Он продолжает развивать иллюзию непосредственной причастности хайев к событиям на самой заре христианской истории и выставляет их не только современниками Иисуса, его Апостолов и учеников, но и ходатаями и поборниками истины и справедливости буквально в первые годы едва только зарождающегося христианства.

С этой целью сочинитель вводит в свою «историю» искаженные тексты переписки Абгара с римским императором Тиберием (в данной версии существуют только в «армянской традиции»), изъятые из сирийского апокрифа «Учение Аддая апостола». Здесь необходимо отметить, что информация о событиях, ставших темой переписки между царем Осроены Абгаром Уккамой и императором Тиберием, освещается также и в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (IV век) и в «Апологетике» раннехристианского писателя и теолога Квинта Тертуллиана (II-III вв.). Поэтому для того, чтобы раскрыть картину мошенничества, сотворенного сочинителем, во всей полноте, имеет смысл обратиться к тому, как эти сведения были представлены во всех этих произведениях (помня при этом, что при составлении «Патмютюн хайотц» использовались хайские переводы «Церковной истории» Кесарийского и «Учения Аддая апостола» Лабубны).

Итак, **Евсевий Кесарийский**, в Книге 2, главе 2 сообщает об этом следующим образом: «...По

издревле укоренившемуся обычаю, областные правители должны были сообщать лицу, облеченному верховной властью, о всех местных новостях, чтобы ничто не ускользало от императорского глаза. Пилат сообщил императору Тиверию, что по всей Палестине идет молва о Воскресении Спасителя нашего, Иисуса, что ему известны и другие Его чудеса и что в Него, воскресшего из мертвых, многие уже уверовали как в Бога. Тиверий, говорят, доложил об этом сенату, но сенат отверг это известие под тем предлогом, что он не занимался предварительно его рассмотрением: по издревле укоренившемуся закону, никто не мог быть признан у римлян богом иначе, как по голосованию и декрету сената. В действительности же спасительное учение Божественной проповеди не нуждалось в человеческом одобрении и покровительстве. Хотя римский сенат и отверг известие, сообщавшее о Спасителе нашем, но Тиверий сохранил свое прежнее мнение и не замышлял против Христова учения ничего несообразного».

Несколькими строками ниже, ссылаясь на Тертуллиана, Кесарийский добавляет: «По древнему декрету, император не может ни одного бога признать таковым без предварительного рассмотрения сенатом... Что у вас божественное достоинство даруется по человеческому решению — это в нашу пользу. Если бог не понравился человеку, он не станет богом; человеку, оказывается, следует быть милостивым к богу. Когда Тиверию, при котором имя христиан вошло в

мир, пришло известие из Палестины (Палестина его родина), об этом учении, он сообщил о нем сенату, дав понять, что это учение ему нравится. Сенат, однако, отверг его, как не рассмотренное заранее. Тиверий остался при своем мнении и угрожал смертью тем, кто доносил на христиан». Эта цитата примечательна тем, что фальсификатор, копируя ее у Евсевия Кесарийского, вложил ее в уста царя Абгара, превращенного в хайа, составляя, таким образом, выдуманный текст письма от Абгара императору Тиберию, о чем будет рассказано ниже.

Квинт Тертуллиан, на слова которого ссылается Кесарийский, высказался по этому поводу в своей «Апологетике» в следующих словах: «В пользу нашу говорит и то, что у вас Божество зависит от человеческого произвола. Если Бог не угоден будет человеку, то не быть Ему богом. Человек уж должен оказывать милость Богу. Поэтому Тиверий, во время которого имя христианское появилось в мир, донес сенату то, что сообщено ему было из Сирийской Палестины, именно, что там открыли истинного Бога, с выражением своего мнения. Но сенат не принял его мнения, так как сам предварительно не исследовал дела. Император же остался при своем мнении и грозил обвинителям христиан наказанием».

Лабубна-бар-Сеннак в «Учении Адаа апостола» приводит следующий текст письма от царя Абгара императору Таберию: «Авгар-царь — господину нашему Тиберию-цесарю — мир.

Зная, что ничто не скроется от твоего величества, пишу я и сообщаю твоей могущественной и великой власти, что иудеи, которые под началом твоим живут на земле Палестины, собрались и распяли Христа без вины к смерти, хотя совершил Он перед ними знамения и чудеса, явил им могущественные деяния и знамения, так что даже мертвых и тех воскресил Он. И во время распятия Его померкло солнце, и сотряслась земля, и затрепетали все твари. И добровольно во (время) этого события содрогнулась она и вся ее тварь и обитатели ее. И теперь твое величество знает, что справедливо предъявить обвинение народу иудейскому, совершившему такое» (Перевод сирийского оригинала Е.Н Мещерской).

В ответном послании царю Абгару император Тиберий говорит: «Письмо твоей верности ко мне получил я, и оно было прочитано мне. Что касается того, что совершили иудеи распятием, то уже Пилат-игемон написал и сообщил Олбину, епарху моему, о том, что ты написал мне. Но так как война с испанцами, восставшими против меня, происходила в то время, то из-за этого не был я в состоянии расследовать происшествие это. Но готов я, когда у меня наступит мир, обвинить по закону иудеев, поступивших незаконно. А что касается Пилата, который был назначен мною там игемоном, то я послал вместо него другого и разжаловал его с позором, потому что он отступил от закона и исполнил волю иудеев, распял Христа к удовольствию иудеев. Он же, как слышал я, вместо крестной смерти был дос-

тоин почитания и заслуживал поклонения с их стороны».

Поддельный текст от Моисея Хоренского начинается с представления Абгара, как царя Армении (в хайском тексте – Хайастана): «Абгар, царь Армении, господину своему Тиберию, императору римскому, желает радости. Знаю, что ничто не остается скрытым от твоей царственности, но, как друг, сообщаю тебе письмом дополнительные сведения. Иудеи, живущие в Палестинских областях, собравшись, распяли Христа без какой-либо вины с его стороны, вопреки благодеяниям, кои он совершил для них, знамениям и чудесам, вплоть до воскрешения мертвых. И знай, что это не просто человеческая, но божественная сила. Ибо когда его распяли, было затмение солнца и землетрясение и сам он через три дня воскрес из мертвых и явился многим. Да и теперь повсюду имя его через учеников его творит величайшие чудеса; это воочию было явлено и нашей собственной особе. Итак, после того, что произошло, твоя царственность знает, что именно надо предпринять в отношении иудейского народа, который свершил такое, и что написать всему свету, чтобы они поклонялись Христу как истинному Богу» (Кн. 2, гл. 33).

Воображение сочинителя вовсе не случайно рисует эту фантастическую картину. Замысел подлога очевиден – Хоренский пытается убедить читателя, что не кто иной, как хайский царь заявляет первому лицу верховной власти Рима о невиновности Христа и ратует за наказание иудеев,

настаивавших на его распятии! Этот же вымышленный *хай* дает наставления римскому императору отдать распоряжение «всему свету» поклоняться Христу.

Совершая плагиат и фальсификацию, сочинитель, *разумеется*, ни единым словом не упоминает ни авторов, у которых выкрадывает тексты, ни названия самих произведений, стремясь создать у читателя иллюзию первичности и подлинности своего вымысла. **Но, очевидно, что ни древность хайского этноса, ни выдуманную роль, которую он, якобы, играл у самых истоков христианства, никогда не удастся обосновать подобной ложью и подтасовками, к чему так настойчиво стремился автор «Истории хайев».**

Ответ Тиберия, придуманный Хоренским в «Истории хайев», еще ярче высвечивает его замысел изобразить *хайев* адвокатами и защитниками Сына Божьего и зарождающегося христианства. Так усилиями сочинителя был «сотворен» бесстыдный обман, прочно укоренившийся в «армянской традиции» (к счастью, не в мировой исторической науке), о том, что первое посольство самому раннему христианскому сообществу в римской империи было сделано благодаря настойчивому ходатайству за них со стороны *хайского* царя.

Ответ императора Тиберия Абгару, сочиненный фальсификатором, таков: «Тиберий, император римский, Абгару, царю Армении, желает радости. Твое дружеское послание прочли передо мной; прими нашу благодарность за него,

хотя и раньше нам приходилось слышать о Христе. Пилат в свою очередь подробно рассказал нам о его знамениях, как и о том, что после воскресения его из мертвых многие убедились, что он Бог. Поэтому я и сам пожелал сделать то же, что ты замыслил. Однако у римлян в обычае при учреждении нового божества не ограничиваться одним только царским указом, но прежде подвергать его испытанию и рассмотрению со стороны сената. Поэтому я внес предложение в сенат, но сенат отклонил его, поскольку дело не было предварительно рассмотрено. Однако мы повелели, чтобы все, кому угоден Иисус, могли включить его в сонм богов, и пригрозили смертью тем, кто станет злословить о христианах. Что же до иудейского народа, который дерзнул распять того, кто, как я слышал, был достоин не креста и смерти, но почести и поклонения, то, как только я освобожусь от войны с восставшими против меня испанцами, я расследую дело и воздам им должное» (Кн. 2, гл. 33).

Создавая воображаемую «историю», Хоренский извлекает информацию из приведенных выше произведений и «творит» с ней все, что хочет – он заставляет императора Рима выполнять наставления выдуманного *хайского* царя и отдавать приказ о почитании Иисуса, как бога и карать смертью всех, кто вздумает «злословить о христианах». Более того, оказывается так же, что все тот же *хайский* царь убеждает императора «воздать должное» иудеям за рас-

пятие Христа.

Так, путем банального подлога и обмана, совершаемого на страницах «Патмутюн хайотц», во главе ключевых и судьбоносных для всех христиан моментов истории, шествует вымышленный *хайский* царь. Фальсификатор стремится убедить хайского читателя, что с появлением поддельной «истории», он уже вправе испытывать ощущение, будто весь христианский мир находится в долгу у *хайев*...

Далее фальсификатор сочиняет ответ Абгара императору Тиберию, в котором теряет чувство реальности и не замечает, что в его выдумке *хай-Абгар* уже начинает распоряжаться государственными делами не только великого Рима, но и царства Иудейского, поучая императора и высмеивая сената: «Абгар, царь Армении, господину своему Тиберию, императору римскому, желает радости. Прочел я послание, достойное твоей царственности, и обрадовался твоему заботливому повелению. Но, да не во гнев будет тебе сказано, поступок твоих сенаторов весьма смехотворен, ибо в их представлении божество должно учреждаться посредством людских толков. Итак, получается, что если Бог не будет угоден человеку, то он не может быть Богом, и человеку якобы подобает заступаться за Бога. Но да будет твое, господина моего, благоволение на то, чтобы послать в Иерусалим другого человека вместо Пилата, дабы он с позором был отстранен от должности, на которую ты его назначил. Ибо он исполнил волю иудеев и распял Христа

без оснований, без твоего приказа. Желая тебе здравствовать» (Кн. 2, гл. 33).

В этом тексте сочинитель перерабатывает слова Тертуллиана, приведенные выше, превращая их в высказывание *вымышленного хайского царя*, поучающего римского императора. По Хоренскому оказывается, что император Рима не может принять самоличного решения о протекции последователей Христа и смещении Пилата с занимаемой должности. Тиберий едва ли не обезличен в выдумке фальсификатора и показан нуждающимся в руководстве со стороны *хайского* Абгара, который печется не только о первых христианах и о памяти Христа, но и о том, чтобы подкорректировать римскую власть в Иерусалиме. Это он, *хайский* Абгар и никто другой, советуем императору Тиберию, чтобы римский прокуратор Понтий Пилат «с позором был отстранен от должности» и на его место в Иерусалим прислали другого человека.

Но и после этого, нарушив, казалось бы, все существующие правила приличия и, достигнув вершин плагиата и фальсификации, сочинитель находит новые возможности для того, чтобы затянуть хайского читателя еще глубже в пучину подлога и обмана. Оперировав именами, извлекаемыми из «Учении Аддая апостола», он сочиняет события, в которых приписывает объявленному *хайем* сирийскому царю Абгару V новые действия, через которые в самые ранние годы христианской истории заносит выдуманный элемент *хайского* миссионерства. Подделка совер-

шается по обычной для фальсификатора схеме, которая отчетливо прослеживается в сравнении с первоисточником, в отношении которого совершается плагиат и подлог.

Итак, в «Учении Аддая апостола» есть интересный фрагмент, указывающий на то, что на юго-западных окраинах Парфии, традиционно назвавшихся Ассирией или Вавилоном, уже во времена Христа могли возникать самые ранние сообщества последователей едва только зарождающегося христианства. В своем произведении Лабубна отмечает, что «персы, те, кто под видом купцов пришли в страну ромеев, чтобы увидеть знамения, которые совершил Аддай (излечивший Абгара Уккаму – **А.И.**), те из них, которые обучились и получили от них священство, в своей собственной стране Ассирии (Персии) учили сынов народа своего. И дома молитвы там тайно построили они из опасения перед поклоняющимися огню и почитающими воду».

Под словом «персы» Лабубна, вполне вероятно, подразумевает парфян, которые, воспринимая слово нового учения, начали создавать тайные храмы новой религии в своей стране, опасаясь гонений со стороны зороастрийцев, для которых огонь и вода были священными стихиями.

Далее **Лабубна сообщает**, что «Нарсай, царь персов, услышав обо всем, что Аддай-апостол совершил, послал к Авгару-царю, (говоря): «Или пошли ко мне человека, который такие знамения совершил у тебя, чтобы взглянуть мне на него и услышать слово его, или пошли мне все то

(перечень всех деяний), что ты видел из того, что совершил он в городе твоём». И написал Авгар Нарсаю, и ознакомил его со всей историей деяний Аддая, от начала и до конца, и не пропустил ничего, что бы не описать ему. Когда услышал Нарсай все, что было написано ему, удивился он и изумился».

Поскольку для Хоренского было в порядке вещей называть персами парфян (которых он объявил хайами с целью хайезации великой династии Арсакидов), образ царя Нарсаия не мог остаться в стороне без соответствующей обработки со стороны фальсификатора. Следуя своей методике по производству поддельных текстов, сочинитель легким росчерком пера, называя Нарсаия Нерсехом и «царем Ассирии и Вавилона», заносит в «историю хайев» следующий подлог: «Абгар, царь Армении, Нерсеху, сыну своему, желает радости. Я прочел твое приветственное послание и освободил Пероза от оков, и простил ему его вину. Если тебе угодно, можешь назначить его правителем Ниневии, как ты желаешь. Относительно же того, что ты писал мне, мол, пришли мне врача, который творит знамения и проповедует иного Бога, что превыше огня и воды, чтобы я узрел и услышал его, то это был не врач с человеческим искусством (врачевания), а ученик Сына Бога — творца огня и воды. Ему выпал жребий быть посланным в армянские области. Но один из его главных сотоварищей, по имени Симон, послан в персидскую сторону; поищи, и ты послушаешь его, и ты, и твой

отец Арташес. Он и излечит вас от всех болезней и укажет вам жизненный путь» (Кн.2, гл. 33).

Прежде всего, необходимо отметить, что в I веке ни в Парфии, ни в соседних странах не было правителей по имени Нарсай (Нерсех) и Арташес. Правитель по имени Нарсай был недолгое время царем Адиабены и современником Абгара VIII, но это происходило в 176–179 гг. н. э. Возможно, Лабубна, творивший в IV столетии, допустил ошибку, поместив царя Адиабены в начало I века, но так или иначе, этот персонаж перекочевал в сочинение Хоренского и был хайезирован, оказавшись в родственниках хайезированного Абгара.

В «Учении Аддая апостола» действительно упоминается некий сириец Пироз бар Патрик, по всей вероятности состоявший при дворе Абгара V Уккамы. Его имя упоминается наряду с именами других людей из приближения Абгара, уверовавших в Христа и отказавшихся от поклонения идолам. Однако в сирийском оригинале нет даже намек на то, что Пироз находился в заключении или на то, что существовала какая-то связь между ним и «персидским» царем Нарсаем. В нем так же нет ни единого слова о том, что у царя Нарсая был отец по имени Арташес. Но разве подобные обстоятельства могут остановить мошенника, уже исковеркавшего в своем сочинении историю целого континента, начиная со времен библейского потопа?

Очевидно, что эту фальсификацию сочинитель, весьма изобретательный в своих вымыслах, строит на персидском звучании имени «Пи-

роз» и на том, что Лабубна называет Нарсая «персидским царем». Но поскольку изобретенный Хоренским *хай*-Абгар уже выполняет (по замыслу сочинителя) функции *хайского* поборника самых первых христиан на страницах «истории хайев» – то и в этом случае, придумав освобождение Пироза «от оков», якобы, по просьбе Нарсая (Нерсеха), фальсификатор изображает вымышленного *хайского* царя, принимающего активное участие в политических и религиозных судьбах региона. Оказывается, что:

– *хай*-Абгар рекомендует Нарсаю назначить Пироза правителем Ниневии, словно Пироз был каким-то царевичем.

– *хай*-Абгар берется объяснять Нарсаю, кто такой был Аддай и с какой целью он был послан Иисусом в *хайские* области.

– *хай*-Абгар советует Нарсаю и его отцу, которого называет почему-то Арташесом, разыскать проповедника Симона (возможно речь идет об Апостоле Петре, настоящее имя которого было Симон), который на момент повествования находится в Персии и может излечить от всех болезней и наставить на путь истинной веры.

Таким образом, сочинитель изобретает иллюзорную «историю», в которой вымышленный *хай*-Абгар у самых истоков христианства на заре новой эры не только улаживает политические вопросы, касающиеся Парфии, Иудеи и Рима, не только ходатайствует о защите христиан от гонений, но и оказывает содействие миссионерской

деятельности апостолов, советуя правителям прислушиваться к их словам и внимать слову истины.

Вслед за письмом Нарсаю порожденный фальсификатором *хай*-Абгар отсылает письмо и его вымышленному отцу, которого называет Арташесом, следующего содержания: «Абгар, царь Армении, Арташесу, брату своему, царю Персии, желает радости. Знаю, что ты уже слышал об Иисусе Христе, Сыне Божьем, коего распяли иудеи и который воскрес из мертвых. Он разослал своих учеников по всему свету учить всех. Один из главных его учеников по имени Симон, находится в пределах твоего государства. Итак, поищи и найдешь его, и он полностью излечит всех вас от ваших недугов и болезней и укажет вам жизненный путь. Да уверуешь его слову ты и братья твои и все, кто добровольно подчиняется тебе. Ибо приятно мне, чтобы мои сородичи по плоти стали бы родными и близкими мне также по духу».

Фальсификатор без усталости вносит в свое сочинение все новые выдумки, превращающиеся в постулаты «армянской традиции». Придумав способ хайезации раннехристианской истории через превращение царя арамейско-сирийского царства Осроены Абгара V бар Ману (Уккамы) в хайского «аваг айра», он продолжает наращивать вымыслы о родстве Абгара с парфянами, всех правителей которых до этой главы он уже успел объявить хайами. При этом он превращает в хайев не только реально существовавших в

истории парфян, но изобретает и новых, вроде Арташеса царя Персии, якобы, современника Абгара V.

Но примечательна цель этого вымысла. Она заключается в том, чтобы усилить впечатление о *повсеместном присутствии хайев* на всем пространстве Парфии и соседствующих с ней стран параллельно с их вовлечением в решение судьбы первых христианских общин и первых христианских миссионеров. Вот почему не существовавший в истории хайский царь Эдессы обращается к вымышленному «царю Персии», как к «брату своему» (превращая его вымышленного сына Нерсеха в племянника). Вот почему он не просто изобретает призраков, но пытается даже материализовать их в своем воображении, заставляя фантом хайского царя называть их «*сородичами по плоти*».

Очевидно, что маниакальная идея тотальной хайзации всего исторического прошлого региона и населяющих его народов являлась движущей силой, направлявшей и формировавшей все помыслы фальсификатора при составлении этого одиозного сочинения, недостойного называться историей в академическом смысле этого слова. Еще до того, как Хоренский добрался своими фальшивыми построениями до времени возникновения парфянского царства, в книге 1-й, главе **22** он уже объявил хайами всех царей, якобы, правивших на пространстве Малой Азии и Месопотамии с древнейших времен.

На фоне абсолютного отсутствия каких-либо

достоверных исторических сведений, декорируя ложь лирическими нотками, он восторгается и печалится по поводу канувших в лету «наших (т.е. хайских) мужей», «..в особенности – царей *до владычества парфян*. Ибо мне особенно дороги именно эти из наших царей, как коренные, *крови моей сосуды и подлинно родные*».

Но еще одной целью преднамеренной фальсификации, представленной в главах о царе Абгаре, как уже было отмечено выше, является формирование у читателя иллюзии непосредственного участия выдуманных хайев в самом раннем миссионерстве и содействии апостолам Христа в распространении новой веры в самые первые дни становления христианства.

Возможно, это скопище нелепых измышлений и абсурда, называемое «историей хайев», могло бы остаться вне поля зрения исследователей еще неопределенно долгое время, если бы речь шла о совершенно неизвестных периодах истории, о которых не сохранилось никаких сведений. Но проблема в том, что сочинение Хоренского калечит и искажает реальную, известную, зафиксированную в десятках аутентичных источников и хорошо изученную историю.

Формирование иллюзорной «истории», противоречащей реальности и выстроенной из сфальсифицированной информации, совершалось в интересах одной всепоглощающей задачи – изобрести подобие собственного, цельного национального сказания об истории хайского народа. Народа, о прошлом которого прежде не

существовало никаких сведений. При этом все доступные литературные источники, использованные фальсификатором для превращения истории древних царств и коренных народов Малой Азии в историю хайев и Хайастана (будь то Библия, апокрифы или труды известных историков), были использованы Хоренским, как исходное сырье для манипуляций и переработки в поддельные материалы новой «истории».

На этом неприглядном фоне особенно удручающе выглядит тот факт, что Священные Писания в глазах сочинителя, не стесненного этическими и нравственными нормами, не имели статуса священной неприкосновенности и искажались с такой же легкостью и безразличием, как и все прочие источники.

Приватизация истории человечества совершалась сочинителем поистине с беспрецедентной алчностью – начиная от времен Ноя до событий, которые происходили *спустя века* после даты его смерти (490 г.), на которой настаивает сама «традиция». В этом отношении в литературе и истории вряд ли найдется второй такой фальсификатор, которого можно было бы сравнить с предполагаемым создателем «Истории хайев» – Хоренским.

Ошибки, искажения, анахронизмы и хронологические абсурды, переполняющие сочинение, превращают его в суррогатное явление, существующее в отрыве от реальной истории. И неприглядное содержание этой скверной подделки уже не скрыть под покрывалом мифов об

«армянском Геродоте», как бы эти мифы ни раздувались усилиями «традиции».

Как уже было отмечено в начале настоящей книги, сочинитель был одним из самых первых фальсификаторов, тотально заменившим в текстах, написанных на хайском языке, определение «Армения» на национально-этническое наименование «Хайастан» (страна хайев), заложив тем самым фундамент беспрецедентных искажений, ставших первопричиной новообразования, названного впоследствии «армянской традицией».

Дезинформация, переполняющая сочинение, построенное на плагиате и подлогах, будет оставаться «ценностью» там, где основанием этнического национализма являются фальсификации. То, что в пределах «армянской традиции» это сочинение продолжают расценивать как «величайший» труд по истории хайского народа, будет оставаться фатальной проблемой самой «традиции» – трагической, как для национальной историографии хайев, так и для хайского национального самосознания.

VII. КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ СОЧИНЕНИЯ

VII-1. САХАК БАГРАТУНИ (ИСААК БАГАРАТОНИ)

Неотъемлемой особенностью сочинения «Патмутюн хайотц» (История хайев), существенно отличающей его от подлинных трудов по истории, является невозможность достоверного подтверждения историчности того или иного персонажа, упомянутого автором. Сказанное в равной степени относится и к имени самого автора – Моисея Хоренского, что является одной из первопричин критического отношения к произведению среди исследователей. Но еще одним поводом для серьезных сомнений относительно значимости данного сочинения как исторического труда, является образ человека, который, по утверждению автора, заказал Моисею написать историю своего родословия.

Его имя читатель узнает из первых же строк первой книги, носящей название «Родословие Великого Хайастана». Автор обращается со следующим приветствием к хозяину, нанявшему его для сочинения своей родословной истории: «Мовсес Хоренаци в начале этого повествования о *нашем* народе желает Сахаку Багратуни

радости».

О том, что автору было заказано составить именно фамильное родословие говорится и в самом начале повествования, где автор высказывается по поводу предстоявшей работы: «...скажу лишь одно: «Разве книга мне предстоит?»— как говорится в книге Иова, или *писания твоих предков*, которые помогли бы мне, пожалуй, подобно иудейским историкам, безошибочно низвести повествование от начала *до тебя* или же отправляясь *от тебя* и других возвести до начала» (Кн. 1, гл. 6).

Фраза «писания твоих предков» выделена нами потому, что здесь, в самом начале первой книги автор впервые намекает на еврейское происхождение рода Багаратони (в хайской версии Багратуни). Поскольку род веками находился в персидском подданстве, в названии исходной фамилии еврейского рода Багарат (Пакарет) присутствовало характерное окончание «-они» (в хайской версии «-уни»). Для сравнения следует отметить, что «-они» является персидским эквивалентом славянского окончания «-ов» или «ский». Так, например, в славянской версии фамилия Багарат-они звучала бы, как Багаратов или Багаратский, т.е. происходящий из семейства Багарат. Подробнее о происхождении рода будет рассказано ниже.

Данное обстоятельство является одним из наиболее противоречивых моментов «истории хайев» по нескольким причинам. Во-первых, упоминание еврейского происхождения рода

Исаака Багаратони (Сахака Багратуни) в первых же строках сочинения (далее Хоренский многократно и более подробно возвращается к этой теме) свидетельствует о том, что сам Исаак был прекрасно осведомлен о своем этническом происхождении, заказывая данную работу. Но ведь если еврей Исаак поручил Моисею составить родословие своего еврейского рода, начиная от Адама – как генеалогия еврейского клана могла быть использована в качестве заготовки для сочинения *истории хайев*? Ведь Хоренский не сочинял повести, посвященной прошлому армян (арменийцев) и географического региона «Армения» (**эти названия существуют в таком виде только в русских и европейских переводах, но не в хайских текстах**). Он посвятил свое сочинение истории лишь одного народа – *хай/хайк* и страны, носящей название «*земля хайев*» – *Хайастан*.

Во-вторых, для выведения родословия еврейского рода Багарат исходя из библейских преданий о сыновьях Ноя, вполне достаточно было бы использовать обширную генеалогию от Сима. Неистребимое противоречие между заказом и проведенной работой заключается в том, что Хоренский, якобы, выполняя заказ, проделал замысловатую операцию с Библией и, исказив ее тексты, внедрил в родословие от Яфета вымышленного прародителя *хайского* народа – Хайка и его родственников, к которым *еврейское* семейство Багарат не имело никакого отношения.

Для того, чтобы лучше понять отсутствие логики в подобном развитии событий, преподносимых «армянской традицией», представьте, что известный полководец, грузинский князь Багратион поручает некоему священнику составить генеалогию своего семейства. Спустя некоторое время священник со словами благодарности за столь важное и нужное поручение сообщает князю, что работа по составлению родословия славного *грузинского* рода завершена в виде сочинения истории... *финского* народа.

Присутствие серьезного противоречия отчетливо подтверждается словами самого автора, заверяющего заказчика в том, что генеалогия от Хайка не имеет к нему никакого отношения. В книге 1-й, в главе 22 он говорит: «...некоторые не заслуживающие доверия люди произвольно, не считаясь с истиной, утверждают, что твой венцезолагающий род Багратуни происходит от Хайка. По этому поводу скажу: **не верь подобным глупостям**, ибо в этих словах нет ни следа или признака правды, ни отдаленного намека на нее» (Кн. 1, гл. 22).

Возникает естественный вопрос: почему же Моисей Хоренский, прекрасно осведомленный об этнических корнях своего хозяина, приняв от него заказ о составлении генеалогии еврейского семейства, приложил столько усилий для того, чтобы взяв на душу тяжкий грех и исказив содержание Священного Писания (якобы в интересах заказа), занести в него мифический образ Хайка, если вслед за этим он сразу же при-

зывает Исаака «не верить глупостям» о том, что Хайк имеет какое-либо отношение к роду Багратони? Сочинение строится на отсутствии здравого смысла...

С этим вопросом перекликается следующий вопрос – зачем, в свою очередь, Исааку Багратони, персидско-подданому *еврею*, не владевшему новоявленным хайским алфавитом, история *хайского* народа в качестве конечного продукта его заказа, если он нанял старого образованного священника, читающего и пишущего на греческом и латыни, для восстановления *своего* *фамильного родословия*?

Эти вопросы высвечивают глубинные и неистребимые противоречия, заложенные в основание данного произведения, раскрытию и изучению которых пока еще не было посвящено ни одного специального исследования. (Возможно потому, что результатом таких исследований может стать полная дискредитация сочинения, лежащего в фундаменте национальной историографии хайев...).

О происхождении Исаака, его государственном и социальном статусе известно немного, в основном из кратких сведений, излагаемых Хоренским в различных частях своего сочинения. Но существенной особенностью всех приводимых сведений является почти неизменно присутствующее ударение на еврейское происхождение рода Багратуни.

Сведения о роде Исаака, приводимые Хоренским, сопровождаются новыми противоречиями,

которые невозможно обойти стороной. Так, например, касаясь ранних сведений о роде Багратуни в период парфянского владычества, Мовсес сообщает: «...после обуздания македонян и завершения войн доблестный парфянин (Арсак VII Фархад – **А.И.**) принимается за благие дела. Прежде всего, воздавая за добро могучему и мудрому мужу Багарату, *потомку Шамбата, что из иудеев*, он дарует ему потомственное право возлагать венец на царей Аршакуни (Арсакони – потомки Арсака I, основателя парфянского царства и династии Арсакидов – **А.И.**), а роду, что произойдет от него, зваться по его имени Багратуни (здесь Мовсес пропускает гласное «а» между «г» и «р», превращая Багаратони в Багратуни – **А.И.**); этот род ныне является великим нахарарством в *нашей* стране» (М.Х. Кн. 2, гл. 3).

Прежде всего, следует отметить, что титул «нахарар» происходит от парфянского титула «нахвадар» (державший верховную власть), которым, за заслуги (в основном военные) перед царским домом Арсакидов – шахиншахов Парфии, наделялись местные правители, происходившие из знатных семейств, часто состоявших в родстве с парфянской царской династией. Титул «нахарар» являлся самой высокой должностью, которой могли наделяться правители провинций, входивших в великое парфянское государство и который передавался по наследству.

В приведенном выше отрывке Хоренский продолжает: «Ибо упомянутый Багарат, еще до начала войн Аршака против македонян, при

царском дворе, первый с готовностью посвятил себя служению Валаршаку («Бала-Арсак» или «Младший Арсак» - младший брат Арсака VII Фархада - **А.И.**). Кроме того, он назначается наместником западного края до тех пределов, где кончается армянская (в оригинале «хайская»- **А.И.**) речь, предводителем десятков тысяч воинов».

Если исходить из этих сведений, приведенных Хоренским в «Истории хайев», то в воображении может возникнуть картина огромной страны под названием *Хайастан* (только так и называет автор парфянские владения – никакой «Армении» в его произведении нет). Усиливая впечатление о ее размерах, автор сообщает о том, что у нее есть «западные пределы», настолько обширные, что для управления ими требовалось назначение «нахарара», которым и стал Багарат, заслуживший титул своей верноподданной службой при царском дворе Арсакидов. Примечательно также, что под его командование тут же поступают «десятки тысяч воинов»! Ведь западные пределы так велики... Напомним еще раз, что вне «армянской традиции» подобная информация не существует.

Сочинитель стремится к тому, чтобы его слова создавали у читателя впечатление о существовавшей некогда хайской ойкумены, у которой «западные пределы» находились так далеко, что там «уже прекращается хайская речь». Где же тогда находились ее восточные пределы? Поскольку Хоренский отождествляет «земли хайев»

(Хайастан) с владениями *парфян*, получается, что восточные пределы в представлениях автора находились где-то к югу от Каспия – ведь Багарат примкнул к парфянам «еще до войны Арсака с македонянами», т.е. до разгрома греков на западе и расширения Парфии в этом направлении. Вот на какую огромную территорию экстраполирует Хоренский в своем воображении доминирование хайского языка и в чем он пытается убедить Исаака, рисуя картину о западных пределах огромного *Хайастана*, настолько далеких, что там уже заканчивалась хайская речь.

Однако в резком противоречии с картиной, создаваемой в воображении Хоренского, находится его же высказывание о хайском народе в начале первой книги, где он сообщает о том, что хаи – «...народ небольшой, весьма малочисленный, слабосильный, и часто находившийся под чужим господством» (М.Х. Кн. 1, гл. 3). Историческая наука подтверждает, что именно эта информация соответствует истине.

Зачатки еще одного глубинного противоречия хорошо просматриваются далее в этой же главе, когда автор начинает горевать по поводу отсутствия письменных источников о древней истории хайев, обвиняя в этом неких хайских царей и правителей за их «нелюбознательный нрав». Автор старается навязать Исааку мысль о том, что именно они, мифические и неопределенные хайские цари, являются виновниками того, что история хайев оказалась утерянной, потому что никто из них не удосужился (просто из-

за «нелюбознательного нрава») записать ее.

Ведь, по мнению Хоренского, не может же быть такого, чтобы и там, где обитал этот «*небольшой, весьма малочисленный, слабосильный, и часто находившийся под чужим господством*» народ, не могло быть «*совершенно много подвигов мужества, достойных быть письменно увековеченными*» (М.Х. Кн.1, гл. 3). О том, что эти «подвиги мужества» хайев по ходу повествования будут лепиться автором из деяний персов, парфян, евреев, арамейцев и греков и из истории этих народов можно говорить бесконечно, поскольку из подобного «творчества» и состоит вся основная часть сочинения «История хайев». Но глава 3-я первой книги примечательна еще и тем, что в ней автор высказывает свое особое мнение относительно утраченной, но все же существовавшей потенциальной возможности составления и сохранения записей о древней истории хайев. Вот как оно выглядит: «Но могут сказать: это произошло из-за отсутствия в то время письма и литературы, либо же из-за разнообразных войн, следовавших вплотную одна за другой. Но это мнение несостоятельно, ибо были же промежутки между войнами, как и персидское и греческое письмо, на котором написаны хранящиеся у нас (т.е. у хайев - **А.И.**) по сей день многочисленные книги, содержащие сведения о собственности в деревнях и областях, как и в каждом доме, об общинных тяжбах и сделках, особенно же - о наследовании исконных состояний».

Как видно из цитаты, сочинитель очень хочет, чтобы ему поверили, что все письменные традиции, использовавшиеся на протяжении тысяч лет на огромном пространстве Малой Азии, находились и в употреблении у *хайев*, вожди которых, по его же представлению, неизменно господствовали на этих землях. (Здесь следует отметить, что исторической науке прекрасно известно, что в регионе действительно существовало множество различных письменностей, в материале которых сохранилась колоссальная база данных древнейших цивилизаций в истории человечества и что *ни в одной из них нет ни следов хайской речи, ни народа хай, ни его сказочного предка Хайка*).

Но Хоренский невольно открывает ворота для еще одного противоречия, таящегося в его же собственных словах. Возможно ли, чтобы хайи, пользовавшиеся на протяжении тысяч лет персидскими и греческими письменами, составляя «многочисленные сборники» документов от сказаний и легенд до дел «о наследстве земельной собственности между дворянскими родами», находясь под властью хайских правителей, в сфере хайских общин и родов – ни разу не упомянули своего собственного самоназвания, столь древнего, по утверждению сочинителя «истории», и столь широко расселенного?

Более того, при наличии такого подавляющего социального и политического доминирования, на которое намекает автор – эти документы (или хотя бы их часть) вообще должны были бы

быть написаны непосредственно на хайском языке, просто с использованием буквенных знаков греческого или персидского алфавитов. Ведь на этом языке, по настойчивым заявлениям автора, на протяжении веков говорили «хайские цари» и их подданные, полководцы и их армии, чиновники, торговцы и простолюдины, иными словами, почти все население Малой Азии. *Но, разумеется, ничего подобного в реальной (не мифической) истории, неумолимо противоречащей «армянской традиции», не наблюдается.*

Поскольку составителю «Патмутюн хайотц» было изначально известно о полном отсутствии вожделенных источников о хайской истории, он сам же и приводит простое (в классическом фольклорном стиле «традиции») и по детски наивное объяснение данному явлению. По мнению Моисея, все дело в том, «что как теперь, так и прежде у древних хайев не было любви к науке и сборникам устно передававшихся песен. **И потому излишне говорить о людях неразумных, слабоумных и диких»** (Кн.1, гл. 3).

Слова «армянского Геродота», выделенные в данной цитате, вступают в очередное, дикое противоречие с дифирамбами в адрес тех самых царей и нахараров, которые могли совершать «великие подвиги мужества», достойные того, чтобы «быть письменно увековеченными» – которых он тут же, в мгновение ока, превращает в «неразумных, слабоумных и диких» существ. Но то, что происходит далее доводит противоречия до уровня откровенного абсурда...

На фоне предыдущих и последующих высказываний о древней истории *хайев*, о великих деяниях *хайских* царей, господстве *хайского* народа в регионе и необходимости описать *хайскую* историю – и в то же время прекрасно зная о *еврейских* корнях Багаратони и ***убеждая его*** не считать себя хаем и потомком Хайка – Мовсес, сетуя по поводу того, что предыдущие *хайские* правители не пожелали составить письменную историю *хайев* (ввиду их «нелюбознательности», «слабоумия» и «дикости») – обращается к *еврею* Исааку со следующими словами: «Но я поражаюсь плодовитости твоего ума; от начальных ***наших*** (т.е. хайских – **А.И.**) родов и до нынешних **ты** оказался единственным, способным предпринять столь важное дело и предложить нам взяться за исследование — в большом и полезном труде достоверно изложить историю ***нашего*** (хайского – **А.И.**) народа».

Сказанное не поддается объяснению. По утверждению Хоренского, «от начальных *хайских* родов до нынешних» *еврей* Исаак является единственным *хаем*, предложившим написать историю *хайского* народа! Мовсес говорит об этом зная, что со времен этих самых начальных родов члены семейства Багарат были и оставались *евреями*, в чем он неоднократно и настойчиво убеждает Исаака. Но с другой стороны – ведь и сам Багаратони знал, что он *еврей* и знал, что поручил Моисею составить генеалогию *своего* рода (см. выше, Кн.1, гл. 6).

Представьте такую ситуацию: *татарин* по происхождению, князь Юсупов приглашает образо-

ванного священника, по происхождению *эстонца*, с просьбой помочь составить генеалогию своего рода от великих татарских ханов до самого князя. Священник в ответ на приглашение, выражая благодарность за ответственное поручение, восторгается тем, что за все время существования *эстонского* народа *татарин* Юсупов оказался единственным *эстонцем*, предложившим написать историю *эстонского* народа. Абсурдность подобной ситуации очевидна...

Разумеется, этот условный сценарий, использованный для примера, невозможен в реальной жизни, так же как и приведенный выше аналогичный пример с грузинским князем Багратионом. Однако эксклюзивные права, выданные «армянской традиции» на присутствие в непосредственной близости от исторической науки, позволяют точно такому же абсурдному сценарию продолжать свое существование, кочуя из одного издания в другое на протяжении десятилетий. Но вряд ли эти противоречия, непрерывной чередой следующие друг за другом и переполняющие данное сочинение, когда-либо найдут свое разрешение, поскольку являются врожденным и неизлечимым пороком всего произведения (а, следовательно, и всей «традиции», берущей свои истоки от «Патмутюн хайотц» Хоренского).

Однако на упомянутом выше противоречии, перманентным фоном пронизывающем все произведение, следует остановиться более подробно. Внимательное изучение этого фундамен-

тального противоречия между содержанием заказа о составлении родословия предводителя еврейского клана Багарат, и тем, что выдает сочинитель «истории хайев» в качестве конечного продукта, позволяет раскрыть детали своеобразной методики, использованной составителем сочинения. Непрерывно обращаясь к «Хроникам» Евсевия Кесарийского (не упоминая, однако, источник) и используя извлеченные из этого труда сведения для их последующей трансформации на страницах «Истории хайев», Хоренский по примеру Кесарийского также обращается к сопоставлению списков еврейских и халдейских (сирийских/арамейских) родов, но дорабатывает пример добавлением списка хайского рода, якобы продолжающего линию родословия, которая начиналась от Хайка. Но это делается вовсе не потому, что этим самым Моисей пытается раскрыть нечто новое в интересах генеалогии Багаратони. Автор «Истории» преследует свою, особую цель...

В полной аналогии с методикой, примененной при внедрении образа Хайка и его потомков в список родословия от Яфета, сочинитель «Истории хайев» использует тот же подход и в последующих разработках:

1. сначала делаются ссылки на то, что у него имеются сведения, «заслуживающие доверия»;
2. затем следуют заверения о том, что эти сведения дают право на внесение любых поправок в Священное Писание (в сущности, в любой документ) и, наконец,

3. проводятся действия по внедрению в тексты желаемых нововведений, выдуманных событий и имен, сопровождая их заявлением о том, что это и есть истина в последней инстанции.

Так, с главы 19-й по 22-ю включительно первой книги, Мовсес заносит в текст «Истории хайев» десятки новых имен, преподнося их, как «старейших мужей и предков *нашего* (т.е. хайского – **А.И.**) народа». При этом, точно так же, как и в случае с внесением искажений в Библию, автор сочинения сначала ссылается на достоверность сведений, полученных через «многоопытного сирийца» Мар Абас Катину, а затем заносит составленные собою списки имен, призывая Исаака верить написанному, ибо «согласие в *числе и порядке потомков* указывают на точность нашего труда». Ссылки на «числа» играют ключевую роль при составлении Хоренским списков имен и хронологий, о чем более подробно будет рассказано чуть ниже.

Вот какой список новоявленных имен, вошедших через сочинение Хоренского в «армянскую традицию» преподносит автор «Истории хайев» в 19-й главе первой книги: Ара сын Ары, Анушаван, Парет, Арбак, Заван, Парнак, Сур, Хаванак, Ваштак, Хайкак, Ампарк, Арнак, Шаварш, Норайр, Встамкар, Горак, Хрант, Ендзак, Глак, Хоро, Зармайр, Перч, Арбун, Базук, Хой, Иусак, Кайпак, Скайорди, Паруйр.

Нелишне будет отметить, что ***за пределами «армянской традиции» эти имена не существ-***

вуют и не подтверждаются исторически достоверными источниками. Но даже в самом сочинении «История хайев» они больше нигде не повторяются (за исключением Ары сына Ары).

Здесь раскрывается истинный замысел составителя «Истории хайев», главной целью которого было вовсе не выявление генеалогии еврейского рода Багарат, а выстраивание линии из десятков новоявленных имен, в начале которой должен был находиться образ мифического предка хайев Хайка. По прошествии определенного периода времени, измеряемого определенным количеством поколений, число которых должно быть заверено числом нововведенных имен, эта линия должна сливаться со временем исторических событий или исторических личностей, известных по записям греческих и персидских хроник.

Замысел составителя «Истории» подтверждают его сетования по поводу отсутствия письменных свидетельств истории хайев, причину которого он видит в «нелюбознательности» и «дикости» предков. Он восхваляет правителей других народов, «...кои описали время своего царствования с перечислением мудрых деяний, чем и увековечили свои подвиги в сказаниях и летописях... Изучение ученых творений и сказаний халдеев, ассирийцев, египтян и эллинов **рождает и в нас желание идти по следам этих мудрых мужей**, принявших на себя подобные труды» (Кн.1, гл. 3).

Выше уже отмечалось, что автора «Патмутюн хайотц» можно назвать основоположником ме-

тодики сочинения новой истории, включавшей такой прием, как внесение искажений в содержание Библии. Но его можно так же назвать и основателем довольно простого арифметического метода составления родословных списков, не существовавших прежде в истории.

Основу данного метода составляет измерение промежутков времени между историческими эпохами, событиями или именами известных в истории региона личностей, используя в качестве единицы измерения человеческое поколение (в среднем за промежуток времени от 30 до 50 лет формируется новое поколение людей). Это объясняет, почему столь плотно работал сочинитель «Истории» с «Хрониками» Евсевия Кесарийского, в которых приводились хронологические сведения не только от самого Евсевия, но и от многих других историков – Абидена, Александра Поигистора, Диодора, Кефалиона и др., на имена которых Хоренский ссылается по ходу своих повествований. (Он ссылается на эти имена, буквально цитируя строки из труда Кесарийского, *имени которого не упоминает, создавая, таким образом, впечатление, что использует сведения непосредственно из трудов упомянутых греческих историков*).

Если промежуток времени позволяет разместить в нем четыре, пять или более поколений – Хоренский смело заносит в него четыре, пять или более новых имен. В то же самое время, для того, чтобы придать именам некий оттенок историчности, за некоторыми из них закрепляются

деяния, которые автор короткими ссылками увязывает с событиями, известными по реальной истории. Этим объясняется и обращение к родословным спискам других народов, хорошо известных (в отличие от списков, изобретенных самим сочинителем) по различным историческим источникам.

Сопоставляя с ними новоизобретенные хайские списки, Хоренский располагает их параллельно генеалогии евреев, персов и ассирийцев в пределах того же исторического периода, убеждая читателя в правдивости своей версии аргументом о том, что ее подтверждает «..согласие в числе и порядке потомков». Так, одна за другой, формируются страницы новой, искусственно создаваемой истории, переполненной противоречиями и не выдерживающей критики.

В качестве примера (одного из многих) к вышесказанному можно остановиться на имени Паруйра из приведенного выше списка (известного только по сочинению Хоренского), которого автор объявляет первым чистокровным хаем, ставшим царем *Хайастана* за тысячу лет (!) до Рождества Христова. Располагая его в параллельном сопоставлении с хронологией ассирийцев в одном времени с известным правителем Ассирии Сарданапалом, автор «Истории» предваряет рассказ о Паруйре восторженными словами, обращенными к своему заказчику, *еврею* Исааку Багаратони: «...я испытываю немалую радость и ликую, дойдя до времени, когда потомки *нашего коренного предка* (т.е. Хайка –

А.И.) достигают царского сана» (Кн.1, гл. 21). Неизвестно, испытал ли такое же ликование *еврей* Исаак, узнав об этой новости, не имеющей никакого отношения к его генеалогии, но Моисей далее продолжает развивать домашнюю заготовку по «истории» и объясняет, как именно, *по его версии*, неизвестный никому *хай*-Паруйр обретает возможность стать правителем несуществовавшего *Хайастана*.

Информация о событиях того времени взята Мовсесом из «Хроники» Кесарийского, в которой, естественно, **нет** никакого Паруйра. В греческом первоисточнике повествуется о том, как мидиец Арбак (Варбак), при поддержке Вавилонского военачальника Белеса (Белесия) свергает власть Сарданапала и устанавливает свое правление. При этом Белесий, за оказанное содействие назначается Арбаком правителем Вавилона, что было равносильно правлению целым царством.

А вот как Хоренский, следуя своей методике сочинительства, притягивает Паруйра к этим событиям, пытаясь придать его образу оттенок историчности: «Последним из тех, кто жил при ассирийском владычестве после Шамирам или Нина, я назову *нашего* Паруйра при Сарданапале, который оказал немалую помощь мару Варбаку в овладении царством Сарданапала» (Кн.1, гл. 21). Сказанное дополняется строкой из следующей главы: «..а первый из наших (т.е. хайев – **А.И.**), увенчанный маром Варбаком, Паруйр, сын Скайорди» (Кн.1, гл. 22). Таким образом, в сочине-

нии Хоренского не Белесий помогает мару Арбаку (Варбаку) свергать ассирийского царя Сарданапала, за что получает трон правителя Вавилона, а Паруйр, которого Арбак затем назначает царем Хайстана. Вымышленный образ, притянутый таким образом к историческим событиям с упоминанием хорошо известных исторических имен, получает хождение на пространстве «армянской традиции» с претензиями на историчность. Так работает методика сочинителя «Истории хайев».

Наряду с этим автор продолжает восторгаться по поводу собственных хайских корней и восхвалять хайских правителей, «...в особенности — царей, до владычества парфян. Ибо *мне особенно дороги именно эти из наших царей, как коренные, крови моей сосуды и подлинно родные*». Вновь и вновь вычленяя из истории региона искусственно созданную линию родословия от Хайка в некое особенное и обособленное от всех остальных народов образование, Хоренский старается окружить ее точно такой же аурой «избранности», какой, по его мнению, Библия окружила *евреев*, в отношении которых с некоторой завистью и обидой он высказался в 5-й главе: «Божественное Писание, выделив свой собственный народ (т.е. евреев – **А.И.**), отвергло прочие как презренные и недостойные упоминания на его страницах» (Кн. 1, гл. 5).

Возможно, радуясь проделанной работе по сочинению собственных корней и «подлинно родных» потомков Хайка, преподносимой, как выполнение порученного ему задания, автор

действительно верил в то, что глава еврейского клана Исаак из рода Багарат будет испытывать точно такой же восторг и радость по поводу хайского происхождения Моисея и тех, кого он называет «крови *моей* сосуды». Однако очевидно, что такого рода информация, составляющая основное содержание сочинения, не имеет никакого отношения к родословию Исаака и потому еще более углубляет алогизм и противоречивость произведения.

Сказанное подтверждается здесь же, сразу же после слов умиления и восторга, адресованных «особенно дорогим» *хайам*, этим «сосудам *подлинно родной крови*». **В полном соответствии с раскрытой выше методикой**, Хоренский вводит в повествование после Паруйра новое имя – Храчеа – и придает ему оттенок историчности, соотнося его с именем хорошо известного в истории вавилонского правителя Навуходоносора и совершенным им знаменитым пленением евреев.

Причем говорится не о том, что во времена известного вавилонского царя Навуходоносора жил некий никому не известный доселе Храчеа – вовсе нет. В характерном для «традиции» стиле, создавая впечатление, будто речь идет о достоверной исторической личности, повествуется о том, что *это во времена Храчеи* жил правитель Вавилона Навуходоносор!

Слегка отклоняясь от темы разговора, хотелось бы так же отметить одну интересную особенность текста «Патмутюн», очевидно связанную с индивидуальностью и словарным запасом

самого сочинителя – частое обращение к описанию глаз и взглядов тех или иных персонажей с использованием витиеватых эпитетов. Данный фольклорный прием является своего рода приложением к описанному выше методу, преследующим целью добавить несколько эмоциональных штрихов к образу вводимых в текст персонажей. Сочинитель стремится создать впечатление, что мол, информация о них не ограничивается одним лишь именем, но включает также и сведения о внешности, об особенностях характера или анатомии, о сверкающих глазах, о взглядах, метаящих огонь и молнии, и т.п.

Так, автор пишет об «искрящихся глазах» Хайка, о «свирепом взгляде глубоко посаженных глаз» одного из его потомков, по имени Торк Ангелеа, о «дурном колдовском глазе» Ерванда, о глазах Смбата, «на которых были отметины», из-за которых глаза его выглядели, как драгоценные камни (!), о Вахагне, у которого «очи были, как два солнца» и о «приветливых взорах» Тиграна. К этому сочинитель добавляет красочные описания анатомических особенностей придуманных персонажей – вьющиеся кудри и румяные щеки одного, красивые ноги и мощные икры другого, «соразмерность» членов третьего, «свидетельствующие о его храбрости», и т.д. и т.п. Он словно хочет сказать – уж теперь-то читатель должен поверить в то, что это не просто выдуманные персонажи, а субъекты истории, коли письменные строки его сочинения сообщают о них такие подробности (неве-

домо откуда взятые)?

Используя те же приемы, сочинитель преподносит и образ Храчеа, несуществующего за пределами «традиции». Он появляется – а) со ссылкой на то, что в *его* время жил хорошо известный царь Вавилона Навуходоносор, б) с разъяснением, что имя свое он получил за свои «огненные очи» или «глаза, цвета пламени», и в) – как соучастник знаменитого вавилонского пленения евреев.

История сохранила достаточно подробное описание похода знаменитого вавилонского царя на Иудею и Сирию (Ассирию) в VI веке до н.э. и в ней, разумеется, нет никаких упоминаний о хайском правителе с «огненными глазами» (равно как и о хайах вообще), который имел бы к этим событиям какое-то отношение. Но фольклорный образ Храчеи, с глазами «цвета пламени», упомянутый в сочинении один единственный раз, был, очевидно, нужен автору «Истории», чтобы представить, наконец, хоть какую-то информацию, соответствующую исходному заказу и предложить своему нанимателю версию о том, как же еврейское семейство Багарат могло оказаться в регионе восточной Анатолии.

Ссылаясь все на того же Мар Абас Катину, сочинитель повествует о том, что когда по приказу вавилонского царя десятки тысяч плененных сирийцев, финикийцев и евреев двинулись в сторону Вавилона, внезапно возникший «огненноглазый» царь *Хайастана* Храчеа выпросил у Навуходоносора «одного из *вождей* еврейских пленни-

ков» по имени Шамбат (Шаббат), чтобы «привести и поселить его в своем государстве (Хайастане – **А.И.**) *с великой почестью*» (Кн. 1, гл. 22).

В данных строках кроется еще одно из неисчислимых противоречий сочинения. Ссылаясь на мифического Мар Абас Катину в вопросах Библейской истории (т.е. вавилонского пленения евреев и разрушения Иудейского царства – **А.И.**), автор «Истории хайев» в действительности использовал информацию из греческой апокрифической литературы. Однако, увлеченный методикой сочинительства, сочинитель совершенно очевидно упускал из виду специфику политического содержания тех исторических событий, с которыми он несколько необдуманно увязал образ Храчеи, сказав что «это в его время жил Навуходоносор, царь Вавилона».

Царь Вавилона Навуходоносор в 593 году до н.э. предпринял масштабную военную кампанию против Сирии и Иудеи в связи со вспыхнувшим там восстанием против Вавилонского царства. Война не ограничилась подавлением мятежных сил – восставшие города, и прежде всего Иерусалим, подверглись разрушению, разграблению и буквально обезлюдели, поскольку вавилонская армия не только истребляла мятежников, разрушала храмы и поселения, но и выполняла особый приказ царя о пленении всех жителей и сопровождении их в Вавилон.

Как мог посреди этой войны на истребление лютых врагов Вавилона некий Храчеа с «глазами

цвета пламени», к тому же, якобы, союзник вавилонского царя, забрать у Навуходоносора одного из вражеских *вождей* со всем его семейством и вывести его «с *великой* почестью»? За одни только «великие почести», оказанные врагам царя великого Вавилона (причем в момент, когда тех угоняли в неволю) этот Храчеа мог бы поплатиться жизнью, не взирая на его «огненные глаза».

Однако, для Хоренского массовое и насильственное переселение евреев из Иудеи, происшедшее в VI веке до Рождества Христова, несомненно, было подходящим, исторически запротоколированным событием, для того, чтобы построить на его основе легенду о том, как одно из еврейских семейств оказалось в Анатолии. Надо было только в характерной манере ввести очередного мифического посредника для увязывания исторических событий с желаемыми результатами. Таковы, на наш взгляд, предпосылки появления нового образа – «огненноглазого» Храчеи, «с великой почестью» увозящего врагов Навуходоносора в **несуществующий** Хайастан.

Было бы уместно также отметить, что в исторических сведениях о вавилонском пленении евреев нет никакой информации о том, что кто-либо, вождь или простой смертный, был под каким-либо поводом освобожден или вывезен в другую страну. Десятки тысяч пленников из Финикии, Иудеи и Сирии, пригнанных в Вавилон в результате легендарного пленения, невзирая на происхождение, были использованы в качестве рабочей

силы при строительстве вавилонских крепостей, дворцов, садов и оросительных каналов, о чем сохранились исторические свидетельства.

Более того, ни в одном из исторических источников, сообщающих о вавилонском пленении, нет никаких упоминаний о каком-то знатном вожде евреев по имени Шамбат. Поэтому ссылка фольклорного характера, предложенная сочинителем «Истории хайев» (скорее, изобретенная им) в качестве ответа на заказ Исаака Багаратони, является единственной версией, поселившейся в пределах «армянской традиции» о проникновении древнего еврейского рода в восточную Анатолию. Примечательно, что имя Храчеи больше нигде в произведении не упоминается, очевидно, потому, что *одноразовая* ссылка на него была нужна с одной лишь единственной целью – установить в сочинении связь между древним пленением евреев и родом Багратуни. Как говорится, «мавр сделал свое дело»...

Описанная выше методика сочинительства, используемая автором «Патмутюн хайотц» позволила ему в трех коротких строках, изложенных в стиле фольклорного сказительства: 1) – увязать *вымышленный* образ хайского царя и его *многого* государства с историческим временем вавилонского правителя Навуходоносора, 2) – сделать его соучастником знаменитых, исторических событий, вошедших в Библию и 3) – представить его спасителем еврейского семейства Багарат, якобы, увезенного с «великими почестями» из жестокого плена вавилонского царя.

*Это классический пример работы механизма сочинительства «традиционной» истории, построенной, как было отмечено выше, на **вплетении фольклорно-сказительной информации, не имеющей под собой никакой доказательной основы, в материал реальных событий, хорошо известных по историческим источникам.*** Небольшим, но существенным штрихом, дополняющим картину сочинительства, является также то, что автор не называет при этом имен историков и их произведений, из которых, собственно, и заимствовались сведения об исторических событиях.

Создав, таким образом, через посредство мифического Храчеи смутный портрет древнего предка Исаака по имени Шамбат, сочинитель «Истории» уверенно сообщает ему, что «...Летописец утверждает, что именно от него происходит род Багратуни, и это правда» (Кн.1, гл.22). По мнению Хоренского род Багратуни, происходящий от Шамбата, получил такое название потому, что сам Шамбат был из рода Багарат, многократно упомянутый Хоренским в «Истории хайев». Однако, называя (неизвестно как узнанное) имя еврейского вождя Шамбата, Хоренский не приводит четких объяснений по поводу происхождения самого родового имени Багарат.

Но по этому поводу можно выдвинуть предположение о том, что автор сочинения, хорошо знакомый со Священным Писанием, мог встретить похожее родовое название в том же источнике, из которого, очевидно, получил знания о

вавилонском пленении евреев – в Библии. В книге Нехемии, вошедшей в Библию, приводится длинный список еврейских родов, угнанных в плен Навуходоносором и в ней, в главе 7, строке 59, говорится о «детях рода Пакарет из Зебаима». Но Хоренский, как уже было отмечено, не упоминает Священное Писание, как источник информации, а предпочитает ссылаться на призрачного Катину, называя его то «сведущим мужем», то «летописцем».

Именно в этой части сочинения проявляется одно из наиболее нелепых противоречий, о котором говорилось выше. Хоренский настаивает на том, что род Багратуни не имеет никакого отношения к хайам, ибо он не происходит от Хайка. Остерегая своего хозяина от слухов и легенд о родстве с хайами, Моисей строго предупреждает Исаака – **«не верь подобным глупостям»!** Но на фоне исходной задачи, поставленной вождем влиятельного еврейского семейства, такое развитие сочинения, предпринятое автором «Истории хайев» выглядит, мягко говоря, лишенным здравого смысла. Сосредоточенное и настойчивое развитие темы *хайской* истории, *хайского* родства, занесение в повествование списков имен *хайских* предков (несуществующих вне «традиции») соседствует с одновременным напоминанием Исааку, что вся эта история не имеет никакого отношения к его *еврейскому* роду Багарат, т.е., *в сущности, не имеет отношения к заказу Исаака.*

В завершение данной главы следует также

упомянуть, что все еще открытым и спорным остается вопрос о языке, на котором могло быть написано сочинение, если, согласно «традиции», оно было написано в 450-е годы.

Самые первые попытки применения новоизобретенного (в начале V века) хайского алфавита были сделаны в отношении переводов Священного Писания. Но все утверждения о том, что якобы в середине V века Хоренский написал свое трех-книжное сочинение на хайском, причем для того, чтобы его прочитал *персидско-подданный еврей* Исаак – абсурдны. Владел ли сам Хоренский этим алфавитом и мог ли использовать его для написания такого огромного текста – если сам он все свое образование (по утверждению самой «традиции») получил на греческом и латыни?

Как утверждает «традиция» именно из-за его превосходства над прочими учениками в знании греческого Исаак Парфянин и Месроп Маштоц отправили его в Александрию для более углубленного изучения греческих переводов Священного Писания. Из этой командировки, затянувшейся на долгие годы, Хоренский возвращается уже после смерти своих учителей – в той же середине V века, когда он, согласно «традиции» приступил к работе над своим сочинением по заказу Багаратони. То есть все то время, когда на востоке Малой Азии, в пределах ограниченной среды священников проводилось обучение новым буквенным знакам – Хоренский попросту отсутствовал в регионе. Но вернувшись на роди-

ну, он, спустя несколько лет (согласно хронологии, предложенной «традицией»), приступает к работе над заказом Исаака Багаратони.

В V веке все образованные люди западных провинций империи Сасанидов, где предположительно родился, жил и умер Моисей, получали образование, писали и читали на государственном персидском языке, а также на греческом и сирийском (арамейском). Привозимые из Греции экземпляры Библии переводились на арамейский, не только потому, что это был наиболее распространенный (наряду с персидским) язык общения в западных провинциях, но так же и потому, что это был язык сирийского (арамейского) христианства. Вполне вероятно, что и еврей Исаак Багаратони тоже мог владеть этими языками. Поэтому резонно предположить, что Моисей скорее мог подготовить для своего хозяина сочинение на арамейском, греческом или персидском языках, но очень маловероятно, что глава княжеского *еврейского клана* Исаак мог попросить Моисея составить родословие *своего* семейства на языке народа, к которому он не имел никакого отношения (в чем Моисей самым строжайшим образом убеждал Исаака – см. выше), не говоря уже о том, чтобы читать чужую историю, написанную буквами непонятного алфавита.

VII-2. АРСАК «ВЕЛИКИЙ», ВАЛАРСАК И АРХИВЫ НИНЕВИИ

Завязка повествования, по существу, начинается после глав, в которых автор «Истории хайев», изменяя содержание Библии, внедряет в родословие Яфета вымышленный образ Хайка, о чем подробно было рассказано выше. Фабула сочинения начинает формироваться с 8-й главы первой книги, тесно связанной с именем правителя из парфянской династии Арсакидов, которого Хоренский, верный стилю вольного сочинителя, наделяет эпитетом, называя его Арсаком «Великим».

Именно отсюда автор начинает выстраивать легенду о том, как в далеком прошлом могли складываться обстоятельства, благодаря которым одному ему, *спустя долгие века*, стали известны уникальные сведения об истории *хайев*. Но именно здесь он собственными руками закладывает в текст основы неразрешимого противоречия, доходящего до масштабов разрушительного для всего произведения абсурда.

Начиная строку классической фразой «говорят, что..», автор в коротком предложении ссылается на некоторые сведения (в частности, убийство Арсаком в Ниневии царя Антиоха из династии Селевкидов), которые позволяют сделать заключение о том, что под Аршаком «Вели-

ким» подразумевается *парфянский* правитель Арсак VII Фархад (время правления 139—129 гг. до Р.Х.), убивший селевкидского царя Антиоха VII Сидета. Это в свою очередь дает основания для датировки происходящих событий, которые преподносятся Хоренским в качестве легенды об истоках никому доселе неизвестных сведений о древней истории региона.

События, согласно изложению автора, разворачиваются следующим образом: где-то в **120**-е годы **до** н.э. *парфянский* царь Арсак VII назначает своего младшего брата, *парфянина* Валарсака правителем «страны хайев» *Хайастана*. (Автор говорит исключительно о «земле/стране хайев» *Хайастане* и никогда не употребляет ни названия «армяне», ни древнего топонимического термина «Армения», которые появляются намного позже в переводах на русский и другие языки). Едва заступив на должность, *парфянин* Валарсак проникается благородным желанием узнать – кто же правил этой страной до него, «приходится ли ему занимать место храбрых, или трусов?».

С этой целью Валарсак, прежде всего, цитируя сочинителя, «разыскивает одного сириянина, по имени Мар Абас Катина, мужа разумного и сведущего в халдейской и греческой письменности». На образе Катины мы остановимся более подробно ниже, но следует отметить, что существует он исключительно в пределах «армянской традиции» и является наиболее противоречивым и, по мнению большинства исследователей «традиции», не существовавшим в ре-

альной истории персонажем, выдуманным автором «Истории хайев» с целью занесения некоего ссылочного источника в фабулу составляемого сочинения.

Найдя «сведущего мужа» Катину, *парфянин* Валарсак пишет письмо своему старшему брату Арсаку VII, резиденция которого, *по мнению автора*, находится в Ниневии, где он убил греческого правителя Анитиоха. В этом письме он просит Арсака «раскрыть царские архивы» для того, чтобы их мог исследовать Мар Абас. При этом текст письма приводится Хоренским во всех подробностях, языком самого Валарсака, словно бы в руках у автора «Истории хайев» находилась оригинальная рукопись.

Однако все, чем располагает «армянская традиция» относительно появления столь уникальных сведений, это известная фраза из репертуара автора – *«говорят, что...»*. Но она, разумеется, не раскрывает, откуда, спустя как минимум 600 лет (если исходить из утверждения «традиции» о том, что сочинение было составлено в V веке) Мовсесу из Хорена стало известно о таком сценарии событий? Каким образом, спустя, по меньшей мере, 6 веков, Хоренский стал обладателем оригинального письма, написанного рукой парфянина Валарсака, *и было ли в действительности такое письмо?*

Согласитесь, что с позиции здравого смысла, информация, которая начинается словами «говорят, что...» не может быть продолжена цитированием полного и дословного текста ориги-

нального письма парфянского правителя. В противном случае, не может быть и речи о «говорят...». Ибо если автор обладал реальным историческим документом, т.е. подлинником письма парфянина Валарсака, то сведения об этом уже не могли передаваться через фразу «говорят, что...» – автор просто сообщил бы Исааку, что располагает подлинником письма, что было бы и убедительнее и в согласии со здравым смыслом. Но это далеко не первый случай, когда тексты «Патмутюн хайотц» демонстрируют отсутствие здравого смысла...

Далее, по словам Хоренского, получив письмо от своего младшего брата, правитель Парфии Арсак VII «приказывает показать ему (Мар Абасу – **А.И.**) архив, что в Ниневии». И вот тут-то Мар Абас, получивший доступ к архивам, «рассмотрев все *рукописи*, нашел между ними *книгу на греческом языке, носившую, говорит он, надпись: «Эта книга была переведена по приказанию Александра с халдейского языка на греческий и содержит подлинную историю древних и предков»* (Кн. 1, гл. 9).

Однако, реальная история региона и состояние, в котором находилась древняя столица ассирийской империи Ниневия к моменту описываемых в сочинении Хоренского событий подтверждают, что предложенный автором сценарий является плодом его воображения и ничего подобного в действительности просто не могло происходить. О том, что Ниневия до момента своего трагического разрушения была поистине

величайшим городом Месопотамии сохранилось большое количество свидетельств и на первом месте в этом отношении стоит, конечно же, Библия, приводящая многочисленные ссылки о величии столицы Ассирии. *Но историческим фактом* является то, что о так называемой царской библиотеке правителя Ассирии Ашшурбанипала (умершего в 631 г до Р.Х.), которая собственно и является тем самым архивом Ниневии, стало известно только в середине XIX века новой эры.

Не существует исторических источников, *современных* периоду правления Ашшурбанипала, свидетельствующих о том, что в Ниневии находились богатые письменные архивы. Вся информация о том, **как** Ашшурбанипал создавал свою библиотеку и **что** именно в ней содержалось, были постепенно выявлены учеными после того, как им в руки попали тысячи глиняных табличек с клинописными текстами, обнаруженными в результате археологических раскопок на руинах Ниневии, начиная с 1847 года.

В 612 году до новой эры Ниневия, после долгой осады, была захвачена и разрушена объединенными силами Вавилона, Мидии, Киммеров и Скифов. Народы, некогда враждовавшие между собой, объединили силы против общего врага с целью положить конец жестокой и кровавой тирании Ассирии. Не только сведения из Библии, но и многие другие источники, включая клинописные тексты Вавилона, достаточно подробно описывают картину тотального разрушения великой столицы Ассирийской империи. Население Ниневии было частью истреблено, часть угнано в рабство, весь город разграблен,

сожжен и разрушен до основания. Описание, сохранившееся в вавилонских клинописях гласит, что победители превратили великий город в «холмы руин».

Истории известны случаи подобных разрушений великих городов древности, после чего люди вновь возвращались к своим пепелищам и над разрушенными строениями вновь возникали новые поселения. **Однако отличительной особенностью Ниневии является то, что на протяжении прошедших 2400 лет со времени уничтожения столицы Ассирии к ее руинам, заносимым землей и зарастающим сорняками, так никто и не вернулся.**

Работа археологов в Ниневии, 1990-е годы. В подобных раскопках и была обнаружена так называемая царская библиотека Ашшурбанипала.

Поселения возникали в отдалении от нее, но над руинами Ниневии никаких строительных работ не проводилось, что было отчетливо доказано во время археологических раскопок, обнаруживших, что развалины были накрыты лишь многометровой толщей земли, нанесенной ветрами за тысячи лет. Над древними руинами не было выявлено следов каких-либо новых строений, что подтвердило справедливость библейских пророчеств, сделанных задолго до трагических событий, о том, что Ниневия будет разрушена до основания и никогда не воспрянет вновь.

Во время археологических раскопок было обнаружено еще одно подтверждение тому, что после разрушения и сожжения город был оставлен людьми раз и навсегда. Судя по большому числу останков людей, обнаруженных в Ниневии, к городу не вернулись даже те, кто, вероятно, выжил в этой ужасной бойне, чтобы разыскать и предать погребению тела своих близких.

Останки погибших жителей Ниневии, обнаруженные в большом количестве под руинами во время археологических исследований.

Очевидно, что останки принадлежали жителям и защитникам древней столицы, поскольку нападавшие забрали тела своих убитых. Скелеты женщин, мужчин и детей, лежавшие под руинами вперемешку, подтвердили предположения о массовом избиении жителей, когда в Ниневию ворвались объединенные силы союзников.

Память о Ниневии была предана забвению, по историческим меркам, быстро и основательно. Спустя всего несколько поколений жители региона уже не знали, что скрывается под буграми, заросшими травой, на которых местные жители пасли скот.

Вид на земляные холмы, некогда бывшие великим городом Ниневия.

Всего двести лет спустя после разрушения Ниневии, известный греческий историк Ксенофонт, автор знаменитого произведения «Анабасис», в подробностях описавший возвращение на запад десяти тысяч греческих воинов (среди которых

находился и он сам) через территорию Месопотамии и Малой Азии, пересекал именно эти места, где находилась некогда великая столица Ассирии. Он ни единым словом не упоминает, что на своем пути греки встретили руины величайшего из городов древнего мира. Память о Ниневии была уже необратимо мертва.

Но ведь если следовать словам сочинителя «Истории хайев», то получается, что разысканный Валарсаком «сведущий муж» Мар Абас посетил Ниневию **500 лет** спустя после ее уничтожения. До этого времени и 2000 лет после этого времени царская библиотека Ашшурбанипала оставалась погребенной под многометровой толщей земли и никому не известной. До раскопок в середине XIX века о ней не было никакой информации, причем в условиях, когда даже о самом городе перестали упоминать всего два века спустя после его разрушения и сожжения.

По этим очевидным причинам ни парфянин Валарсак, ни его брат Арсак VII, ни мифический сириец/арамеец Катина не могли знать о том, что под толщей земли и руин бывшей столицы Ассирии находятся обрушившиеся сожженные помещения, в которых лежат десятки тысяч обломков глиняных табличек с клинописями, обнаружение которых на самом деле состоится еще на 2000 лет позже того времени, в котором якобы жил Мар Абас.

Следует также отметить, что по поводу строки Хоренского об архивах Ниневии существуют

различные спекуляции относительно неправильного прочтения «оригинального» текста, *впервые изданного в 1695 году в Амстердаме*. В них, скорая на выдумки «традиция», развивает мысль о том, что слова автора об архивах ассирийцев (якобы неправильно переведенные) означали не «архивы Ниневии», а «архивы *из* Ниневии». Мол, Катина не копался в руинах в поисках книг, а все сохранившиеся архивы были некогда привезены в царский дворец Арсака VII, который, в свою очередь, мог находиться не посреди руин, а где-то неподалеку от Ниневии, где Катина и получил к ним доступ – отсюда прочтение «архивы из Ниневии».

Помимо того, что подобные вариации воображаемых картин прошлого являются чистой воды фантазиями, в целом эти рассуждения не выдерживают никакой критики. Даже если допустить и такую версию (ведь столько уже допущено в отношении «Патмутюн», почему бы не допустить и эту), то и в этом случае миф об архивах, открывшихся Катине, не становится более реальным. Потому что не имеет значения, должна ли строка читаться как «архивы, что в Ниневии» или же «архивы из Ниневии» – *в любом случае библиотека Ашшурбанипала была физически недоступна со дня уничтожения столицы Ассирии*. Ни Катина, ни кто-либо другой не имели и не могли иметь доступа к этим архивам, с целью их вывоза или изучения на месте, независимо от того, как будут трактоваться слова автора – «архивы **в** Ниневии» или «архивы **из** Нине-

вии». В любой версии повествование о работе Катины с царской библиотекой Ассирии является выдумкой сочинителя «Истории хайев».

Археологические раскопки подтвердили еще одну информацию о трагической судьбе Ниневии – о сильном пожаре, сопровождавшем разрушение города. Причем наиболее убедительное свидетельство предоставил материал тех самых глиняных табличек из царской библиотеки – часть из них испеклась под воздействием высокой температуры, превратившей глиняные таблички в керамические. По иронии, эти трагические обстоятельства способствовали лучшему сохранению клинописных текстов, в то время как большое количество глиняных табличек, оказавшихся по неосторожности археологов под дождем, были непоправимо повреждены.

Как было отмечено, пожар, поглотивший библиотеку ассирийского царя был так силен, что часть глиняных табличек испеклась, обретая керамическую твердость. Поэтому исследователи, столкнувшиеся с этим феноменом во время археологических раскопок, выдвинули предположение о том, что, возможно, библиотека Ашшурбанипала могла содержать большое количество текстов, записанных на дереве, воске, коже, пергаменте и папирусе – но поскольку это горючие материалы, то, разумеется, все они сгорели и исчезли без следа. Иными словами, *в момент уничтожения города помимо клинописных текстов, отпечатанных на глиняных табличках и выбитых на камне, в*

царских библиотеках не сохранилось никаких других источников информации.

Дело не только в том, что история не сохранила никакой информации о вывозе из погибшего города каих-либо библиотек или архивов. **Фактическая картина**, выявленная в ходе археологических работ, начиная с середины XIX века убедительно свидетельствует о том, что в городе, который сожгли и сравняли с землей, царская библиотека на протяжении 2400 лет оставалась полностью погребенной под десятиметровой толщей земли и городских руин.

Таким образом, за упомянутым в «Истории хайев» фольклорным сказанием о том, что спустя 300 лет после уничтожения Ниневии, сожжения и погребения царских архивов, Александр Македонский лично созерцал библиотеку Ашшурбанипала нет (и не может быть) никаких достоверных исторических сведений. Об этом, в характерном стиле «говорят, что...», упоминается лишь в так называемой «армянской традиции», переполненной мифическими сюжетами. И поскольку Александр не мог видеть недоступные архивы Ниневии, следовательно не могло быть и никаких переводов «халдейских» (клинописных) текстов из библиотеки Ашшурбанипала на греческий язык, якобы, сделанных во времена Македонского по распоряжению самого Александра.

Очень важно отметить, что сегодня научному миру известно несравненно больше о реальном содержании текстов из царского архива Нине-

вии, чем автору «Истории», строившему свое повествование на искусственно создаваемом фольклорном сочинительстве. Так, например, современные исследования подтвердили, что *книга*, якобы, чудесным образом найденная в царских архивах Ниневии сирийским «летописцем» Мар Абасом, и содержащая «...подлинные истории древних и предков», существовала лишь в воображении Моисея Хоренского.

Клинописные архивы, жестоко пострадавшие во время разрушения Ниневии, хранятся сегодня в Британском музее и среди них лишь незначительная часть содержит целые и неповрежденные тексты. Основная же масса архива, в количестве более 30 000 единиц, представлена обломками глиняных табличек с клинописными текстами. Однако, несмотря на такую фрагментацию, ученым все же удалось расшифровать значительную часть клинописей и установить какого рода информацию они содержали.

Как выяснилось, в царских архивах Ашшурбанипала хранились самые разнообразные сведения – политическая переписка, финансовые отчеты, торговые соглашения, царские указы, пророчества и предсказания, магические заклинания, описание знамений, молитвы, гимны богам, тексты по астрономии, медицине, стихи и поэмы.

Кроме этого, были обнаружены таблички со знаменитой поэмой о легендарном правителе древнейшего на земле царства Урук, известной под названием «Эпос о Гильгамеше» (Бильгемиш). Были также найдены тексты вавилонского

мифа о сотворении мира «Энума Элиш» и о мифическом первочеловеке по имени Адапа.

Но не было найдено ничего, что могло бы иметь хотя бы отдаленное отношение к истории высокогорий Малой Азии и тем более к истории народа под названием «хай».

Вот почему воображаемый Хоренским сюжет о том, как из фантастической книги, добытой из сожженных архивов Ниневии, не менее фантастический Мар Абас Катина «извлекает достоверную историю *только нашего* (т.е. хайского – **А.И.**) народа, написанную греческими и сирийскими (арамейскими – **А.И.**) письменами и приносит ее в Мцбин (Нисибис – **А.И.**) к царю Валаршаку (Валарсаку - **А.И.**)» – остается всего лишь несбыточной фантазией сочинителя, поскольку ничего подобного в действительности не происходило и происходить не могло.

Это лишь одна из многих причин, по которой «Патмутюн хайотц» не может претендовать на роль исторического документа, поскольку весь сюжет сочинения построен на воображаемых событиях и обстоятельствах. Пожалуй, если бы сочинение, приписываемое Мовсесу из Хорена, называлось бы «сказанием» – оно не вызывало бы столь пристального критического внимания историков, поскольку занимало бы более приличествующее своему содержанию положение. Однако претензии «армянской традиции» на то, что «Патмутюн хайотц» является «ценнейшим» историческим документом, составленным «крупнейшим» историком прошлого, которого

«традиция» награждает титулом «армянский Геродот» – ставят данное произведение в положение болезненного явления, критический и разрушительный анализ которого со стороны исторической науки становится неизбежным.

Повествование продолжается далее в хрестоматийном для «традиции» стиле противоречий и абсурда. Сочинитель сообщает, что извлеки из воображаемой книги *исключительно хайскую* историю, причем на греческом и арамейском языках, Мар Абас с чувством исполненного долга возвращается к парфянскому царю. Валарсак же, по воле автора, несколько не обеспокоился тем, что Мар Абас проигнорировал его поручение изучить историю народов, населявших регион и правивших здесь до него (в этом и заключался приказ царя, отданный Катине – согласно сочинителю). Парфянин вовсе не поручал Катине разыскивать и извлекать информацию исключительно о неизвестных ему хайах, к которым ни он, ни его великая династия не имели никакого отношения. В истории (не в «армянской традиции», а в исторической науке) за тысячи лет не сохранилось никаких следов пребывания хайев (народа *хайк*) на пространстве малоазийского региона ни до царствования Арсакидов, ни в период царствования Арсакидов.

Но по сценарию, придуманному сочинителем, получилось, что правитель из великой парфянской династии Арсакидов, прекрасно знавший о своих предшественниках из великой персидской династии Агаманидов, своих далеких

кровных родственников, владевших до него этими землями на протяжении веков – несколько не возмущился по поводу того, что Катина **не** выполнил отданного ему поручения. Наоборот! Валарсак, награждаемый сочинителем умильными эпитетами, приходит в восторг от того, что до него, наследника великой парфянской династии, *вместо* истории достойных славы и уважения великих правителей персидской империи, дошли, наконец-таки, сведения не о ком-нибудь, а именно *о хайах...*

Вот полная цитата из текста сочинителя: «Из этой книги Мар Абас Катина извлекает достоверную историю только нашего (т.е. хайского – **А.И.**) народа, написанную греческими и сирийскими письменами и приносит ее в Мцбин, к царю Валарсаку. Мужественный Валарсак, искусный стрелометатель, собою красивый, речистый и разумный, считая эту историю первым своим сокровищем, принимает ее и тщательно хранит в своем дворце, приказав отрывок из нее начертать на каменном столпе» (Кн. 1, гл. 9).

Таким образом, по желанию автора, вместо истории великих *персидских* правителей, веками владевших этими землями или хотя бы не менее известных своей воинской доблестью *греческих* правителей, Диадохов, наследников империи Александра Македонского, у которых *парфяне* Арсакиды недавно отобрали власть – *парфяне* Валарсак и его старший брат, правитель Парфии Арсак VII, с великой радостью обретают историю *хайев*, которые, по словам самого Хоренского,

были народом «небольшим, весьма малочисленным, слабосильным, и часто находившимся под чужим господством».

В целом, при подведении итога сказанному выше относительно повествования сочинителя «Истории» о братьях Арсакидах и мифическом арамейце (сирийце) по имени Мар Абас, вырисовывается странная, как всегда противоречивая и не поддающаяся объяснению картина:

Парфяне, желая приобрести знания о своей истории, направили арамейца к руинам Ниневии, для извлечения из них греческих переводов ассирийских клинописных архивов (сохранивших записи из истории Ассирийской империи), которые 600 лет спустя были использованы для того, чтобы по заказу вождя еврейского клана (подданного персидского государства) о составлении своего родословия, написать ... историю хайев!

«Армянская традиция», опираясь на логику, только ей одной известную, настаивает, что все обязательно должны поверить в этот абсурдный сценарий...

Невозможно обойти стороной присущую автору методичку занесения в тексты своего сочинения выдуманные события, пристраивая их к историческому времени и историческим персонажам, известным по греческим и прочим первоисточникам. Относительно недолгий период царствования Диадохов достаточно хорошо описан благодаря трудам многих летописцев. Хроника драматических событий, в которых бы-

ли вовлечены десятки македонских правителей, воевавших между собой и растущим парфянским царством, охватывает практически все исторические имена того времени. Но для Хоренского, сочиняющего особую «историю» собственного изготовления, эти обстоятельства не имеют абсолютно никакого значения. Он изобретает нового лидера македонцев, не известного более ни по каким иным источникам, и нарекает его «некто Морфилик», который, по желанию сочинителя собирает огромное войско и выступает с ним против Арсакида Валарсака.

Возникает естественный вопрос – для чего нужны Хоренскому эти фантазии? На наш взгляд, это объясняется тем, что посредством выдуманных сюжетов автор реализует одну из ключевых идей сочиняемой «истории» – называть парфян хайами и потомками мифического Хайка. Выдуманный Морфилик, который по воле автора «был муж неустрашимый, с крупными, но соразмерными членами, одаренный ужасной силой, соответствовавшей его росту», атакует парфян, но тут же погибает. Причем Хоренский заставляет несуществующего македонца погибнуть от рук хайев, в которых он легким росчерком пера превращает парфян. Перед атакующим Морфиликом происходит чудесное превращение – его встречают уже не парфяне, а «именитые, храбрые мужи из поколения Хайка», которые убивают великана ударами копий, а войско его обращают в бегство (М.Х. Кн. 2, гл. 5).

VII-3. МАР АБАС КАТИНА

Пожалуй, после вышеприведенных сведений о невозможности извлечения каких-либо «книг» из архивов Ниневии, а также о том, что не могло быть никакого распоряжения Александра Македонского о переводе библиотеки Ашшурбанипала (причем всей библиотеки – судя по словам сочинителя) на греческий язык, поскольку Александр не мог видеть ее сквозь толщу земли, покрывающую руины Ниневии – образ Мар Абас Катина лишается смысла и содержания. Ведь основная роль, отводившаяся сочинителем этому образу, заключалась именно в том, чтобы а) – он послужил проводником для внедрения в текст фантазий автора об извлечении греческой «книги» из архивов Ниневии и б) – ссылки на «книгу» и нашедшего ее «сведущего мужа» Мар Абаса придавали фантазиям автора о прародителе хайев Хайке и его потомков оттенок историчности. Но, все-таки, следует остановиться на данном персонаже более детально, поскольку целый ряд разрушительных противоречий «армянской традиции» связан именно с его именем.

Есть такая древняя восточная притча о бронзовом идоле, который казался цельным, но в действительности был собран из нескольких фрагментов, подогнанных друг к другу. Все фраг-

менты были скреплены одним единственным маленьким гвоздиком, при удалении которого идол развалился на части.

Несмотря на мимолетную характеристику, данную автором сочинения образу Мар Абас Катины в короткой строке о «сирийнине», «любезнательном и сведущем муже» – данный персонаж является тем самым маленьким гвоздиком, которым скреплено все сочинение, ставшее идолом «армянской традиции».

Анализ образа Мар Абаса, проведенный многими специалистами, исследовавшими «Патмутюн хайотц» Хоренского, выявил вопиющие противоречия с момента внесения его имени в текст сочинения. В связи с тем, что именно через изобретенный образ Катины автор занес в свое произведение миф о Хайке и его потомках, ставший краеугольным камнем в основании всего сочинения, было бы достаточно остановиться на противоречиях, связанных с данным персонажем, чтобы поставить на «Историю» штамп «фальсификация». Как и в случае с бронзовым идолом, несостоятельность образа Мар Абаса означает разрушение всего произведения.

Несостоятельность образа проявляется непосредственно с имени, данного ему сочинителем – **Мар Абас**, в котором короткое слово «Мар» сразу же разрывает образ на части, превращая его в нереальную, хотя и преднамеренную выдумку автора.

Мар – это не просто имя, а своего рода уважительный титул из *арамейского (сирийского)* язы-

ка, означающий «отец» или «господин». Наличие этой приставки в начале имени Катины, казалось бы, подтверждает слова сочинителя о том, что «сведущий» и «разумный муж» был сирийцем. И с этим можно было бы согласиться, если бы не одно историческое обстоятельство, непреодолимым препятствием стоящее на пути авторского замысла. *Титул «Мар» (Отец/Господин), в качестве составной части имени, вошел в употребление лишь в христианскую эпоху...*

Использование титула «Мар» в начале имени возникло, как традиция сирийского христианства, когда это слово впервые стало появляться во главе имен священнослужителей, епископов и святых. Причем, в употребление вошел также вариант женского рода – «Март» – для использования перед женскими именами.

Но катастрофическим для сочинения обстоятельством является то, что Мар Абас Катина, по воле сочинителя «Истории хайев», оказался помещенным в дохристианскую эру – во II век до н. э. (140 – 150-е годы до Рождества Христова), став современником Арсака VII Фархада. *Сочинитель, использовав знакомую по своему времени приставку «Мар» для усиления «сирийской» легенды придуманного персонажа, проглядел то обстоятельство, что в качестве титула перед именем оно стало употребляться лишь с началом христианской эры.*

Едва только данное обстоятельство было выявлено в XIX веке исследователями «Патмутюн хайотц» Хоренского, скорая на выдумки «тради-

ция» преподнесла оправдательное объяснение, обретающееся и поныне в ее пределах, о том, что на самом деле Моисей использовал рукопись некоего Марабы (Марабаса) Мцурнийского, столь же мифического персонажа, как и сам Катина, но жившего, согласно «армянской традиции», в **IV** веке **новой** эры.

Мараве приписываются некоторые тексты по истории («истории» – в понимании «армянской традиции»), авторство которых на самом деле не установлено, в связи с чем, их называют «историей» от Анонима. Не погружаясь в обсуждение различий между именем Мцурнаци (Мцурнийский), и столь разительно отличающемся от него имени Катина, «армянская традиция» настаивает на том, что Мараб и есть тот человек, который нашел ту самую мифическую надпись, начертанную по приказу Валарсака на столбе (см. выше). Но только нашел он ее, якобы, не во дворце Валарсака, жившего во II веке до новой эры, а во дворце мифического правителя Санатрука (известного исключительно в пределах «традиции»), жившего в начале II века новой эры. И уже из записей этого Марабы о своей находке (по классическим канонам «армянской традиции» не существующим в оригинале, а лишь в недостоверных ссылках самой «традиции»), сделанных в IV веке новой эры Хоренский, якобы, и почерпнул всю ту пространную мифологию о богах и перволюдях, о Хайке, его приключениях и подвигах, о его потомках и их деяниях, о царствах Малой Азии и их правителях, о правителях

Хайастана и т.д. (Очевидно, в воображении «традиции» *мифический* столб, найденный *мифическим* Марабой в *мифических* развалинах дворца *мифического* Санатрука, был циклопических размеров, если на нем, по воле сочинителя, могла поместиться столь обширная *мифология*).

Таким образом, «традиция» попыталась найти объяснение тому, что человек, нашедший некие мифические тексты, действительно находился в христианской сфере и потому вполне по праву носил слово «Мар» перед своим именем. Однако данная ситуация напоминает известную поговорку о том, что извинение может оказаться хуже проступка. Дело в том, что, найдя «объяснение» появлению приставки «Мар» перед именем Катины, «традиция» не заметила, что подвергла сочинение и его автора еще более разрушительному удару. ***Ведь такая версия подтверждает факт преднамеренной фальсификации!***

Согласно этой версии «армянской традиции» получается, что Моисей, используя информацию, полученную от почти что современника, нашедшего текст на столбе, занес в свое сочинение заведомо фальшивую историю. Про то, как во II веке **до** Рождества Христова, во времена правления Арсака VII, по распоряжению его брата Валарсака, некий Мар Абас Катина отправился добывать из архивов Ниневии некую книгу, содержащую в переводе (сделанном по приказу самого Македонского) на греческий язык информацию из всей клинописной царской библиотеки правителей Ассирии. Причем вранье

получается двухслойным – ведь сочинительская вольница «армянской традиции» приписывает Мараве Мцурнийскому обнаружение *мифического* столба с колоссальным фрагментом «халдейской книги» в развалинах дворца, а Хоренский пишет, что Мар Абас отправляется в Ниневию, где *в архивах* обнаруживает *книгу* на греческом языке.

Есть и еще одна версия, муслируемая в среде защитников идеи о том, что слово «Мар» могло использоваться и до Рождества Христова. Она основана на том, что титул «Мар», помимо Мар Абаса Катины, встречается в имени еще одного мифического персонажа, помещенного «армянской традицией» в **дохристианскую** эпоху. Но, учитывая своеобразный алогизм, присущий аргументациям «традиции», несложно догадаться, где находится эта ссылка. Разумеется, здесь же! У этого же Хоренского, в этом же сочинении «История хайев», в книге 2-й, главе 30-й, в имени некоего правителя Мар–Ихаба. То есть, по мнению «традиции», если *этот же самый* автор использовал *в этом же самом* сочинении титул «Мар» (не употреблявшийся в именах арамейцев/сирийцев **до** Рождества Христова) не только в отношении Мар Абаса, но и еще кого-то – то это и есть свидетельство того, что титул «Мар» могли использовать в именах до новой эры... Похоже, логика «армянской традиции» никак не хочет уживаться со здравым смыслом.

Здесь уместно было бы обратиться и к мнению известного исследователя произведений

«армянской традиции» Григория Халатьянца: «Хоренский воспользовался апокрифическим отрывком Марабаса Мцурнийского (Анонима), составленным **едва ли ранее VII – VIII века**, и, дополнив его новыми, **столь же недостоверными подробностями**, переработал его по-своему и согласно своим целям» (Г. Халатьянц. *Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского*. Часть 1. Москва. 1896.).

Фальшивое повествование уничтожает не только самого Мар Абаса, подтверждая невозможность его существования во II веке до новой эры. Она превращает в обман и весь рассказ о Валарсаке, о его письме царю Арсаку VII, о командировке Катины в Ниневию, о греческой книге, о ее переводе на арамейский язык и т.д. по тексту.

Она также подтверждает, что откровенным обманом является и миф о Хайке и его потомках. Ведь согласно автору, миф оказался известен только сочинителю «Истории хайев» потому, что у него под рукой волшебным образом оказалась та самая, не существующая в природе, книга из руин Ниневи, найденная Катиной! (Которая, в полном соответствии с правилами сочинительства, присущими «армянской традиции», бесследно исчезает сразу же после завершения работы над «Патмутюн хайотц»).

Специфичной особенностью образа Катины является то, что в качестве стержневого элемента сочинения, вокруг которого выстраивается все повествование, он неприемлем ни по

одной из приведенных выше версий. Он невозможен ни по версии самого сочинителя, помещающего его во II веке до новой эры, ни по версиям, «оправдывающим» появление титула «Мар» перед именем Катины, и помещающим его в IV веке христианской эры (заключение авторитетного исследователя, приведенное выше, отодвигает его в еще более поздние времена, в VII – VIII века).

Более того, «оправдательная» версия обладает наибольшей разрушительной силой, раскрывающей не только надуманность образа Мар Абаса, но и превращающей все произведение в фольклорно-сказительное сочинение, не имеющее статуса и значимости исторического документа.

VIII. АНАХРОНИЗМЫ «ИСТОРИИ ХАЙЕВ» МОИСЕЯ ХОРЕНСКОГО

Анахронизм (от *ανά* – против и *χρόνος* – время) – означает внедрение в текст, сообщающий о событиях определенного периода времени, описания событий или явлений, в действительности происходивших в другое историческое время. В отношении сочинения Моисея Хоренского анахронизмами являются, в основном, сведения о событиях, которые в действительности происходили позднее (в некоторых случаях намного веков позднее) того времени, в котором, якобы, жил Хоренский и о которых он не мог иметь никакой информации. Копирование информации из произведений и документов, которые на самом деле возникли на много веков позднее времени жизни Хоренского, также относятся к анахронизмам. Наличие анахронизмов считается серьезным компрометирующим фактором, свидетельствующим о фальсификации произведения.

Никто из исследователей сочинения «Патмутюн хайотц» Хоренского не обошел стороной вопрос наличия в нем большого числа бесспорных анахронизмов, убедительно свидетельствующих о том, что ни само сочинение, ни создавший его автор не могли находиться в V веке.

Но далеко не все исследователи выделяли то очевидное обстоятельство, что анахронизмы свидетельствуют не только о том, что сочинитель «Патмутюн хайотц» (если таковой существовал) жил на несколько веков позже V столетия. Они явственно свидетельствуют о том, что все сочинение, предъявляемое «армянской традицией» в качестве единой монографии, написанной Моисеем Хоренским в V веке, является фальсификацией и обманом. Причем обман вступает в силу буквально с первых же строк сочинения, в которых автор представляется читателю, как Мовсес из Хорена.

*«Величайшее» из сочинений «армянской традиции» начинается **ложью** – обращением автора, Моисея Хоренского, **не** существовавшего в V веке, к якобы жившему в V веке Исааку Багратони (Сахаку Багратуни), как к своему современнику! И это лишь самый общий, лежащий на поверхности обман, который отчетливо высвечивается неопровержимым и неистребимым фактором анахронизмов.*

Мы приведем только некоторые из наиболее хорошо известных и неопровержимых анахронизмов, поскольку этого вполне достаточно, чтобы отразить сущность этого врожденного и неизлечимого порока всего сочинения, уничтожающего его не только как исторический документ, но лишаящего его какого бы то ни было доверия в целом.

– Автор «Истории», сочинявший свое произведение, согласно «традиции», в 440-450-е годы,

и сообщающий заведомо лживую информацию о том, что он является современником Багаратони и Месропа Маштоца, повествует о разделении географического региона римской империи «Армения» на четыре части. Это событие в действительности произошло во времена правления византийского императора Юстиниана I, в 536 году, т.е. без малого на 100 лет позже того времени, когда, по утверждению «традиции» Хоренский сочинял «Историю», и почти 50 лет после его смерти («традиция» упрямо предполагает, что Хоренский умер в 490 году, в то время, как анахронизмы сочинения неопровержимо подтверждают, что он вообще не существовал в V веке).

– Сочинитель «Истории» не мог существовать в V веке, поскольку в книге 3-й, главе 18-й, в неизменном сказительном стиле, словно рассказывая о народном предании, он повествует о том, как правитель империи Сасанидов персидский царь Шапук II, преследуя греческое войско, вторгся в Вифинию (Битинию), область на северо-западе Малой Азии, и «остался там на много месяцев». В действительности вторжение Сасанидов в эту область произошло в начале VII века, в 608 – 609 годах, т.е. по меньшей мере, на 160 лет позже того времени, когда Хоренский, якобы, сочинял свою «Историю» и 120 лет спустя *после его смерти*.

– Анахронизмы сочинения принимают иногда весьма причудливые формы, не только потому, что автор в непринужденном стиле сказочника повествует о событиях, происходивших

сотни лет спустя *после его смерти*, но и потому, что он забрасывает их во времена, произвольно выбранные собственной фантазией. Так, например, рассказывая о том, как парфянский правитель Валаршак во **II веке до новой эры** начинает обустраивать свои владения, сочинитель как о чем-то само собой разумеющемся, говорит о колонистах булгарах, поселившихся в пределах Малой Азии. Однако известно, что в действительности поселения булгар появились на севере Малой Азии в конце VI начале VII веков новой эры, т.е. спустя *200 лет после смерти Хоренского*.

– Аналогичный анахронизм проявляется и при упоминании автором нашествия хазар, перешедших реку Куру и вторгшихся в северо-восточные области Малой Азии. По аналогии с предыдущим примером сочинитель произвольно помещает это событие во II век, в то время, как из реальной истории известно, что подобные вторжения имели место лишь в VII веке, опять же спустя *200 лет после смерти Хоренского*.

– Некоторые анахронизмы отодвигают время существования предполагаемого сочинителя в еще более поздние времена, причем факт анахронизма сочетается с вопиющим дилетантством, свидетельствующим о том, что сочинитель «Истории хайев» не был историком. В качестве такого анахронизма выступает копирование хайского перевода латинского текста «Житие святого Сильвестра», автором которого является церковный историк Сократ (Сократ Схо-

ластик). Перевод существует в двух редакциях – более обширный перевод, называемый Большим Сократом, и сокращенная версия, относимая специалистами к самому концу VII столетия, называемая Малым Сократом. По единодушному мнению арменистов XIX и XX столетий сочинитель «Истории хайев» копировал строки из обеих версий, что, естественно, уже позволяет предположить, что трудился он как минимум в VIII веке (*300 лет после своей смерти*). Однако более углубленное исследование выявило, что из сохранившихся переводов «Жития святого Сильвестра» Хоренский почти дословно копировал текст одного из самых поздних пересказов Малого Сократа, сделанных на хайском языке в начале XI века. (The Date of Moses of Khoren. By F.C. Conybear. Byzantinische Zeitschrift, 10. 1901). *Таким образом, сочинитель использовал текст, написанный спустя примерно 600 лет после заявленного времени написания «истории» (в середине V века) и 550 лет после заявленной даты смерти Хоренского (в 490 году).*

Но в данном анахронизме ярко раскрывается еще одна характерная особенность (присущая «Истории хайев» в целом), позволяющая составить определенное представление о личности и компетентности самого сочинителя. Дело в том, что переводы на хайский язык текста «Жития святого Сильвестра», в той его части, которая касалась биографии императора Константина I Великого, были сделаны с произвольными искажениями и не соответствующими действительнос-

ти выдумками. По этой причине данные фрагменты переводов считаются не заслуживающими доверия и недостоверными, в связи с чем, историки, обращаясь к страницам из жизни императора Константина, избегают делать на них ссылки.

Но именно эти тексты, переполненные искажениями и неточностями, оказались скопированными Хоренским и занесенными в «Патмутюн хайотц». Это один из ярких примеров использования сочинителем источников, дискредитирующих его настолько, что они лишают его всяческого доверия, как историка и служат поводом для серьезных сомнений относительно ценности «Патмутюн хайотц», как исторического документа.

На анализе данного фрагмента следует остановиться более подробно еще и потому, что в нем ярко проявляются сразу несколько характерных особенностей отношения к истории со стороны «армянской традиции» в целом и «Истории хайев» в частности. Здесь присутствуют и анахронизм, и неистребимое противоречие, и грубое искажение истории, и сочинение вымышленных событий.

Существенное значение имеет то, что речь в нем идет об одной из самых значительных фигур в истории *христианства* – о римском императоре Константине I Великом (306 – 337 гг.). И на этом фоне напомним еще раз, что, согласно утверждениям «традиции», священник Моисей Хоренский в начале **400**-х годов был уже не прос-

то зрелым человеком, но и находился среди учеников великих *христианских* подвижников епископа Исаака Парфянина и Месропа Маштоца (т.е. в теснейшем контакте с единоверцами *и менее ста лет* после правления Константина Великого).

Достоверная информация об императоре Константине менее ста лет после его смерти была не просто известна и доступна для просвещенных людей того времени – образ Константина был окружен судьбоносной аурой, занимавшей одно из центральных позиций в мировоззрении христиан Малой Азии, среди которых был и Хоренский, и его учителя. Информация о нем **не** лежала где-то под руинами античной Ниневии, чтобы сочинять о ней небылицы и придумывать фантастические варианты ее обнаружения. Она находилась в свежих хрониках, летописях и церковных документах, написанных на рубеже **IV** и **V** столетий на греческом и латинском языках – при жизни самого Константина Великого и после его смерти.

Для *историка*, желавшего в **450**-е годы занести в свое произведение сведения о великом императоре Восточной Римской империи, покровителе христиан, не было никакой необходимости обращаться к третьесортным басням и, тем более, *преподносить этот полный искажений и выдумок текст своему хозяину – именитому главе княжеского рода Багратуни*, который наверняка знал о Константине Великом не меньше престарелого монаха Моисея.

Помимо очевидного факта анахронизма – что

означает использование Хоренским столь низкопробного и непригодного с точки зрения исторической достоверности источника, дискредитирующего, как само сочинение «История хайев», так и его автора?

На наш взгляд, занесение в труд подобного содержания объясняется тем, что человек, составивший «Историю хайев» из обрывков информации, извлеченной из многочисленных источников самого различного происхождения, не был историком и не разбирался в вопросах исторической достоверности тех или иных сведений, заполнив в итоге свое сочинение фольклорными преданиями и сказками. Вот почему сочинитель без разбора использовал и эту информацию, исполненную неправды, искажений и выдумок. Но критическое значение в данном случае имело то, в отношении **кого** она была использована. В отношении исторической личности, биография которой была прекрасно известна христианскому миру и информация о которой сохранялась в многочисленных исторических документах.

Кстати, это еще одно косвенное свидетельство в пользу того, что «Патмутюн хайотц» был скомпилирован в гораздо более поздние времена. Вряд ли подобное сочинение могло быть принято в семействе представителя местной элиты Исаака Багаратони в середине V века, когда свежа была еще память о великом императоре, так много сделавшем для ранних христианских общин и основавшем новую столицу Восточной

Римской (Византийской) империи, впоследствии получившую свое знаменитое название, в основе которого лежало его имя – Константинополь. Только в намного более поздние времена широкую аудиторию читателей можно было дезинформировать сведениями басенного характера, преподнося их как особые знания, которыми, якобы, мог обладать только он – «армянский Геродот» Хоренский.

Но обратимся непосредственно к тексту самого сочинителя «Истории», который в главе 83-й, книги 2-й сообщает об императоре Константине следующее: «В это самое время в Никомедии была свадьба Максимины, дочери Диоклетиана, с кесарем Константином, сыном Констанция, императора Римского. Этот последний родился не от дочери Максимиана, но от Елены блудницы. Константин знакомился с царем нашим Тиридатом на своей свадьбе. Несколько лет спустя умирает Констанций и Диоклетиан посылает на его место сына того же Констанция, им самим усыновленного Константина.

Этот государь, прежде своего воцарения, бывши еще кесарем, побежденный на битве, заснул в великой печали: тогда во сне представился ему звездный крест на небесах с надписью, гласящей: «Сим побеждай». Константин сделал это знамение и велел нести его впереди войска и победил неприятелей. Но после, обольщенный женой своей Максиминой, дочерью Диоклетиана, воздвиг гонение на церковь и многих предал мученической смерти. Вскоре его самого постиг-

ла эфантическая проказа, поразившая все его тело за дерзновенность: не могли исцелять его ни кудесники, ни врачи из племени Марсов; поэтому он отправил к Тиридату за персидскими и индийскими кудесниками, но и те не принесли ему никакой пользы. Тогда некоторые жрецы, по совету богов, приказали ему зарезать множество младенцев в ванне и для исцеления купаться в их теплой крови. Коснулись слуха Константина плачь младенцев и вопли матерей – он сжалился над ними и предпочел их спасение своему собственному. Бог воздаст ему за это: в сновидениях он получает приказание от апостолов очищаться омовением животворной купели через Сильвестра, римского епископа, от его же гонений скрывавшегося на горе Сорактионе».

Все сказанное в данной главе является грубейшим вымыслом, не имеющим ничего общего с реальной историей, но тем не менее, вымысел оказался источником, без колебаний использованным Хоренским, подписавшемся под собственным дилетантством и некомпетентностью. Но несмотря ни на что, «армянская традиция» очень дорожит этими никчемными, с точки зрения исторической науки, «материалами» и продолжает считать, что сочинение, исполненное подобных ляпсусов, является «главнейшим», «важнейшим» и «ценнейшим трудом» по хайской истории.

В реальной истории, хорошо известной христианскому миру, Константин I Великий не был сыном блудницы; он не был женат на дочери

Диоклетиана; его женой была Фауста, дочь Максимиана; свадьба с Фаустой состоялась не в Никомедии, а в Галлии, в 307 году; Констанций, отец Константина Великого правил в Галлии, а не в Риме; **Константин покровительствовал христианским общинам** и не устраивал гонений на церковь и на христиан; он не болел elephantической проказой; он принял христианское крещение перед самой смертью; крещение было принято не от римского папы Сильвестра, а от никомедийского епископа Евсевия, и т.д.

Но самой чудовищной частью лживого повествования является вымысел о теплой крови зарезанных младенцев, в которой должен был искупаться Константин, чтобы излечиться от болезни – и этот вымысел «армянский Геродот» Хоренский, без колебаний и зазрения совести, копирует из чьих-то вульгарных фантазий и домыслов и заносит в свое сочинение по «**истории хайев**».

Факт очевидного невежества, проявленного со стороны автора, которого «традиция» объявляет «крупнейшим средневековым историком», хорошо охарактеризован строкой из книги упомянутого выше историка–армениста Г. Халатьянца, считающего, что манипуляции с подобными вымыслами «никоим образом не могут оправдать армянского историка, который пользовался такими вздорными баснями...» (Халатьянц Г.А. Армянский эпос в Истории Армении Моисея Хоренского. Москва. 1896 г.).

Наряду с этим Хоренский демонстрирует

склонность к занесению в свое сочинение сведений из категории низкопробных сплетен. Бесмысленность подобных вкраплений в тексты сочинения, преподносимого как «история», очевидна, но их отличает, прежде всего, то, что сочинителю была свойственна порочная склонность к изобретению грязных клеветнических вымыслов. Так, сочинитель:

- называет мать императора Константина проституткой;

- представляет вавилонскую царицу Семирамиду развратной блудницей;

- называет Марка Антония «похотливым же-нолюбцем»;

- изобретает бредовую небылицу о том, как мать Ерванда (одного из центральных персонажей мифической историографии хайев) охваченная противоестественным вожделением, зачала его, спарившись с быком;

- называет императора Лициния «похотливым и грязным стариком»;

- посвящает целую главу тому, как некий неизвестный Трдат, «исполнившись похоти» на званом ужине, пристает к наложнице хозяина.

Если бы автор был бы историком, он вряд ли стал бы практиковать в своем труде изложение никчемного, для сочинения по истории вздора. Но стоит ли удивляться этому специфичному своеобразию «Патмутюн хайотц»? То, что целые главы сочинения оказались составленными, называя вещи своими именами, из самого низкопробного фольклорного хлама – вполне законо-

мерное явление, поскольку подобные измышления естественным образом и с легкостью находят себе место в текстах сочинителя, сведения от которого предваряются фразами «говорят, будто...» или же «до нас дошли слухи, что...».

Каждая новая глава переполняется новыми выдумками и фантазиями сочинителя, под неизменным сопровождением хронологических несуразиц. Так, с первых глав **книги 3-й**, сочинитель принимается за описание событий IV века, которые должны были составлять, по замыслу фальсификатора, «Заключение истории нашего (т.е. хайского – **А.И.**) отечества». Приводя текст некоего выдуманного письма, якобы написанного от имени хайской знати, сочинитель обращается к «господину императору самодержцу Констанцию» с просьбой не отдавать страну хайев «безбожникам персам» и прислать войска для того, «чтобы возвести на престол Хосрова, сына Трдата» (т.е. парфянина Хосрова III, сына парфянского правителя Тиридата III – которых сочинитель преобразовал в своих фантазиях в хайев) (Книга 3, гл. 5).

(Примечательная параллель с подстрекательскими письмами от хайских священников, проживавших в персидской империи, к Петру I в самом начале XVIII века с просьбой напасть на Персию и спасти хайский народ от угнетения со стороны персов).

Известно, что Хосров III, парфянин по происхождению, занял престол правителя Армении в **330** году, а император Констанций (сын Констан-

тина I Великого) стал «императором самодержцем», т.е. единоличным императором восточно-римской империи, **в 350 году** – 20 лет спустя после обретения Хосровом шахского титула.

Возможно, адвокаты фальсификаций могут сослаться на то обстоятельство, что Констанций **с 337-го по 340-й** год был императором Азии и Египта. Хотя даже эти даты не согласуются с хронологией, в которой Хосров и Констанций оказываются по воле сочинителя. Но все же не лишне будет отметить, что провинция римской империи, носившая название Азия или Азиана, охватывала западную и юго-западную часть современной Турции. Ее восточные границы не доходили до анатолийских высокогорий, носивших название Армения, и потому Констанций не мог посылать туда в 330 году римские войска и сажать на трон царевичей. Не говоря уже о том, что на самом деле Хосров III занял престол за 20 лет до того, как Констанций стал «императором самодержцем» **в 350 году**.

Но, по сценарию фальсификатора, в ответ на вымышленное послание хайев «Констанций согласился с этим и отправил распорядителя своего двора Антиоха с большим войском, с порфирой и венцом». Констанций, якобы, даже отправил письмо хайам, в котором написал: «Я послал вам на помощь войско с повелением поставить царем над вами Хосрова, сына вашего царя Трдата, дабы вы, утвердившись в добром порядке, верно служили мне» (Книга 3, гл. 5).

По причине низкого роста Хосров III носил

тюркское прозвище «Гедак» (Малый). Повествуя **в 8-й главе книги 3-й** «О царствовании Хосрова Малого», сочинитель, отвергающий хронологию, сообщает, что «Хосров воцарился в третьем году правления персидского царя Ормизда и в восьмом году самодержца Констанция». Но если персидский шахиншах Ормизд правил **с 302 по 309 год**, то слова Хоренского «в третьем году» означают, что Хосров пришел к власти **в 305 году**. Одновременно с этим слова фальсификатора «на восьмом году самодержца Констанция» означают, что Хосров занял царский престол **в 358 году!** Нет необходимости комментировать эту нелепость дальше.

Сочинитель продолжает свое «творчество» в том же духе, создавая все новые хронологические небылицы. В **главе 11-й книги 3-й** он сообщает о том, как «в семнадцатом году своего самодержавного правления Констанций Август, сын Константина, назначает Тирана, сына Хосрова, царем и посылает его в Армению». Временная последовательность вновь превращается в хаос, поскольку «в семнадцатом году» правления Констанция означает, что царствование упомянутого Тирана (Тигирана VII) началось **в 367 году**, в то время как в действительности Тиран был назначен на правление римской властью **в 339 году**.

Правление Тирана *прекращается* в 350 году (когда Констанций только становится императором самодержцем), но сочинитель переkreщивает время его царствования с временем правле-

ния римского императора Юлиана Апостата (Отступника), занимавшего императорский престол с **361 по 363 г.** Он заявляет, что когда «над греками (т.е. римлянами – **А.И.**) воцарился нечестивый Юлиан» Тиран начинает оказывать ему содействие в войне с персами.

По замыслу сочинителя, когда Юлиан выступает против персов «Тиран, спустившись навстречу Юлиану, напал на персидское войско и прогнал его и, оказав содействие нечестивому Юлиану, дал ему возможность переправиться с многочисленной конницей, за что удостоился от него больших почестей» (Книга 3, гл. 13). Так фальсификатор, в который раз создавая хронологические нелепости ради выдуманных в своих интересах событий, пытается представить хаев участниками исторических событий в регионе и, в данном эпизоде, **организаторами** успехов римлян в их борьбе с персами.

Несколькими главами ниже, в той же **книге 3-й**, продолжая наращивать страницы поддельной «истории», сочинитель добирается до времен императора Феодосия I Великого (**379 – 395 г.**) и сообщает о том, как Феодосий «возводит на престол Папа и предоставляет ему большое войско под начальством храброго стрателата Теренция». Но известно, что Пап, сын Арсака II, римского ставленника, правившего в Армении с 351 по 367 год стал единоличным правителем после смерти своего отца **в 367 году** (считается так же, что он участвовал в правлении наравне со своим отцом, начиная с 353 года). Более того, Пап был **убит** в

374 году и поэтому очевидно, что император Феодосий, взошедший на престол в 379 году не мог назначать Папа на царство.

Однако в «Патмутюн» все происходит так, как желает сам фальсификатор – ведь главная задача заключалась не в том, чтобы в точности восстанавливать хронологию событий прошлого, а в том, чтобы используя имена известных в истории людей, сочинять вокруг них множество выдуманных событий, из которых должна складываться «история хайев».

Далее сочинитель превращает в современников сыновей императора Феодосия и правителя Арсака III, сына того самого Папа. Сыновья императора Феодосия Великого заняли императорский престол после смерти своего отца **в 395 году**. Гонорий в западной части империи и Аркадий в восточной части (Византии). Но Аршак III правил с 387 по 389 год, причем **в 389 году он уже умер** (за 6 лет до прихода к власти Гонория и Аркадия). Но Хоренский совмещает несовместимое и сочиняет «историю» правления Арсака в одно время с сыновьями Феодосия, сопровождая текст неизменными вкраплениями хайских имен и топонимов.

Похоже, что «великий историк», за редкими исключениями, не может привести в своем сочинении ни одной точной даты, хотя в одной из глав книги 2-й высокопарно заявляет, что «без хронологии нет подлинной истории».

Но зачем фальсификатору нужно было в таком большом количестве совершать эти абсурдные хронологические искажения? На наш взгляд

это происходило, скорее, непреднамеренно, а в связи с тем, что сочинитель, находившийся во власти собственного воображения, был озабочен одной всепоглощающей страстью – хайезировать историю региона. Ему предстояло заполнить свое сочинение обилием выдуманных событий, в которых во главе всего происходящего должны были стоять хайи и звучать их этнонимы. В конечном итоге, сочинение должно было сформировать впечатление перманентного присутствия и доминирования хайев в регионе.

С этой целью в качестве опорного элемента для построения выдуманных сюжетов поддельной истории фальсификатор использовал имена реальных исторических личностей. При этом важным для него были именно имена, а не их точное расположение на хронологическом векторе. Создавая, таким образом, из исторических элементов опорные точки, он формировал вокруг них свои вымыслы, полные этнического самоназвания.

Но несмотря на все перечисленные выше абсурдные датировки событий и хронологические нелепости (многие из них не были затронуты в настоящей работе), которыми изобилует фальсифицированная «история хайев», в пределах «армянской традиции» настойчиво муссируется мнение о том, что отличительной особенностью сочинения «хайского Геродота» является... хронологическая «точность». No comments.

Справедливости ради следует отметить, что сочинитель все-таки сумел, сам того не желая,

отразить своеобразие политических процессов, происходивших в восточной Анатолии в начале христианской эры и раннем средневековье. Не ставя изначально перед собой такой задачи, Хоренский непроизвольно раскрывает специфику монархического правления в регионе «Армения».

Она проявляется в том, что в периоды, когда регион оказывался под властью римской империи, на царские престолы римской властью назначались царевичи, происходившие из древних парфянских родов и сотрудничавшие с Римом (часто вывезенные в Рим в младенчестве или юности и выращенные в римских традициях). Точно так же, в периоды, когда регион оказывался под влиянием Сасанидской Персии, правителями назначались царевичи, происходившие из тех же парфянских родов, но сохранявшие лояльность шахиншахам Персии, с которыми их связывало древнее кровное родство. Именно эта особенность смены политической власти на протяжении определенного исторического периода можно достаточно отчетливо проследить по текстам сочинителя.

Расследование алогизмов и абсурда, содержащихся в текстах фальсификации, можно продолжать бесконечно, **но факт следующего анахронизма занимает поистине выдающееся положение и поэтому информация, приведенная ниже, требует внимательного прочтения:**

Известный исследователь истории Армении и ранней армянской литературы, ученый с миро-

вым именем Роберт Томсон, говоря об использовании в «Истории хайев» текстов, сюжетов и образов, в большом количестве скопированных из греческих и латинских источников, особо отмечает обращение Хоренского к трудам Иосифа Флавия, и, в частности, пишет следующее:

«Повествование об Александре (Иосифа Флавия об Александре Македонском – **А.И.**) служило Моисею Хоренскому в качестве литературного источника в том смысле, что он брал оттуда целые отрывки для использования с описательной целью. Но несколько иным было его использование «Иудейской войны» Иосифа, поскольку здесь он адаптирует отрывки, которые в оригинале не имели никакого отношения к Армении и превращает их в ссылки на предполагаемые эпизоды армянской истории.

*Единственный сохранившийся армянский перевод «войн» Иосифа был сделан в 1660 г. Стефаном Львовским с латинской версии. Он был напечатан в 1787 г. в Стамбуле. Однако, Конибер был несомненно прав, рассматривая его не как новейший перевод, но как ревизию раннего перевода, **сделанного ранее времени Моисея. Дословные параллели между этим печатным текстом** и Мовсесом настолько многочисленны, настолько точны и местами настолько обширны, что просто немыслимо, чтобы перевод с латыни мог предоставить подобные параллели случайно» (History of the Armenians, Moses Khorenats' i. Translation and commentary on the Literary Sources by Robert W. Thomson. USA. 2006).*

Несомненно, беспристрастный ученый был искренне удивлен сходством многочисленных и обширных фрагментов печатного текста из армянского перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия, изданного в Стамбуле в 1787 году с фрагментами «Истории хайев» Хоренского, настойчиво уносимой «армянской традицией» в V век. Отгоняя мысль о вероятности столь шокирующе поздней даты возникновения работы Хоренского, Томсон спешит отстраниться от этого пугающего открытия и выразить согласие с мнением знаменитого британского ориенталиста Френсиса Конибера (1856 – 1924 гг.), также долгое время изучавшего сочинения Моисея Хоренского.

А мнение британского ученого заключалось в том, что не сумев объяснить столь поразительное сходство текстов «Патмутюн» Хоренского с текстом Стамбульского издания 1787 года, а также сторонясь мысли о том, что компиляция «История хайев» могла быть совершена в XVII– XVIII веках, *он был вынужден выдвинуть предположение о том, что в начале V века, до того как Моисей начал работать над «Патмуцюн хайотц», кем-то неизвестным, возможно, была проделана огромная работа по переводу сотен страниц «Иудейской войны» с латинского оригинала на хайский язык.*

Однако подобное предположение абсолютно не выдерживает критики. Как уже отмечалось выше, поскольку «армянская традиция» настаивает на том, что сочинение Хоренского появилось в 460 году, предположительный «некто»

должен был бы сделать подобный перевод еще раньше середины V века.

То есть, едва только хайский алфавит (изобретенный на основе знаков эфиопского, арамейского и греческого письма) стал использоваться для переводов Священного Писания на хайский язык (на этом настаивает сама «традиция»: на хайский язык с использованием нового алфавита по распоряжению Маштоца и Исаака Парфянина стали переводиться только Священные Писания и религиозные тексты) в ограниченной среде церковников монофизитов на западной окраине персидской империи Сасанидов – кто-то из хайских священников сразу же должен был бы приступить к переводу огромного многокнижного латинского текста «Иудеяской войны» на хайский язык. Причем перевод этот, следуя данному предположению, *должен был бы сразу же появиться в том совершенном виде, в каком он вышел из Стамбульской типографии в 1787 году* – ведь Моисей копировал именно такой текст!

Разумеется, ввиду абсолютной гипотетичности данного предположения и полного отсутствия какой-либо информации о *подобном* переводе в начале V века следовало в обязательном порядке тут же выдвинуть и версию о его бесследном исчезновении – что и было сделано Френсисом Конибером.

Помимо этого, известно также, что письменный хайский далеко не сразу приобрел тот вид, в котором он вошел в первые печатные издания

XVII- XVIII столетий. Как новая письменная система, он развивался и совершенствовался на протяжении средних веков, что признается всеми исследователями хайской письменности. Иными словами, если предположить невероятное и допустить, что кто-то сделал перевод «Иудейской войны» Флавия на хайский язык в самом начале V века, а Хоренский, получивший заказ на составление родословной истории еврейского клана в 450-е годы, копировал текст перевода, сделанного где-то в 420-х годах – то должно было бы наблюдаться заметное различие с языком текста Стефана Львовского, переведившего латинский текст Флавия в 1660 году.

Однако текст Моисея, якобы, писавшего в середине V века, совпадает в точности с переводом на хайский язык латинского текста «Иудейской войны», сделанного в середине XVII века!

Но пытаюсь как-то увязать *невероятное появление типографского текста XVIII века в сочинении, относимом по «традиции» к V веку*, Конибер был вынужден предположить, что столь совершенный перевод, идентичный типографскому изданию XVIII века, уже был сделан кем-то неизвестным в начале V века, поскольку только при наличии такого, более раннего хайского перевода «Иудейской войны» Хоренский смог бы скопировать из него упомянутые Робертом Томсоном выше «многочисленные и обширные фрагменты».

Вряд ли столь серьезный исследователь, как

Конибер, сам верил в это, сделанное по необходимости, предположение – просто у него не было выбора. В противном случае ему пришлось бы войти в серьезнейшее противоречие с «армянской традицией» и стать инициатором разрушения фундамента хайской историографии, ставшей знаменем в руках христианского мира, активно вовлеченного в процесс уничтожения Османской империи.

Даже Роберт Томсон, научная деятельность которого началась полвека спустя, в 1970-е годы, раскрывавший со скрупулезностью истинного ученого все тонкости стилистики и фонетики хайских рукописей, варьировавшие в процессе исторической эволюции, не стал углубляться в расследование столь тяжелой улики, бьющей по самым основам «армянской традиции», решив не рисковать карьерой и ограничиться короткой ссылкой на Френсиса Конибера, выразив согласие с его мнением.

Следует вкратце остановиться так же и на мнении, циркулирующем в пределах «армянской традиции» о том, что все анахронизмы сочинения Хоренского являются поздними интерполяциями, т.е. добавлениями к тексту, сделанными *различными* манипуляторами в *различные*, более поздние времена, и что при этом само сочинение все-таки следует относить к V веку. Но как это обычно происходит в случаях с аргументами «армянской традиции», данное мнение с момента его оглашения сразу же вступило в характерное непримиримое противоре-

чие с *собственными* заверениями «традиции» о том, что отличительной чертой сочинения является «неповторимый» и «красочный» авторский стиль, пронизывающий его от первой до последней строки. По мнению «традиции» – это убедительное свидетельство того, что все произведение является продуктом одного единственного сочинителя. Именно таков аргумент защитников идеи о том, что сочинение было написано непременно в V веке, самим Хоренским, без постороннего вмешательства. Апологеты данной точки зрения попросту игнорируют факт наличия в сочинении разрушительной патологии анахронизмов и абсурдной хронологии изобретенных событий.

Но проблема в том, что «ценность» и «значимость» сочинения Хоренского для «армянской традиции» заключается именно в том нагромождении измышлений, абсурда, подлогов и фальсификаций, из которых была некогда сфабрикована «История хайев» и которые были заложены в основание всего построения хайской националистической историографии и идеологии.

Особый акцент в программе хайезирования истории региона и приватизации прошлого населяющих его коренных народов, был сделан на период парфянского владычества. Династическая история правящих домов парфянских шахиншахов, царствовавших на пространстве обширного горного региона восточной Анатолии и окружающих террито-

рий, во всех ее пересечениях с периодами греческого, римского и персидского владычества, методом грубых подлогов и искажений была переделана в историю хайев.

Через это подложное сочинение, построенное на лжи и фальсификациях, «армянская традиция» на протяжении вот уже веков пытается навязать мировой исторической науке свое, узко-национальное видение истории. В эту же фальсификацию уходит корнями крайне националистическая идеология, десятилетиями настойчиво внедрявшаяся в сознание всех возрастных и социальных слоев хайских общин, где бы они ни обитали.

Из нее же произрастает и самовнушение, переросшее в радикальный национализм, о непревзойденной древности и богоизбранности хайев, дающей им право на вытеснение и истребление коренных народов Анатолии, Ирана, Кавказа, России и оправдывающее все кровавые преступления, свершенные и совершаемые против человечности методами тщательно подготовленного и хорошо организованного вооруженного террора.

IX. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ГЛАВА:

Описание Сталинградского сражения Второй мировой войны (1942 г.) с использованием сочинительской «методики» Хоренского

1. Восхождение нашего Ахпарета на царство. Начало войны Адольфа с Иосифом

Говорят, что в те дни в Хайастане воцарился Ахпарет. Это в его время пришел с запада Адольф со своей огромной армией и начал войну со страной Иосифа. Услышали мы от знающих людей, что войско Иосифа потерпело вначале поражение, но Иосиф собрал воинов со всех концов своего царства и снова выступил против Адольфа. Когда силы Иосифа стали слабеть, на помощь ему подоспел Ахпарет со своими войсками, в которых были хайские храбрецы со всех нахарарств Хайастана и не было им числа. Только жители Бзндека, что на другой стороне моря Гирканского, не откликнулись на зов своего правителя. Они были не из храбрых людей, но мы не будем здесь говорить о недостойных, не проси меня об этом.

2. Как был пленен Фриц, брат Адольфа. Месолин посылает на помощь Адольфу

войско, которое истребляет наш Прнабаз

Смело вступили в сражение с Адольфом хайские воины и остановили его возле Мсковы, где находился дворец Иосифа. Сам Ахпарет убил в сражении двух генералов, а его младший сын по имени Смбат захватил в плен брата Адольфа, которого звали Фриц и привез его во дворец Иосифа. В это время в Риме воцарился Дуч Месолин, который был в согласии с Адольфом и который отправил к нему войско. Это им навстречу вышел наш Прнабаз, муж невероятной силы и огромного роста, с небольшим отрядом и перебил всех воинов Месолина на понтийском берегу, никто из них не сумел спастись.

Рассказывают, будто случилось это в те самые дни, когда Аштовик построил новый храм на берегу озера Вашрабан, что находится за горами Дозгавир. Это те самые горы, которые болгары называют Карпат. Говорим же мы об этом для того, чтобы ты знал, что двумя годами ранее этого события Чирчелис, правитель Бертунии подарил Гамраку, брату Ахпарета, остров Врагцан, который греки называют Критос, за то, что он, захватив города в Индии, склонил к миру их правителя.

3. Павлюс, полководец Адольфа, встречается с хайским войском.

О том, как возник Хчапаракан в Спанике

Адольф же в это время отправил армию на юг, чтобы напасть на город Иосифа возле большой

реки Булга. Но Ахпарет догадался об этом и выслал им навстречу всех своих конников во главе со своим старшим сыном Гдунцом. Когда войска Адольфа, которыми командовал Павлюс, подошли к реке они уже издалека увидели грозное войско хайев, стоявшее подобно черной туче. Был в войске у Гдунца хороший стрелок по имени Зргеж, который был родом из Чбнака, из славного семейства Кпртуни, что владело всеми землями между морями. С большого расстояния выстрелил Зргеж из своего ружья и попал в шапку Павлюса. И воскликнул тогда Павлюс: «Горе нам! Если все воины в этом войске стреляют так, то не выиграть нам сражения!»

Говорят, что в эти же дни жил некий юноша по имени Ервадзен. Он женился на младшей дочери сестры правителя страны Спаник, которая была замужем за нашим Хчапаром, сыном двоюродного дяди Ахпарета, того самого, который посадил там леса и виноградники, повернул реки в пустыню и покрыл ее садами и цветниками. Он переселил туда часть семейства Кпртуни и Гдунцуни, которые стали называть эту землю по его имени Хчапараканом, хотя в Спанике ее иногда называют Андалуза.

4. Поражение Павлюса.

Договор Иосифа и Ахпарета о новых землях

Армия Адольфа начала стрелять из пушек по городу Иосифа, и тогда Павлюс приказал своим войскам наступать. Но в это время Гдунц неожи-

данно напал на Павлюса сбоку и перебил половину его воинов. Армия Иосифа, увидев такое, воспрянула духом и тоже напала на войско Адольфа и погнала его перед собой. Тогда же храбрецы Мжан и Хрчен из рода Елдакуни, что прославился победой над царем франков Напленом Бонпаром, убив его возле реки Дунай, связали Павлюса и захватив в плен всех его генералов и слуг, со всем их оружием и знаменами, повезли их во дворец Иосифа, что в Мскове. Увидел Иосиф подвиги хайев и велел наградить всех их полководцев и воинов, а с самим Ахпаретом заключил договор, что все земли Прнжеха и Мзгвадуна, что находятся вокруг горы Тбрцог, которую другие называют Урал, отныне принадлежат Хайастану.

Если, по примеру «армянской традиции», настаивать на том, что описанное выше следует воспринимать, как историческую информацию, то ее анализ может привести к шокирующим результатам. Окажется:

– что в обороне Москвы решающую роль сыграли хайские войска, присланные неким Ахпаретом, правителем Хайастана, которые и остановили дальнейшее продвижение гитлеровских войск и спасли столицу Советского Союза,

– что за Гирканским (Каспийским) морем находилась некая область Бзндек, которая подчи-

нялась правителю Хайастана,

– что у Адольфа Гитлера был брат по имени Фриц, который был пленен под Москвой Смба-том, младшим сыном Ахпарета и доставлен к Иосифу Сталину,

– что Муссолини (Дуче) отправил войско на помощь немцам, но оно было встречено хайским отрядом на берегу Черного моря и полностью уничтожено,

– что Карпатские горы называются Дозгавир, а за ними, на берегу какого-то озера Вашрабан стоит хайский храм (местонахождение такого храма можно экстраполировать на территории Румынии, Венгрии, Словакии),

– что остров Крит называется Врагцан, и что он был подарен премьер министром Британии Черчиллем некоему Гамраку, брату правителя Хайастана (соответственно, добавляя версию о том, что о. Крит в 1940 году владела Британия),

– что этот Гамрак, оказывается, захватывал в 1930-е годы города в Индии, чем склонил эту страну к миру с Британией,

– что Андалузия в Испании на самом деле называется Хчапараканом и заселена хайами из родов Кпртунни и Гдунцуни,

– что дивизии под командованием генерала Паулюса были разгромлены под Сталинградом Гдунцом, старшим сыном Ахпарета, правителя Хайастана,

– что немецкий генерал Паулюс со всем командным составом был взят в плен хайами по имени Мжан и Хрчен и отвезен в Москву к Сталину,

– что Наполеон Бонапарт, оказывается, не умер на острове Св. Елены, вопреки известной истории, а был убит возле реки Дунай хайами из рода Елдакуни,

– что, наконец, Иосиф Сталин в благодарность хайам за разгром гитлеровских войск подарил Хайастану громадные территории вокруг Уральских гор.

– и т.д. и т.п.

Исходя из перечисленных выше выводов, можно заносить в анналы «традиционной» истории новые главы о **несуществовавших** в природе хайских родах, о **никогда не**происходивших событиях и **несуществовавших** прежде географических сведениях. Создавая новую историю в интересах некоей «традиции», можно выстраивать цепь фиктивных событий и сочинять глубокомысленные «теории» относительно обоснованности претензий на земли всех вовлеченных в фальсификацию стран и территорий.

Вот так, применяя сочинительскую методику фальсификаторов, создавших «Патмутюн хайотц», всего в нескольких коротких главах, якобы, посвященных знаменитым историческим событиям, можно изобрести множество эпизодов подложной «истории» с далеко идущими последствиями.

Именно по такой «технологии» фабриковалась фиктивная «история хайев», которая по настоящее время лежит в основе национальной хайской историографии.

Х. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог вышесказанному относительно неприемлемости суждений хайской, традиционно-национальной историографии об «уникальной исторической значимости» этого сочинения, а также утверждений «традиции» о том, что сочинитель «Патмутюн хайотц» жил в середине V века, необходимо выделить несколько основных выводов в отношении фундаментальных положений, на базе которых построено все сочинение.

На основе всех перечисленных противоречий и анахронизмов, часть из которых была приведена выше в данной работе, специалисты арменистики пришли к единодушному заключению о том, что точное время составления компиляции «История хайев» все еще не может быть названо с достоверностью. Но существенная часть этого мнения заключается в убеждении, что сочинитель «Истории хайев» не мог жить в V веке.

При этом становится очевидным, что приведенные ниже выводы свидетельствуют об отсутствии фундамента под искусственными построениями, воздвигнутыми в пристрастном воображении сочинителя (или сочинителей) и представ-

ленными под названием «История хайев». Это в свою очередь означает полную дискредитацию и разрушение искусственно созданного «армянской традицией» образа «значительного исторического» произведения, равно как и надуманного образа его автора, наделяемого в пределах «традиции» напыщенным титулом «армянского Геродота».

Тот факт, что автор «Истории хайев» на самом деле жил на несколько столетий позже V века свидетельствует о том, что откровенной ложью являются следующие заявления сочинителя:

1. о том, что он был учеником и современником Месропа Маштоца и Исаака Парфянина (Сахака Партева);
2. о том, что по поручению Месропа Маштоца и Исаака Парфянина он совершил путешествие в Александрию, Грецию и Италию, с целью изучения Священного Писания и, вернувшись много лет спустя обнаружил, что его учителя давно умерли;
3. о том, что он был современником Исаака Багаратони;
4. о том, что он трудился в V веке над составлением родословия Исаака Багаратони (сочинив попутно «Историю хайев»);
5. о том, что в V веке он собирал информацию из «утерянных» трудов мифического сирийца Мар Абас Катины.

Тот факт, что главный ссылочный персонаж сочинения Мар Абас Катина и проведенное им «исследование» архивов Ниневии являются вымыслом, свидетельствует о лживости следующих утверждений сочинителя:

6. о том, что правитель Парфии Арсак VII располагал архивами Ниневии;

7. о том, что парфянские правители поручили Катине разыскать в архивах Ниневии историю хайского народа;

8. о том, что Александр Македонский лично созерцал клинописную царскую библиотеку в столице Ассирии и приказал перевести ее (всю!) на греческий язык;

9. о том, что Катина нашел в архивах Ниневии книгу Македонского на греческом языке (заодно и на арамейском);

10. о том, что из **несуществовавшей** книги Катина извлек историю хайского народа;

11. о том, что в **несуществовавшей** книге Катина нашел предание о прародителе хайского народа Хайке и его потомках;

12. о том, что из **несуществовавшей** книги были извлечены десятки имен хайских правителей и их потомков.

Необходимо также отметить, что факт фальсификации «основного» труда «отца истории» хайев автоматически требует пересмотра статуса и других работ хайских авторов, в произведениях которых не только есть ссылки на это сочинение, но которые нередко основаны на нем.

Но уже очевидно, что разрушение краеугольного камня в основании всей хайской историографии, каковым является для «армянской традиции» сочинение «Патмутюн хайотц» Моисея Хоренского, означает коллапс всего беспрецедентного по масштабам искусственного сооружения, построенного из плагиата и вымыслов, скрепленных смесью фальсификаций и обмана.

Если «армянская традиция» преподносит это сочинение, как свидетельство о рождении хайской исторической школы, то подобное утверждение лишь подтверждает факт проникновения «традиции» в историческую науку с фальшивыми метрическими документами.

Игнорируя чудовищную абсурдность измышлений Хоренского, представители «традиции» выборочно и с особым усердием акцентируют внимание на том, что он упоминает имена реально существовавших царей или императоров и, якобы, «с большой точностью» указывает времена их правления. Не говоря уже о том, что утверждения о «большой точности» весьма сомнительны – разве упоминание имен и времени правления тех или иных персонажей истории может быть поводом для принятия фантазий фальсификатора в качестве исторической информации?

Представьте следующую ситуацию – некий сочинитель сообщает, что когда в 1812 году началась война между Францией и Россией болгары вторглись в Норвегию, а затем в союзе с башкирами завоевали всю Европу. Стороны, заинтере-

сованные (по политическим, конфессиональным или этническим причинам) в поддержке этого фантастического вымысла будут ссылаться на то, что он имеет право на существование, поскольку в нем упоминается война Франции с Россией, которая действительно имела место в упомянутом году. Но как же насчет остального? Вряд ли упоминание франко-российской войны 1812 года может стать основанием для того, чтобы ученые приняли вымыслы чьей-то национальной «традиции» за исторические сведения.

Случай с «армянской традицией» является ярким примером того, к каким трагическим последствиям может привести проникновение националистических фальсификаций в историческую науку. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением представителей национально-традиционного подхода к истории о том, что сочинение Хоренского сыграло судьбоносную роль в формировании хайского национального самосознания. Это действительно так и об этом с несомненной очевидностью свидетельствует доведенная до общенациональной паранойи идея «Великого Хайстана», у самых истоков которой стоит сфальсифицированное сочинение Моисея Хоренского «Патмутюн хайотц».

Это сочинение было составлено спустя многие века после 450-х годов, изобретенных «традицией», что вынужденно признается самими приверженцами национально-традиционного подхода к истории, пытающимися

прикрыть абсурд анахронизмов и выдумок спекуляциями о, якобы, неизвестно кем и неизвестно когда внесенных интерполяциях.

Но беда «традиции» в том, что факт позднего составления текстов сочинения (вплоть до шокирующего XVIII столетия) уничтожает легенду «величайшего» труда, якобы, написанного одной рукой одного человека в одной временной точке. Этот факт испаряет так же и выдуманный образ старца, сочиняющего родословие еврейской семьи и терзаемого печалью об утраченном Хайастане.

В свете позднего составления «истории хайев» уже не вызывает удивления и тот факт, что существующая сегодня и многократно перепечатанная «История хайев» Хоренского впервые появилась на свет из амстердамской типографии в 1695 году *при полном отсутствии оригинальных рукописей предполагаемого автора на протяжении 1200 лет!* Очевидно, что в подобных обстоятельствах не может быть и речи об аутентичности сочинения, компиляция которого была завершена в середине XVII столетия, непосредственно перед его изданием в 1695 году.

Если предположить, что все анахронизмы охватывающие события, происходившие после смерти Хоренского (в заявленном «традицией» 490 году) являются поздними интерполяциями, то учитывая их многочисленность можно прийти к заключению, что в таком случае изначальная версия должна была выглядеть очень не-

большим сочинением – ведь значительная часть информации в нем составлена именно из сведений, выстроенных вокруг очевидных анахронизмов.

«История», сложенная из нагромождения плагиата, из абсурдной и противоречивой информации, первоисточники которой были представлены различными литературными произведениями – самим своим существованием подтверждает, что она создавалась спешно, в условиях некоей срочной необходимости, когда не оставалось времени на более тщательную и скрупулезную доработку фабрикуемых подложных материалов.

Еще одним свидетельством фактора ограниченности времени в период рукописного составления текстов сочинения *в относительно недавнем прошлом* является то, что автор использовал хайские переводы известных греческих, сирийских и латинских источников, которые создавались во времена намного позднее заявленного «традицией» V века и уже успели накопиться в церковных библиотеках к концу XVI века.

Работавшие над фальсификацией люди были, несомненно, церковниками, имевшими доступ к богатым церковным архивам и библиотекам, предоставлявшим обильную информацию религиозного и исторического характера. Это были, несомненно, начитанные люди, движимые срочностью и неотложностью задачи по созданию не существовавшей прежде истории народа «хай». Для скорого достижения цели использовались

не только литературные, но и любые источники и сведения, включая сказки, слухи и сплетни.

«Работа», по всей очевидности, была завершена непосредственно перед ее типографским изданием в 1695 году. Учитывая это обстоятельство, а также недоработанность текстов на фоне массивного проникновения в них бесчисленных неточностей, ошибок и анахронизмов (что могло произойти в результате поспешного составления сочинения) - можно прийти к заключению, что компиляция поддельного сочинения была завершена во второй половине XVII века.

ХІ. БИБЛІОГРАФІЯ

1. Н.О. Эмин. История Армении Моисея Хоренского. Издания 1858 и 1893 годов. Москва. (Перевод на русский).
2. Г.Х. Саркисян. Мовсес Хоренаци. История Армении. Ереван. 1990 г. (Перевод на русский).
3. Г. Халатьянц. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского. Москва. 1903.
4. Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика, написанная учеником его, вардапетом Корюном. Пер. с древнеармянского Ш.В. Смбацяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. Москва, 1962.
5. R.W. Thomson. Moses Khorenats' i. History of the Armenians. Harvard. 2006. (Пересмотренное издание. Перевод на английский с комментариями).
6. Golamreza F. Assar. Moses of Khorene and the early Parthian chronology. Electrum. Greek and Hellenistic studies. V. 11. Krakow. 2006.
7. Golamreza F. Assar. A revised Parthian chronology of the period 91-955 BC. Italy. Pisa. 2006.
8. Parvaneh Pourshariati. Decline and Fall of the Sasanian Empire. New York. 2008.

9. R. James Ferguson. Rome and Parthia: Power politics and diplomacy across cultural frontiers. 2005.
10. Adolf Harnack. The Mission and Expansion of Christianity in the First Three Centuries. 1908.
11. Amir Harrak. The Ancient Name of Edessa. University of Toronto. 1992.
12. Ризван Гусейнов. История подлогов и фальсификаций: Критика французского ориенталиста Ж.Сен-Мартена армянских первоисточников и рукописей. 2012.
13. Ризван Гусейнов. Анализ средневекового армянского источника по истории Кавказа в трудах французского исследователя А.-Ж. Сен-Мартена. Журнал Кавказ и Глобализация. Том 8. Выпуск 1-2, 2014 г.
14. А. Исламов. Какое отношение имеют «хайи» к Армении или о правах на наследие Урарту.
15. А. Исламов. Топоним Армения и народ хайк: истоки фальсификаций. Институт по правам человека НАНА. Баку, 2014.
16. Е.Н. Мещерская. Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М., Присцельс, 1997.
17. Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов. Учение Аддая апостола. *Перевод по тексту сирийской рукописи VI века.* 1994.
18. Ващева И. Ю. Парадоксы исторической концепции Мовсеса Хоренаци // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 219-230.
19. Евсевий Кесарийский. Церковная история в 10 книгах. *Электронная библиотека русской*

*религиозной и философской литературы
«Вехи».*

20. Иосиф Флавий. Иудейская война. В 7 книгах. *Электронная библиотека «Вехи».*
21. Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 20-ти книгах. *Электронная библиотека «Вехи».*
22. Eusebius' Chronicle. Translated from Classical Armenian (by Robert Bedrosian) Sources of the Armenian Tradition (Long Branch, New Jersey, 2008) Eusebius of Caesarea. CHURCH HISTORY.
23. The Complete Works of Flavius Josephus. Translated By William Whiston. 1737
24. Strabo. Geography. Books I – XVII.
25. Ammianus Marcellinus. An English translation by John C. Rolfe. London. 1935.
26. John R. Gardiner-Garden. Ancient Literary Conceptions of Eastern Scythian Ethnography from the 7th to the 2nd century B.C. Australian National University. 1986.
27. A. V. Williams Jackson. Persia Past and Present, a Book of Travel and Research. London. 1906.
28. F.C. Conybear. The Date of Moses of Khoren. Byzantinische Zeitschrift, 10. 1901.
29. H. C. Hamilton. The Geography of Srtabo. The first six books. Literally translated with notes. Volume 1.
30. H. C. Hamilton. The Geography of Srtabo. The first six books. Literally translated with notes. Volume 2.
31. H. C. Hamilton. The Geography of Srtabo. The first six books. Literally translated with notes.

- Volume 3.
32. M. Syke. A History of Persia. London. 1915. Volume 1.
 33. M. Syke. A History of Persia. London. 1915. Volume 2.
 34. Edward G. Browne, A Literary History of Persia From the Earliest times until Firdawsi. London. 1909.
 35. Noel Lenski Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century a.d. . London. 2002.
 36. Calvin W. McEvan. The Oriental origin of Hellenistic kingship. University of Chicago. Chicago. 1934.
 37. The Chronicle of Jone Malalas. *A Translation by Elizabeth Jeffreys, Michael Jeffreys and Roger Scott with Brian Croke, Jenny Ferber, Simon Franklin, Alan James, Douglas Kelly, Ann Moffatt, Ann Nixon.* Melbourne, 1986.
 38. The Annals by Tacitus. Written 109 A.C.E. Translated by Alfred John Church and William Jackson Brodribb.
 39. A.H. Layard. NINEVEH AND ITS REMAINS. In two volumes. London. 1849.
 40. **Библия.** Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Библейские Общества. Москва 1995.